

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2004

Общественно-политическое издание

Выходит раз в квартал

Наш электронный адрес:

e-mail: mspskniga@co.ru

http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ

по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

Е.В. Барабанов

Р. Брейтвейт (Великобритания)

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

М. Мертез (ФРГ)

Б.Н. Миронов

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Д. Пинто (Франция)

Б. Рубл (США)

В.А. Рыжков

А.М. Салмин

Ю.П. Сенокосов

Л.П. Скопцов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Людмила Бусуек*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

Издание осуществлено при поддержке

Агентства Международного Развития США (USAID).

Содержание

№ 3 (30) 2004

Семинар

Гражданское общество в современной России 5

Елена Немировская

Юрий Сенокосов

Лариса Мишустина

Людмила Алексеева

Александр Аузан

Александр Сунгуров

Тема номера

Реформа федеративных отношений и местное самоуправление 21

Владимир Плигин

Бизнес и политика 25

Игорь Юргенс

Военные организации России и проблема их трансформации 29

Александр Шаравин

Как работает британское правительство 35

Ричард Уилсон

XXI век: вызовы и угрозы

Россия в современном мире 45

Владимир Лукин

Терроризм и демократия 51

Дуглас Херд

Имперская идея и государственный прагматизм 57

Алексей Макашкин

Концепция

Кризис российского либерализма? 63

Борис Капустин

Дискуссия

Четвертая Дума и демократический процесс 73

Владимир Рыжков

Наш анонс

Стратегия большого города 82
Блэр Рубл

Пермь – родина российского либерализма 84
Андрей Никитин

Свобода и культура

Психологические соблазны тоталитаризма 87
Бруно Беттелхайм

Новые практики и институты

Центр гражданского образования и прав человека 93
Андрей Суслов

Личный опыт

*Вадим Медведев: Возможностью делать добро –
надо обязательно воспользоваться* 97
Зоя Ерошок

Идеи и понятия

Гражданское общество 100
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров

Горизонты понимания

О европейской конституции 106
Александр Терентьев

Книги

Предательство и революция 113
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 115
Александр Клинский,
Ирина Сербина,
Ирина Лукьянова

Контрапункт 120

Александр Архангельский

Nota bene

Pro и Contra: ясности накануне выборов в США не прибавляется 123
Александр Согомонов

Гражданское общество в современной России*

*Демократизация
и гражданское общество*

Елена Немировская,
основатель и директор
Московской школы политических исследований

Мы собираемся на наши семинары как внутренне ответственные люди. Как граждане, ответственные за модернизацию, а значит и за демократизацию страны.

Современную демократию я бы характеризовала как процесс демократизации. Демократизация гораздо шире, чем мир политики и управления. В процессе демократизации закрытые системы вынуждены открываться, давление общественного сознания ведет к социальным изменениям. То есть демократия перестает быть только формой правления и становится образом жизни – во всех сферах: в политике, экономике, культуре. Нам это может нравиться или не нравиться, но мы вынуждены признать, что глобальный процесс демократизации меняет в том числе и нашу культуру, благодаря которой и рождается гражданское общество.

На мой взгляд, за последние полтора десятилетия Россия прошла значительную историческую дистанцию на пути превращения в демократическое общество. Новые институты, новые социальные силы, новая политика – все это стало фактами нашей жизни. Тысячи некоммерческих неправительственных организаций действуют сегодня практически в любой сфере общественной жизни. Эти организации не насаждались сверху, они возникли сами, естественным образом, как демократическая альтернатива прошлому.

Наша главная проблема – неразвитость культуры гражданского взаимодействия; слабость диалога между обществом и государством; вялость взаимодействия, основанного на согласовании различных интересов, на партнерстве и толерантности. Диалог, партнерство и толерантность действительно трудно приживаются в стране, где проявления гражданской жизни были в постоянной конфронтации с властью.

Что же такое гражданское общество? Не могу сказать, что мне это до конца ясно. Но я знаю, что оно помогает сохранять индивидуальную свободу и вызывает во мне чувство личной ответственности за то место, в котором я нахожусь. Это не высокие пафосные слова, это мое переживание мира. И я уверена, что молодые люди, которые участвуют в наших семинарах, думают то же самое.

* Семинар Московской школы политических исследований в Голицыно, 2 апреля 2004 года.

Мы можем и должны требовать гражданской ответственности от власти, но и сами должны быть ответственными. Освоение культуры партнерства требует от нас, как граждан, постоянного внутреннего усилия. Это необходимо для страны и для всех нас, потому что современно и своевременно.

Умение вести диалог и быть толерантными — один из самых важных инструментов развития демократии.

**О философии
гражданского образования**

*Юрий Сенокосов,
директор издательских программ
Московской школы политических исследований*

Обладая свойством непрерывности, европейская история существует в долговременном мышлении и составляет неотъемлемую часть настоящего. Это живая реальность, которую даже сегодня, соприкасаясь с ней, мы часто воспринимаем неадекватно из-за отсутствия соответствующего опыта. Например, не задаемся вопросом, почему граждане современной Европы не обращают внимания на ум или глупость своих правителей. Хотя, как и в России, они тоже охотно рассуждают об этом, но на самом деле их мало это интересует. Так как их повседневная жизнь не зависит от того, находятся умные или глупые люди у власти — будь то консерваторы или либералы. Ибо не они управляют просвещенной Европой. Или можно сказать так: поскольку в Европе существует просвещенное гражданское общество, постольку власть в нем не обязательно находится в руках самых умных и добрых. На чем оно основано? Не на приложении совершенного ума к общественным делам, а на эмпирически налаженном взаимодействии сложившихся государственных и гражданских институтов. И эта эмпирически налаженная игра, ведущаяся по цивилизованным правилам, и есть то, что действительно управляет в Европе. Это и есть европейские ценности, европейское достижение.

Как уже было сказано, современная демократия это не только форма правления — это процесс. Общественный процесс, в котором участвуют и демократы, и монархисты, и представители тиранических наклонностей, и олигархи, и военные. Все они претендуют на власть, и именно в этой связи встает проблема гражданского образования и участия. Когда граждане, берущие на себя функцию защиты прав и свобод человека, должны быть по определению просвещенными посредниками между властями и народом.

Выстроить нормальную систему межчеловеческих отношений в нашей стране с позиции солидарности невероятно трудно. До такой степени трудно, что порой невольно приходишь в отчаяние. Все это мы переживаем и знаем, но поскольку посвятили себя служению благородному делу, постараемся посмотреть на происходящее, опираясь на философию. Потому что именно философия, на мой взгляд, помогает нам, прежде всего, понять себя. Ведь если начинаешь понимать себя, то начинаешь понимать и других. Это аксиома.

Итак, принципиальный вопрос: воспитатели воспитывают, но кто воспитает и просветит самого воспитателя? Очевидно, только сам воспитатель, заглянув, как говорят в таких случаях, в свою душу, в себя. И что он там обнаружит? Как выражался по этому поводу еще Сократ, отвечая своим оппонентам: я знаю, что я ничего не знаю. Но пока оставим эту фразу в стороне. Обратимся к конкретному примеру.

Вот перед нами стакан, которым мы пользуемся. Откуда он появился? Ведь в природе его не существовало. Возможный ответ: он появился по аналогии с неким предметом, например, скорлупой ореха, которую человек когда-то использовал, чтобы напиться воды. Хорошо — использовал, но человек ведь при этом еще и подумал. А думание как таковое исключает аналогию. Между думанием о предмете и самим предметом всегда есть некий зазор. Это состояние ума, существующее в некой идеальной форме, в горизонте которой и изобретаются артефакты культуры — будь то стакан, вилка, любая машина и т.д.

Практически все предметы и вещи, которые нас окружают сегодня, в природе отсутствовали, их не было. Это все изобретения человеческого ума. Мы давно уже живем в мире искусственных, а точнее, искусно сделанных вещей и предметов и пользуемся ими чаще всего, к сожалению, не задумываясь об их происхождении. В том числе это относится и к общественным институтам. Таким как парламент, который изобрели англичане (неважно, в каком веке: для нас в данном случае важен сам факт идеи или формы парламента), или — институт омбудсмана, который придумали в Швеции. И при этом я хочу подчеркнуть, что только там, где есть понимание самой идеи того же парламента, он существует как живой организм.

Таким образом, возвращаясь к фразе Сократа, мы можем теперь сказать следующее. В сократовском сосредоточенном желании (а значит и нашем, если мы действительно поняли его фразу) удержать то, что нам открывается на границе незнания, и заключена драма свободы. И разыгрывается она в зависимости от наших способностей и усилий прежде всего к творческому, созидательному существованию. Это и есть собранность субъекта в цивилизации, наследующей дух античности и европейской культуры. Когда все оплачивается личным мужеством и опирается на единственную достоверность — на внутренний голос человека, не нуждающегося во внешних руководителях.

Власть никогда не была моральной. И к тому же понятие нравственности в русском языке — от слова «нрав», а он у каждого человека разный. Тогда как свобода — идеальное понятие. Возможен ли в таком случае и в нашей стране «компромисс» между нашим абстрактным пониманием свободы и конкретным ее воплощением? Когда понимание долга, позволяющее человеку поместить себя во все-связь, в традицию, завязывается актом вневременной мысли. На мой взгляд, он не только возможен, он уже существует — в виде самых разных гражданских инициатив и реальных гражданских организаций, которые способны кристаллизовать наше аморфное общественное пространство и противопоставить власти нечто более осмысленное и разумное.

Но чтобы выстояло гражданское общество, нужны, конечно, не только люди, которые отстаивают гражданские права. Необходимо соответствующее образование, нужны учебные пособия, кадры, не говоря уже о законах. Это сложный и большой комплекс проблем. И наша цель сегодня — подумать и о философии гражданского образования, и о существующем опыте практической деятельности.

Публичная политика и гражданское общество

Лариса Мишустина,
референт Президента Российской Федерации

Насколько взаимосвязаны публичная политика и гражданское общество? Насколько они нужны друг другу, или, наоборот, могут существовать автономно и независимо?

Я предлагаю вначале разделить (хотя они взаимосвязаны) гражданское общество и политическое сообщество. К политическому сообществу я прежде всего отношу политическую власть, потому что люди в своей массе не участвуют в политических акциях, исключая выборы, когда они востребованы как граждане и на короткий срок нужно их мнение. На этом их политическое участие обычно заканчивается. Так что если говорить о публичной политике, то в основном это публичная политика власти.

Что такое публичность власти? Это стремление и желание власти вести диалог с народом, объяснять ему свои действия, заряжать его на движение к тем целям, которые она формулирует. Чтобы понять нынешнее состояние гражданского общества и публичности власти, их взаимодействие и влияние друг на друга, я предлагаю совершить небольшой экскурс в историю и посмотреть на эту взаимосвязь за последние 25 лет.

Первый период — советский, начиная с 1980 года. Это был период, когда господствовала, как известно, одна партия, одна идеология и фактически одна форма собственности. Это было время, когда, на мой взгляд, публичность власти была приближена к ста процентам. Советское время в смысле публичности власти может служить для нас своего рода образцом. Другой вопрос, что цели, которые ставило советское государство, и средства, которые оно использовало, не были демократическими, но не об этом сейчас речь.

Речь о той огромной пропагандистской машине, которая работала безотказно и воздействовала практически на каждого человека, накрывала собой все общество. Эта машина доводила до людей решения, которые принимали партия и советское государство, включая их в этот процесс. Сама методология, которая работала в то время, имеет свою ценность. И я считаю, что ее можно использовать и в демократическом государстве, но для других целей — для объяснения того, что делает власть на всех уровнях, чтобы мобилизовать людей на выполнение целей государства, чтобы обсуждать с людьми решения, которые принимает власть.

А в советской системе, между прочим, обратная связь существовала. До принятия решений проводились собрания — пусть формально, но был опыт, хотя пропагандистская машина и была заряжена на оболванивание людей, но как только были отпущены идеологические вожжи, она работала на обновление по инерции несколько лет.

Приведу только один пример. Бориса Николаевича Ельцина на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1987 года осудили за выступление против Михаила Серге-

евича Горбачева и пустили по пропагандистским каналам партийной машины негласное решение осудить его. А что он сделал — не было понятно! И получился обратный эффект: многие партийцы стали совершенно открыто поддерживать Ельцина. Машина сработала на обновление.

Что же касается гражданского общества, то оно, по-моему, существовало в СССР, несмотря на режим. Система гражданских институтов была эффективной, люди были заинтересованы в их работе. Так как общественное служение было тогда возведено в ранг высшей ценности. Общественная работа, конечно, принимала и карикатурную форму, но тем не менее в конце 70-х — начале 80-х годов появлялись структуры гражданского общества. Они работали под патронажем власти, которая давала им возможность существовать.

Во-первых, клубы самодеятельной песни, вокруг которых формировалась независимая интеллигенция. Это была инициатива людей, которых никто не организовывал. Это была самоорганизация по интересам, со своей идеологией и системой ценностей.

Во-вторых, студенческие строительные отряды, которые были и школой жизни, и школой взаимодействия, и школой менеджмента.

В-третьих, молодежные жилищные комплексы. Они тоже появились по инициативе людей, вне власти. Потом они добились поддержки власти, но инициатива шла снизу.

В-четвертых, было огромное количество самых разных организаций, клубов, кружков досуга, воспитания детей на общественных началах и т.д. Была ли там идеология — не знаю, но это приветствовалось и поддерживалось властью.

Далее — существовал «параллельный мир» людей, имевших отношение к снабжению. Об этой страте общества тоже не надо забывать, она также формировалась и самоорганизовывалась на собственных основаниях.

Все эти люди и движения в той или иной степени — идеологически и практически — подготовили страну к переменам, наступившим в конце 80-х. Потому что в рынок, к которому большинство населения страны было абсолютно не готово, вписались как раз те, кто был в строительных отрядах, в торговом «параллельном мире» и т.д., — это они закладывали основы демократии и организовали рыночное пространство.

А затем начался романтический период 1989–1993 годов. Это был период абсолютной открытости, абсолютной публичности власти. Власть принимала решения, что называется, «на площадке» перед народом. Съезды народных депутатов транслировались по радио и телевидению, и люди видели, как решения принимаются. Публичность была предельной. И именно поэтому она стала «сжиматься», власть уходила в тень, не вырабатывая при этом методологии и механизма контактов с людьми. Информации было много, но понимания, что происходит в стране и зачем, не было.

Когда закончился романтический период, начался политический хаос, демократическая сумятица, длившаяся фактически до 1999 года. Это было время, условно говоря, «прагматиков», то есть достаточно благоприятное для того, чтобы строить гражданское общество, создавать новую политическую реальность. Но этого не происходило, так как в обществе отсутствовало стремление к гражданскому сотрудничеству из-за огромных социальных потерь, а у власти — стремление к вовлечению граждан в сферу политической деятельности.

Начало этого периода характеризовалось двумя обстоятельствами. Во-первых, люди, стоявшие у власти, отодвинули пробудившееся в конце 80-х годов народное движение в сторону и попытались создать свою партию, используя чисто административный ресурс. Создание партии «Наш дом — Россия» — партии власти — я считаю одной из главных политических ошибок в то время, затормозивших на много лет строительство в стране нормальной многопартийной системы. Да, это было как всегда продиктовано целесообразностью, но одновременно это и породило равнодушие общества.

И второе обстоятельство — появление класса богатых людей. Мы стремились к тому, чтобы у людей была собственность, чтобы они имели то, что хотели бы защищать. Однако появление в 1996 году «семибанкирщины», решившей, кто будет президентом страны, безусловно, было ошибкой, поскольку эти люди поверили во всеисилие денег. Это был период торжества денег. Покупалось все, включая власть.

Сегодня опомнившийся (правда, тяжелой ценой) наш бизнес начинает обращать внимание на гражданское общество, понимая, что для равновесия, чтобы свобода существовала, а демократия не разъедалась бедностью, нужно вкладывать деньги, в том числе и в гражданские инициативы.

Существование гражданского общества без помощи бизнеса трудно себе представить. Но, на мой взгляд, это важно и для общества, и для самого бизнеса, и для власти.

Мы, конечно, еще очень далеки от того, что существует, например, в Дании, где правительство не принимает ни одного решения без консультаций с негосударственными организациями. Но мне кажется, что сегодня постепенно мы идем к тому, как живет весь цивилизованный мир. Люди просыпаются, никуда от этого не деться. И я лично смотрю с оптимизмом на наше гражданское общество, веря, что оно многое сможет сделать. Свободу и демократию может защитить только гражданское общество, только его структуры. И только те яркие личности, которые будут появляться на всех уровнях.

Е.М. Немировская:

— Гражданское общество предполагает политическую составляющую, диалог с властью от имени общества. Возвращаясь в тот период времени моей жизни, который, как и сидящая рядом со мной Людмила Михайловна Алексеева, я прожила в СССР, помню, что единственным формальным и неформальным объединением людей, которые позволяли тогда себе разговаривать с властью на равных, были диссиденты. Это было мужество, это был поступок, это была сознательная активность. Диссиденты боролись с Советской властью, но они не предполагали, что случится, когда она вдруг падет. Никто в это фактически не верил, как не думали и о гражданском образовании. И что случилось потом? Мы оказались без просвещенной политической элиты. Если бы она была, наш путь развития за прошедшие десять лет наверняка был бы более осознанным.

Я не могу сказать, что у нас есть гражданское общество. У нас есть уникальные гражданские инициативы. Гражданин, который возглавляет сегодня ту или иную гражданскую инициативу, должен включить всего себя для того, чтобы из гражданских инициатив выстраивалось общество, способное вести диалог с властью. И в конце концов власть будет вынуждена вступить в диалог. Гражданское общество Российской Федерации должно строиться вместе с властью, лишь тогда у нас появится современное демократическое правовое государство.

Александр Согомонов, директор Центра социологического образования Института социологии РАН:

— Я хотел бы, чтобы мы отчетливо разделили два настроения, которые я почувствовал в выступлении Ларисы Павловны Мишустинной. Первое настроение: «Никто не даст нам избавления — ни Бог, ни царь и ни герой». Все мы вышли из прошлого, и если осознаем свое прошлое, тогда можем более ясно увидеть сегодняшнее. Если мы понимаем, что наша деятельность, даже в недалеком прошлом, имела какие-то результаты, значит мы верим в собственные силы.

И второе настроение, я бы назвал его опасным. Восстание Спартака — это тоже элемент гражданского общества? А публичная политика в Третьем рейхе? Внешняя схожесть явлений или событий часто не дает нам понять их суть, природу, содержание. Надо ясно сказать: гражданского общества при советской власти не было. И не могло быть. Существовала контркультура? Да. А где ее не было? А гражданского общества не было.

Я верю в личность, но гражданское общество — это прежде всего осознанная экзистенциальность и процедура. Структуризация общества не может быть осуществлена властью. У власти нет такой задачи. Более того, любая власть хочет подавлять общество. Это нормально. Значит, необходимо движение снизу.

«Третий сектор»

*Людмила Алексеева,
председатель
Московской Хельсинкской группы*

Я бы тоже не утверждала так твердо, что в советские времена существовало гражданское общество. Какие-то росточки проросли, но жалкие, называть которые гражданским обществом вряд ли можно. Я большую часть своей жизни прожила в советское время, так что могу быть свидетелем того, что там происходило.

Что такое гражданское общество? Всем понятно, что это то, что не власть. И действительно, не в каждой стране оно существует. В СССР гражданского общества не было. Гражданское общество должно быть структурировано. Это имеющиеся в стране структуры, которые не есть власть, а сформированы гражданами для выражения и защиты их прав, интересов, свобод, чего хотите. Я не знаю, какую точку зрения больше поддерживают специалисты — есть у нас гражданское общество или нет. Сама я отношусь к той части оптимистов, которые считают, что гражданское общество в Российской Федерации уже существует.

Как-то я попала на конференцию немецких и российских политологов, которые рассуждали о том, что такое гражданское общество. Все немецкие по-

литологи придерживались мнения, что гражданское общество — это «третий сектор», некоммерческие организации, имея в виду, что первый сектор — это власть, а второй — бизнес. А наши политологи, все как один, говорили, что не только «третий сектор», но и политические партии, независимые СМИ, независимый бизнес. Германские и российские политологи придерживаются разных точек зрения потому, что анализируют разные общества. В германском обществе только «третий сектор» причисляют к гражданскому обществу, а политические партии считают частью власти. Так как, победив, они формируют правительство, реально участвуют в законотворчестве, даже когда находятся в оппозиции. Средства массовой информации не входят во властные структуры, но их неслучайно называют «четвертой властью». И поэтому их тоже в Германии не относят к гражданскому обществу. Бизнес — это экономическая власть. Он независим от власти, но предъявляет ей свои интересы, и власти приходится с ними считаться; многие решения власти базируются на том, чего требует бизнес. Поэтому это тоже не гражданское общество.

А у нас политические партии — не часть властных структур. Я не говорю при этом, что «Единая Россия» — это часть гражданского общества, но уж точно и не властная структура. И то же самое можно сказать о средствах массовой информации. Они высказывают свое мнение, критикуют власть, но власть с ними не считается. И даже бизнес, за исключением краткого периода, когда так называемые олигархи непосредственно влияли на власть, реальным влиянием не располагает.

Получается, что у нас гражданское общество гораздо разнообразнее, чем в Германии. Наши политологи соглашались, что основой гражданского общества и в России является все-таки «третий сектор», потому что в него входят наиболее развитые и независимые от властей общественные структуры. Политические партии, СМИ, бизнес гораздо больше зависят от властей. А большинство некоммерческих организаций (НКО) существуют сами по себе, не нуждаясь в поддержке государства

Причем это очень большой сектор, самый большой из всех, перечисленных мной. Два года назад Министерством юстиции было зарегистрировано более 350 тысяч НКО. И с тех пор их число не уменьшилось, может быть даже увеличилось. Конечно, какая-то часть этих НКО существует только на бумаге. Но все-таки около четырехсот тысяч — число не малое, даже для такой большой страны, как Россия. Из этих почти четырехсот тысяч большую часть составляют всевозможные собаководы, любительские хоры, спортивные объединения, объединения коллекционеров и т.п. По численности активистов самые крупные — это объединения социальной взаимопомощи и благотворительные организации. Такие как общества инвалидов, ветеранов, жертв политических репрессий, многодетных семей, в какой-то мере женские организации, общество защиты прав потребителей и другие. Люди объединяются, чтобы решить свои жизненные проблемы и принудить государство выполнять свои обязательства перед соответствующей группой граждан. Меньше, но все-таки немало НКО, которые защищают права и интересы отдельных групп населения. Это, например, комитеты солдатских матерей, которые защищают солдат-срочников; НКО защиты детей, заключенных, пациентов медицинских учреждений и т.д. Весьма разнообразны у нас просветительские НКО. Экологические объединения, правозащитные организации широкого профиля, которые защищают весь спектр прав. Все вместе они делают огромное дело: мобилизуют граждан для решения своих проблем и побуждают государство и бизнес уделять должное внимание этим проблемам.

Политические партии. При всем их бессилии в притязаниях на участие во власти, они все-таки объединяют заметное число граждан. И поскольку по закону может быть зарегистрирована лишь та партия, которая имеет не менее десяти тысяч членов в разных регионах, то, как бы ни были эти партии слабы, все же это объединения единомышленников, достаточно активных.

В общем, похоже, наше общество развивается скорее по американской модели, чем по европейской. Потому что в Европе сначала создавались сильные политические партии, а потом уже они обрастали разными фондами, обществами, клубами и т.д. и т.п. В Америке две крупные партии, которые являются машинами для проведения выборов, а вся гражданская активность — это НКО. Но зато их невероятное количество.

Что касается средств массовой информации, то большая их часть находится в зависимости от государства и контролируется властями разных уровней. Но все-таки у нас есть и независимые СМИ. И они играют огромную роль, потому что являются слышимым рупором нашего общества.

Российский бизнес уже оглядывается на общественные структуры: не помогут ли они ему освободиться от зависимости. Он прикидывает, хватит ли у этих структур для такой помощи сил. Пока он сил не видит, он очень осторожен, понимая, что легче «отстегнуть» чиновнику. Бизнес примкнет к гражданскому обществу только тогда, когда убедится, что оно действительно обладает авторитетом.

Суммируя сказанное, я утверждаю, что гражданское общество у нас уже существует. То есть масштабы организованного, структурированного сегментами населения в России, с учетом специфики нашей страны, не меньше, чем в Германии, где никто не ставит под сомнение существование гражданского общества. Но в Германии власти признают гражданское общество своим равно-

правным партнером и не могут не считаться с ним. Я согласна, что и там тоже хотели бы не считаться, но не могут. А у нас власть не считается ни с «третьим сектором», ни с политическими партиями, ни со средствами массовой информации, ни с бизнесом. Она сама по себе.

В отличие от Ларисы Павловны я считаю, что гражданское общество появилось у нас совсем недавно. В советские времена его не было. Тогда существовал запрет на общественные организации. Когда мы организовали в 1976 году Московскую Хельсинкскую группу, ее основателя Юрия Федоровича Орлова тут же вызвали в КГБ и сказали: «Вы — антиконституционная организация, так как у вас нет ячейки КПСС». И поэтому с нами и поступали, как говорится, по всей строгости закона.

В историческом масштабе 15 лет, за которые у нас появились какие-то условия для развития гражданского общества, — это мгновение. Потому что в той же Германии на это ушли столетия, чтобы оно существовало в том виде как сегодня. Хотя наше гражданское общество за такой короткий срок развилось поразительно быстро, но у него пока нет сил и влияния для того, чтобы сравниться с властными структурами.

Реальная правящая сила нашей страны — бюрократия, сложившаяся еще в допетровские времена. Она оставалась правящей силой при всех катаклизмах, которые мы пережили. Российская бюрократия перевоплотилась в бюрократию советскую, и семь десятилетий советского режима были временем ее наибольшего расцвета. Сейчас в России советская бюрократия, пережив некоторый период растерянности, вновь вернула себе былое могущество.

Прошедшие думские и президентские выборы закрепили отсутствие самостоятельности и законодательной власти, и власти судебной. Подмяв под себя эти две ветви власти, бюрократия сосредоточилась сегодня на подавлении бизнеса. В перспективе имеется в виду поставить под контроль, конечно, и «третий сектор» — костяк гражданского общества. Именно поэтому первым под удар среди так называемых олигархов попал ЮКОС. Законы у нас построены так, чтобы держать на крючке всех предпринимателей — и крупных и мелких. И предпринимателю приходится хитрить, уходить в тень, что делает его покорным чиновникам. ЮКОС прогневал власти тем, что Ходорковский вознамерился поломать эту отечественную традицию. Это была первая крупная промышленная компания, которая вышла из тени. Она ввела внутреннюю отчетность по международным стандартам, полностью прозрачную, и — о, ужас! — открыла благотворительный фонд «Открытая Россия». Этот фонд осуществлял — и продолжает осуществлять, несмотря на то, что Ходорковский сидит, — крупные социально значимые программы.

У нашей бюрократии безошибочный нюх на опасность утраты власти. На самом верху — не без оснований — усмотрели опасность и в прозрачности ведения бизнеса, и в деятельности «Открытой России». Эта активность была расценена как стремление заключить союз с обществом для освобождения из под власти государства. А для любой бюрократии государство — это она сама и есть. Опасения состояли в том, что если, по примеру ЮКОСа, так же начнут действовать и другие крупные предприниматели, а за ними остальные, то этот тандем станет равновеликим по силе армии бюрократов. И им придется считаться с гражданским обществом так же, как это имеет место в той же Германии.

Надо сказать, что опасения насчет заразительности примера ЮКОСа не были лишь плодом воображения испуганных бюрократов. Они, конечно, пугаются раньше, чем надо (как они испугались нашей Хельсинкской группы, когда там было одиннадцать рядовых граждан и две разбитые пишущие машинки «Башкирия»; а ведь не зря боялись!), но у них нюх лучше, чем у нас. Российский бизнес, как я сказала уже, тяготится своей зависимостью от государства. Многие поглядывают в сторону гражданского общества в надежде на поддержку. Очень интересную вещь мне сказала Ольга Алексеева, директор английского благотворительного фонда «Charity Foundation»: около 40 процентов средств, которыми располагают социальные организации в регионах, они получают от местных бизнесменов.

Когда был арестован Ходорковский, Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловая Россия», и «Опора России» — организации крупного, среднего и малого бизнеса — обратились за поддержкой не к политическим партиям, а к правозащитным организациям. Был создан Координационный комитет, в который входят представители организаций предпринимателей и представители правозащитных организаций. Этот комитет разрабатывает формы сотрудничества между бизнесом и «третьим сектором». Конечно, предприниматели здорово напуганы наступлением властей на ЮКОС и, не оставляя надежд на поддержку «третьего сектора», ведут себя очень осторожно.

Исполнительная власть не обходит своим вниманием и «третий сектор»: она предприняла попытку взять его под контроль в ноябре 2001 года, когда был созван знаменитый «Гражданский форум», около 4000 представителей различных НКО. Идея состояла в том, чтобы на этом форуме избрать Гражданскую палату, через которую президент и его администрация могли бы осуществлять контроль над гражданским обществом. Наше гражданское общество отнеслось к этой идее со здоровой подозрительностью. Идею Гражданской палаты осуществить не удалось, и это было победой гражданского общества. Мы поломали тот сценарий, ради которого этот форум был созван.

После этого руководители самых известных общественных организаций были приглашены стать членами президентской комиссии по правам человека. Мы это приглашение приняли. Ведь мы не противники взаимодействия и даже сотрудничества с властью. Наоборот, мы понимаем необходимость такого сотрудничества. Но мы исходим из убеждения, что это сотрудничество будет плодотворным только тогда, когда власть будет относиться к представителям общества, как к равноправному партнеру, а не как к подчиненной и зависящей от нее структуре.

Положение гражданского общества в России, увы, не из легких, потому что власть не относится к нему как к равному партнеру и не очень-то считается с мнением граждан по самым важным для них вопросам. Тем не менее, несмотря на эти очень существенные трудности, гражданское общество в России не только существует, но растет и усиливается. Это проявляется в увеличении численности НКО, в росте их профессионализма и укреплении солидарности. Восемь лет назад Московская Хельсинкская группа собрала все известные тогда нам правозащитные организации из российской провинции. Таких оказалось чуть больше тридцати. Сейчас у нас в банке данных около трех тысяч организаций. Они имеются во всех 89 субъектах России. То есть за семь-восемь лет их численность выросла примерно в сто раз. Все правозащитные организации связаны между собой, обмениваются информацией, собираются на семинары. Мы предпринимаем общие действия. Мы научились все вместе работать. Самый большой общий проект правозащитных организаций — мониторинг положения с правами человека в России. Этот мониторинг осуществляется с 1999 года, ежегодно публикуются соответствующие доклады, в которых ситуация в каждом регионе отслеживается и освещается правозащитниками региона по общей схеме, основанной на Европейской конвенции по правам человека. Кроме всероссийской сети правозащитных организаций имеется также покрывающая все регионы сеть экологических организаций, такая же сеть обществ потребителей, в большинстве регионов работают связанные между собой женские и молодежные организации.

У нас есть среда для развития гражданского общества. Наш «третий сектор» уже созрел до выполнения функций общественного контроля за теми сферами деятельности бюрократии, которая касается прав и интересов российских граждан. Нам трудно осуществлять этот контроль — не потому что у нас не хватает сил, а потому что мы стоим против гораздо более могучего противника, чем НКО в Германии. Там бюрократия не такая могучая и не такая хищная. Наша бюрократия яростно сопротивляется тому, чтобы где-то был введен гражданский контроль.

Чтобы установить реальный гражданский контроль за действиями властей, необходимо развивать и укреплять связи внутри «третьего сектора». Каждый из его сегментов достаточен для осуществления функций гражданского общества как равноправного партнера властей, но пока очень слабые связи между секторами: между НКО и бизнесом, между НКО и политическими партиями, между НКО и средствами массовой информации. Все эти сегменты гражданского общества разобщены.

Именно в налаживании и укреплении разнообразных связей внутри гражданского общества, в его консолидации я вижу главную нашу задачу, для того чтобы превратить гражданское общество в обозримые сроки в такую силу, с которой и могущественной российской бюрократии придется считаться.

Состояние и перспективы гражданского общества

Александр Аузан,
директор Института национального проекта
«Общественный договор»

Я бы хотел разделить свое выступление на три части. Во-первых, очень коротко ответить на вопрос, есть ли в России гражданское общество. Во-вторых, сказать, что в нынешней ситуации происходит: мы слабеем или усиливаемся? И, в-третьих, поделиться своими соображениями о том, что нам дальше делать.

Я экономист, и для меня вопрос о гражданском обществе — это вопрос институциональный. Бизнес производит частные блага, а есть производство общественных благ. Им может заниматься государство, а если не оно, то кто? Многие публичные блага, которые не являются товаром, производятся не государством, их производителем является гражданское общество.

Приведу характерный пример. Рональд Коулз лет 15 тому назад написал статью под названием «Маяк в экономической теории», которая взорвала представление о роли государства. Он сначала собрал цитаты из великих экономистов, от Дэвида Рикардо до Маршалла Голдмана, которые приводили один и тот же пример: если бы не было государства, то кто бы строил маяки в Англии? Коулз выяснил, что ни один маяк в Англии не был построен государством. Их строили местные общины, корпорации капитанов судов, объединения судовладельцев. Так что на самом деле производством публичных благ в основном занимается не государство, а гражданское общество.

Если мы переходим от продукта к его производителю, то у него довольно сложная структура, но в России оно, то есть гражданское общество, несомненно есть. Парадокс же нынешнего положения в том, что за последние несколько лет гражданское общество усилилось, а положение его ухудшилось. Усиление состоит в том, что в нем развиваются консолидационные процессы, внутренние процессы взаимодействия; возникли очень важные связи между гражданскими организациями и бизнес-ассоциациями. В этом смысле мы усиливались, но проиграли в общей позиции.

Мне кажется, дорогие коллеги, что в России изменилась не политическая ситуация, а общественный строй. Не будем говорить о том, что у нас вообще нет демократии, — это неправильно. Или что вообще нет многопартийности — это неверно. Ситуация скорее похожа на Римскую республику времен императора Августа, на принципат. Вроде бы все республиканские институты существуют, но как они работают? Мы находимся в ситуации, когда нельзя однозначно сказать, что исчезли какие-то институты. Институты все есть! Просто очень необычная ситуация с их использованием.

Когда возникает монополия на экономическом рынке, все понимают, что вообще-то потребитель проголосовал долларом за такую монополию, но тем не менее проблема существует, так как «Майкрософт», скажем, доминирует на рынке. Поэтому нужны антимонопольные меры. И то же самое относится к политическому рынку. Да, в значительной мере наш избиратель проголосовал

за монополизм, но это создает проблемы, в том числе и для самого избирателя: перестает нормально работать законодательная система.

Как жить в этой ситуации? Во-первых, надо оборонять свое жизненное пространство. Это не симпатичная и не амбициозная задача, но придется ее решать. Сейчас власть занялась олигархами. Потом возьмутся за ярко окрашенных губернаторов. И мы окажемся в парадоксальном положении, потому что у нас как правило ужасные отношения с этими крупными феодалами. Как мы будем реагировать, когда их начнут прессовать под очень правильными лозунгами?

И все же у меня такое ощущение, что ситуация на уровне национального поля хуже, чем на муниципальном уровне. В Воронеже, например, или в Екатеринбурге намного лучше, чем в Москве. Там есть и возможности для взаимодействия публичных сил, и слабее внешние политические ограничения. Может быть, это историческое запаздывание, и там будет то же самое, что и на федеральном уровне, только через год или через два. Но сейчас подходящий момент, чтобы заняться поддержкой кондоминиумов, кредитных союзов, обществ любителей собак, кооперативов и т.п., чтобы помогать им методически и экспертно связываться между собой.

Второе соображение тесно связано с первым: гражданское образование. Я вижу определенный драматизм ситуации в том, что люди производят общественные крупные блага, но не сознают, что они делают. Мы не прошли фазу, которую прошли многие западные страны с развитием так называемых групповых движений. Нам нужно научиться горизонтальному взаимодействию. Гражданское воспитание бизнеса — серьезный вопрос.

Кроме новой муниципальной гражданской политики и гражданского образования встают также вопросы социальной мобильности, свободы передвижения. Причем в данном случае важна не только территориальная и не только горизонтальная, но и вертикальная мобильность. Мы превращаемся в страну изолированных меньшинств. В политическом волеизъявлении большинство есть, а в жизни его нет. Есть разные меньшинства, из которых состоит страна, разные группы и разные уклады. Горизонтализм должен стать философией. Нужен диалог меньшинств. Пора в России, наконец, обсудить вопрос о большинстве и меньшинстве. Демократия — это не власть большинства, а консенсус меньшинств.

Гражданское образование и перспективы его развития

*Александр Сунгузов,
президент Санкт-Петербургского центра
«Стратегия»*

Что такое гражданское образование? Определение, которое мне нравится, содержится в проекте закона Красноярского края о гражданском образовании. Там сказано, что гражданское образование — это общественно-государственные, социально ориентированные системы непрерывного обучения и воспи-

тания, направленные на формирование гражданской компетентности, демократической культуры, удовлетворение потребности в социализации в интересах личности, гражданского общества и правового государства. Главная цель гражданского образования — сформировать гражданские качества на основе знаний, умений и ценностей, которые помогали бы личности разрешать возникающие проблемы, адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям.

Проблема сегодня в том, что люди социально не адаптированы. Ситуация изменилась настолько быстро, что люди не успели приспособиться. Необходимо определенное замедление событий, как это происходило во всех революциях. Но главное, чтобы процесс не остановился. Поэтому необходима и обратная тенденция, чтобы было кому представлять и защищать свои интересы, уважая интересы и права других людей.

В систему гражданского образования входят такие направления, как обучение правам человека, воспитание толерантности, развитие межсекторного социального партнерства, менеджмент самоуправляющихся ассоциаций граждан. Важнейшая форма гражданского образования — непосредственное участие людей в работе неправительственных организаций. Если мы хотим чему-то научить власть, то должны работать не хуже, чем она. Скажем, по части овладения современными технологиями коммуникации, включая Интернет, «третий сектор» давно опередил власть. Во многих случаях депутаты и сотрудники администраций, чтобы получить свежую информацию, пользуются услугами неправительственных организаций.

Уважение к правам человека является центральным понятием во всех разновидностях гражданского образования. Например, в странах Восточной Европы для сотрудников полиции проводились массовые занятия по правам человека, причем это были не просто лекции, а интерактивное обучение. И это дало свои результаты. Уверяю вас, далеко не все сотрудники нашей милиции садисты. Многие из них нарушают права человека просто потому, что для них это нормально, они всегда так работали и по-другому не умеют. Никто им не говорит про нарушение прав человека! У нас этим никто не занимается.

Государственных и муниципальных служащих надо учить тому, что такое публичная администрация. Академии госслужбы — бывшие высшие партшколы — этим тоже не занимаются. Сотрудников аппаратов уполномоченных по правам человека учат наши неправительственные организации.

Активисты некоммерческих организаций. Тут — без комментариев. Это наиболее развитая система.

Заклученные — группа риска. Сейчас их около миллиона. Люди выходят на свободу и не знают, что с ней делать. Сталинская «большая зона» повлияла на сознание всего нашего общества, значит надо работать и в этой области, если мы хотим изменить сознание людей.

Пенсионеры. Здесь пересекаются система гражданского образования и система непрерывного образования взрослых. На Западе считается, что пока человек учится, он живет. Поэтому пределы жизни раздвигаются существенно. Иногда мы удивляемся, что у нас голосуют так, как голосуют. А кто голосует? Прежде всего люди преклонного возраста, наиболее дисциплинированные. Ведь с ними никто не работает, и они со своим советским менталитетом оказываются предметом манипуляции тех, кому по привычке доверяют.

В России сегодня существует несколько групп организаций, которые работают в сфере гражданского образования. Разные центры и ассоциации. Фокусная группа — школьники и педагоги. Центры прав человека (такие как Хельсинкская группа) работают с НКО и с силовыми структурами. Школа управления НКО имеет курсы для некоммерческих организаций, проводит тематические семинары. Система непрерывного образования, существующая в некоторых регионах, в том же Красноярске, общество «Знание». Каковы их проблемы?

Главная — разрозненность работы и отсутствие интереса со стороны государства. Не нужны нашему государству граждане, ему нужны подданные. Но у гражданского образования, включая сферу правового просвещения, есть хороший союзник: уполномоченные по правам человека в субъектах федерации (сейчас они существуют уже в 27 регионах).

Когда председателем думского комитета по науке и образованию был А.В. Шишлов, человек достаточно либеральных воззрений, им был создан Общественный экспертный совет по гражданскому образованию и образованию в области прав человека. Основная его цель — консолидация усилий образовательных и научных государственных и неправительственных организаций для развития в России системы гражданского образования; анализ и систематизация имеющихся проектов; разработка федеральной целевой программы, подготовка федерального закона и рекомендаций для Министерства образования и других структур исполнительной власти; развитие исследований в области гражданского образования и прав человека. Форма — проведение публичных заседаний, деятельность профильных рабочих групп. Были созданы рабочие группы по подготовке федеральной целевой программы и по преподаванию прав человека.

В 2003 году названный совет стал площадкой для встреч специалистов в области гражданского образования. Наряду с членами экспертного совета в нем участвуют около шестидесяти представителей самых разных структур из разных регионов. В настоящее время мы пришли к выводу о необходимости создания Общественного совета, независимого от Думы. Что это может быть? Открытая площадка, она же форум и коммуникационная общественно-экспертная сеть с креативной функцией. Уже прошло учредительное заседание этого совета, и на нем был принят Меморандум.

В Совете Европы принята такая формулировка: обучение демократической гражданственности на основе приоритета прав человека. Мне очень нравится эта фраза.

Реформа федеративных отношений и местное самоуправление

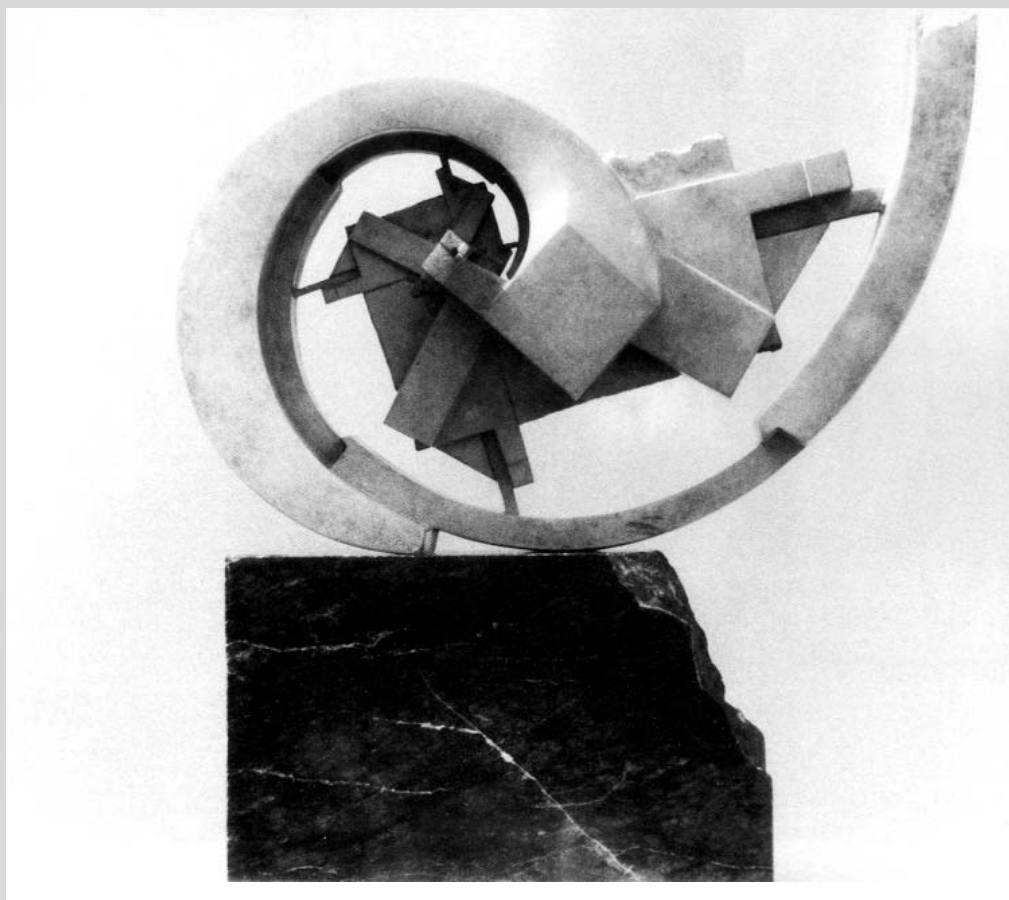

*Владимир Плигин,
председатель Комитета
Государственной думы РФ
по конституционному
законодательству
и государственному
строительству*

Административная реформа, проводимая в нашей стране, воспринимается общественным сознанием в основном как реформа Аппарата Правительства Российской Федерации, что является существенным сужением понятия. В действительности она включает в себя три самостоятельных блока. Первый блок — это реформа федеративных отношений и местного самоуправления. Второй — реформа государственного аппарата. И третий — реформа государственной службы. Таковы три составляющие, о которых мы можем сегодня говорить. Остановлюсь на первом блоке — реформе федеративных отношений, то есть на формировании Российской Федерации как федеративного государства.

С 1990 года по настоящее время мы прожили и, слава богу, пережили целый ряд крайне драматичных обстоятельств, учитывая, что любое федеративное государство имеет две тенденции — либо в сторону выстраивания унитарного государства, либо в сторону развития конфедерации. А в дальнейшем — ее распад на самостоятельные государственные образования. Напомню, что идея построения федерации возникла в России в начале прошлого века в среде революционно настроенной интеллигенции, но выстраивать федерацию на самом деле не собирались. Созданный Советский Союз был унитарным государством, с некоторыми особенностями. Только в 80-х годах в нем начали проявляться требования национальных элит о получении республиками дополнительных прав в рамках Союза. И власть тогда допустила (я говорю о фактической стороне дела, без каких-либо оценок — хорошо это или плохо) образование федеративных начал. А именно: внутри союзных республик автономные республики получили относительное право выступать равными участниками политического процесса. То есть у них появились дополнительные возможности для проявления самостоятельности в экономической, политической и даже во внешнеполитической сферах деятельности. И когда произошел слом модели Советского Союза, автономные республики в рамках Российской Федерации как бы автоматически продолжили движение в сторону наметившейся тенденции.

Это нашло, в частности, отражение в статье 5 Конституции Российской Федерации 1993 года, где употреблено

Джо Помодоро. Этуд «Золотая спираль». 1992

слово *республика*. А дальше в кавычках (что имеет принципиальное значение) стоит слово государство: республика — «государство» имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой Устав и законодательство.

Разумеется, добиться указанных кавычек было непросто. Это серьезный опыт государственного строительства. Позитивный или негативный? Опять же — констатирую факт. Но что в результате произошло? Автономные республики в начале 90-х стали выстраивать свою модель суверенизации. И таким образом в истории современной России наступил драматичный момент — началась борьба за идею суверенитета внутри федеративного государства. (Понятие суверенитета, как известно, включает в себя наличие территории, армии, суда и, конечно, собственной налоговой системы.) А по сути в это время начался распад государственности в стране, поскольку центральная власть фактически утратила механизмы жесткого воздействия на «государственные» образования, входящие в Российскую Федерацию.

И тогда наметился процесс, скажем так, не объективного, а субъективного выстраивания государства, характеризующийся тем, что ряд руководителей республик и областей, понимая, что происходит его разрушение, стали заключать договоры между субъектами Федерации. То есть Россия начала «проязывать» по горизонтали. Региональные лидеры в тот момент по существу стали брать на себя политическую ответственность за судьбу государства гораздо быстрее, нежели это сумела сделать центральная власть, претендуя одновременно на дополнительное влияние в государстве. И таким образом образовался институт губернаторов, или субъектов РФ, с бóльшим значением в области государственного

строительства, чем это было допустимо, с моей точки зрения, в рамках единого государства. А затем началось заключение договоров не только по горизонтали, но и между отдельными участниками обозначившегося процесса и центральной властью, и эта

Впервые, наряду с чиновниками и политиками, нашим гражданам предстоит осознать, что они ответственны за муниципальные образования, на территории которых живут, иначе эти образования обанкротятся

тенденция, как известно, была преодолена совсем недавно. Во всяком случае в финансовой области, я думаю, сегодня уже нет договорного распределения налогов.

Напомню в этой связи, что статьи 71 и 72 Конституции Российской Федерации достаточно четко определили в свое время компетенцию федерации и предметы совместного ведения. Хотя споры, естественно, возникают, особенно по поводу природных ресурсов (право «двойного ключа» и прочее). Но за рамки прежнего процесса мы вышли. И когда вышли, встала проблема создания политического механизма, который смягчил бы последствия конфедеративного развития и угрозу появления независимых территорий. Поэтому отнюдь не случайно в стране начали формироваться институты, которые не обозначены в Конституции Российской Федерации: федеральные округа, полномочные представители президента в округах, инспекторы в субъектах Федерации. То есть в области государственного строительства появились дополнительные институты, позволяющие удерживать государство в рамках управляемой системы и способствующие сближению отдельных регионов.

Понятно, что процесс этот сложный со всех точек зрения, включая, в частности, и

такой важный аспект административной реформы, как назревшая необходимость дополнительного определения статуса Совета Федерации. В этой связи вместе с коллегами из Совета Федерации мы разработали ряд поправок к законам о порядке формирования верхней палаты и о статусе депутата Государственной думы и члена Совета Федерации (имеющими отношение к принципу их «прикосновенности-неприкосновенности»). В конце июля эти поправки Госдума приняла в первом чтении.

Упомяну также о непростом процессе консолидации субъектов Российской Федерации, образовании на базе ряда субъектов единого субъекта.

Реформа федеративных отношений внутри Российской Федерации тесно связана с реализацией конституционного принципа: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». В этой сфере дореализация названного принципа, с одной стороны, соотносится с возможностями центральной власти воздействовать на законодательные и исполнительные органы власти субъекта Российской Федерации, а с другой — зависит прежде всего от проявления инициативы на местах. Поэтому остановлюсь несколько подробнее на законе о местном самоуправлении.

На адаптацию любого более или менее сложного закона общественным сознанием (речь не идет при этом об Уголовно-процессуальном законодательстве, где существуют очень жесткие механизмы привязки появившегося закона к жизни) требуется обычно от пяти до семи лет. Поскольку, как показывает практика, закон не действует до тех пор, пока он не становится элементом правопорядка и шире — правовой культуры. А для этого вначале его должны прочесть, то есть понятия, которые содержатся в рамках законодательного акта, должны быть адекватно восприняты представителями исполнительной, законодательной и судебной власти. Они должны ментально отделиться от сопротивления этим понятиям,

осознать их. Тогда нормативный акт начнет жить самостоятельной жизнью, станет частью правового сознания.

В рамках законодательства о местном самоуправлении процесс этот будет исключительно трудным. Почему? Потому что вперые, наряду с чиновниками и политиками, нашим гражданам также предстоит осознать, что они ответственны за муниципальные образования, на территории которых живут, иначе эти образования обанкротятся. Учитывая, что соответствующего опыта у них не было. Собственно поэтому в проводимой реформе придется столь важное значение развитию местного самоуправления.

Следовательно, главное — это люди, их инициатива. Если ими не будут осознаны их конкретные, в том числе и политические интересы, то сами по себе правовые понятия едва ли повысят уровень правосознания и правовой культуры в регионах и в стране в целом.

История демонстрирует разные формы и способы воздействия на общество, направленные либо в сторону авторитаризма с помощью репрессивных мер, либо в сторону демократии — вовлечения людей в политический процесс. Цель административной реформы — вовлечение максимального количества людей в правовой процесс, который характеризуется сегодня появлением и развитием разных институтов.

Назову лишь два из них: институт присяжных заседателей и выборы. Что касается первого института, то, разумеется, это не только форма общественного контроля для уменьшения коррупции в стране, но и реальное включение присяжных заседателей в работу судебной машины, и тем самым вполне действенный способ (хотя и опосредованный) правового воспитания населения.

Второй институт — участие в выборах. Известно, что наш народ в какой-то момент потерял интерес к выборам. В последнее время, судя по всему, исторический маятник начинает двигаться в обратную сторону и доверие к выборной системе возвращается.

Бизнес и политика

Начало серьезным взаимоотношениям бизнеса с политической властью в нынешней России было положено после первых выборов Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Предшествующий период, когда так называемая семибанкирщина вершила судьбами Кремля и была лично и тесно связана с правящей коалицией («семьей»), видимо, не устраивал президента. Поэтому он подал сигнал: выберите себе площадку, мы вам не диктуем, какой она должна быть, но выработайте общую позицию, а мы готовы вас выслушать. Возможен диалог и возможно сотрудничество.

Такой площадкой стал Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП).

Еще в 1989 году Аркадий Иванович Вольский создал «Научно-промышленный союз», который, после того как распался Советский Союз, и стал основой РСПП. Из всех объединений подобного рода он сохранился. К 2000 году это был уже не краснодиректорский корпус, а вполне либеральное объединение, имеющее разветвленную региональную сеть. Нас стали приглашать в Кремль, и на каждой встрече (всего было проведено семь «круглых столов») кроме президента присутствовали премьер и соответствующие чиновники, принимающие решения. Мы анализировали экономическое положение в России, обозначали проблемы, приоритетные для бизнеса — не только крупного. Результатом этой работы явилось принятие законодательного пакета (концепция «одного окна», упрощенное налогообложение и т.д.).

Законопроекты нами тщательно готовились. По много часов мы проводили за их обсуждением, приглашали лучших экспертов, и поскольку были задействованы значительные финансовые и интеллектуальные ресурсы, на выходе получались хорошие документы. Сам Путин оценивал их очень высоко. Срыв произошел, как известно, в связи с историей с ЮКОСом. После этого диалог фактически прервался.

2000–2003 годы можно оценивать как продолжение либеральных тенденций в российской экономике, когда каждый из представленных нами законопроектов, хотя и подвергался серьезной ревизии внутри чиновничьего аппарата, тем не менее либеральная тенденция, ассоциируемая с фамилиями Грефа, Кудрина, отчасти Илларионова и других специалистов, превалировала. Однако осенью 2003 года ситуация явно изменилась.

Игорь Юргенс,
исполнительный секретарь,
вице-президент РСПП

Во-первых, ставка была сделана на настроение масс, которое сформировали, с моей точки зрения, политехнологии (долой крупный бизнес, пересмотрим итоги приватизации, поборемся с бедностью путем перераспределения.). Во-вторых, укрепилась дирижистская тенденция: государственное начало в общественной жизни (начиная с гимна и прочих символов), политика государственного регулирования в экономике и т.д. И как следствие этого — начало истории

*Ряд кланов, которые не успели
к "раздаче", пытаются перекроить
тот плацдарм, с которого мы начинали
модернизацию России*

Любая экономика является смешанной, это естественно. Но действительно ли мы строим либерально ориентированную смешанную экономику, для которой характерно отсутствие так называемого императивного планирования, в которой меньше надзорных органов, ограничено вмешательство государства? Или из-за слабости рыночных сил, неразвитости гражданского общества и демократических традиций, а также психологии народа и учитывая, что его мало на российских пространствах, то есть в связи с целым комплексом объективных обстоятельств победит дирижистская модель? Индикатором того, как все это будет развиваться, является РСПП. Но есть ли будущее у РСПП как союза крупных собственников? Осуществится ли проект координации действий всех организаций предпринимателей? Ведь существует такая довольно быстро растущая опора, как малый бизнес, и делается попытка создать организацию представителей среднего бизнеса «Деловая Россия». Можно объединить предпринимательский класс России, который по определению будет толкать страну к более либеральной модели, а можно эти силы разъединить (с помощью тех же политехнологий) или укрепить лейбористскую тенденцию (в классической форме — социал-демократическую), помноженную на державничество. Все эти вопросы пока остаются без ответа, тогда как вероятность принятия волюнтаристских решений увеличилась, потому что число сдержек и противовесов явно сократилось: известно, какие у нас сегодня Совет Федерации, Госдума, СМИ. И велик риск того, что вектор развития будет выбираться не путем национального консенсуса, с учетом всех сколько-нибудь значимых сил общества, а субъективно — в зависимости от того, какая тенденция победит.

Все это, в первую очередь, имеет значение для нас как людей, живущих в этой стране и желающих что-то сказать.

Ясно, что многое сейчас зависит от воздействия внешних обстоятельств (например, от решений, принимаемых в рамках той же «восьмерки» индустриально развитых государств), а также, несомненно, от незаметной иногда нашему глазу борьбы кланов внутри страны. Прежде всего, тех, которые хотят переделить собственность.

Куда будет двигаться страна? Постараюсь изложить свое видение.

Разумеется, вопрос о дальнейшей модернизации России не снят с повестки дня. Это требование времени. Жизнь недвусмысленно показывает, что как в экономической, так и в политической области нам необходимо следовать путем реформ — от плановой экономики к рыночной (неважно, классического

с ЮКОСом, которая оценивается с противоположных позиций либералами и державниками. (Кстати, идеология последних, в том числе экономическая, до конца еще не ясна.)

К чему приведут начавшиеся перемены?

Эдуард Буба. Курица и дерево. 1951

типа или смешанной). Необходимость продолжения банковской реформы, реформы медицинского и социального страхования, налоговой реформы — все это по-прежнему толкает нас к либерализму, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе — повышением роли гражданского общества (об этом говорил президент нашей страны в своем послании Федеральному собранию РФ).

Но что получается? Выбирали мы президента на одном фоне, а после выборов имеем другую ситуацию. О мощных либеральных реформах, которые неизбежно ведут к затягиванию поясов большого количества людей, было сказано после того, как прошли выборы. Это не совсем демократический вид позиционирования. В результате экономизм толкает нас в сторону классическую, рыночную, а народное волеизъявление, запущенное предвыборной кампанией, наоборот, — к реставрации, к восстановлению Советского Союза без коммунистической партии. И эта развилка непростая. Особенно когда нет оппозиции, на которую можно перевести стрелки. Если президент гарант и, как говорится, единственный центр, принимающий окончательное решение, то у него нет необходимости (какая была в свое время у Ельцина) ссылаться на оппозиционные силы, мешающие осуществить реформы. Сейчас все риски сошлись в одной точке.

Тем не менее экономическая политика, заявленная и пока осуществляемая (правда, сильно заторможенная административной реформой, в том виде, в каком она проводится, когда нет министерств и ведомств, которые вносили бы законопроекты, их отстаивали и т. д.), носит классический характер. Сталкиваясь, повторяю, с тем, что на самом-то деле народ вроде бы хочет другого.

И, прикрываясь народом, ряд кланов, которые не успели к «раздаче», пытаются перекрыть тот плацдарм, с которого мы начинали модернизацию России. Какие факторы работают на модернизацию? Прежде всего, абсолютно объективные законы экономики. Малому бизнесу, который является базой среднего класса, требуются деньги, и деньги немалые. Значит, нужна реформа банков. А если нужна реформа банков, нужна и реформа пенсионной системы, потому что нет «длинных» денег. Реформируя же пенсионную систему, мы не обойдемся без реформы социальной системы. То есть вся эта цепочка неизбежно втягивает нас в классическую рыночную экономику.

Однако нам говорят: это невозможно, мы должны бороться с бедностью. И делать это необходимо путем перераспределения, опираясь на сильное государство. Мы не можем позволить монополиям, в первую очередь нефтяным, действовать на рынке по-рыночному. Мы должны действовать по-государственному. Мы не можем вывозить столько нефти, сколько вы хотите. Не можем строить трубопроводы, где вы хотите. Мы должны все определять и контролировать сами. Затем приходит второй клан и говорит: подождите, с электроэнергетикой у нас тоже не все в порядке. Мы не можем терять управление этой сферой. Дальше то же самое про газ и т.д. Таким образом, нам как бы говорят, что, конечно, мы пойдем по рыночному пути, но отдать вам богатство Российской Федерации не можем. Но тогда где и как мы будем создавать рынок? На 11 процентах ВВП, которые контролируют лотошники?

Вот она, развилка. Если бы у нас было общество, в котором четко разграничено: вот левые, вот правые, вот центр — тогда все было бы намного проще. Общественная дискуссия или референдум, и мы решаем, куда дальше двигаться. Но этого нет. (Референдум теперь тоже не просто провести!) При этом хочу уточнить.

Все, что происходит в нашей стране, зависит, разумеется, не от злой воли какого-то человека или какого-то клана, а от отсутствия, прежде всего, демократической традиции, людей, которые могут решать назревшие вопросы (ну, хотя о бачке для мусора) на местном уровне, — с этого все начинается. А если этого нет, все кончается тем, что мы имеем то, что имеем. Поэтому роль первого лица и людей вокруг него возрастает многократно. Если наверху оказываются честные люди, государственники, ориентированные на определенные ценности, — страна совершает огромный прыжок вперед (как было при всех российских реформаторах, начиная с Петра I). А если таких людей там нет или недостаточно, то вследствие слабости гражданского общества и цивилизационного импульса мы начинаем скатываться к реставрации, которую в разные эпохи называли по-разному: бироновщиной, николаевской реакцией и т.п. Так было всегда в истории России.

Но сегодня, в силу глобализации и интернационализации всего, что происходит в мире, у нас, по моему, появился шанс. Потому что импульс, поступающий извне, настолько силен, что мы не можем его игнорировать. Пока у нас не отняли паспорта и есть Интернет, мы неизбежно будем идти туда, куда надо идти. Особенно новые поколения. Так что, с одной стороны, есть историческая традиция, отсутствие желания взять все в свои руки, грамотно формулировать свои позиции, объединяться, строить гражданское общество, но с другой — интервенция извне идет семимильными шагами. Неудобную телепередачу можно закрыть, а Интернет закрыть нельзя. В этом наш шанс.

Военные организации России и проблема их трансформации

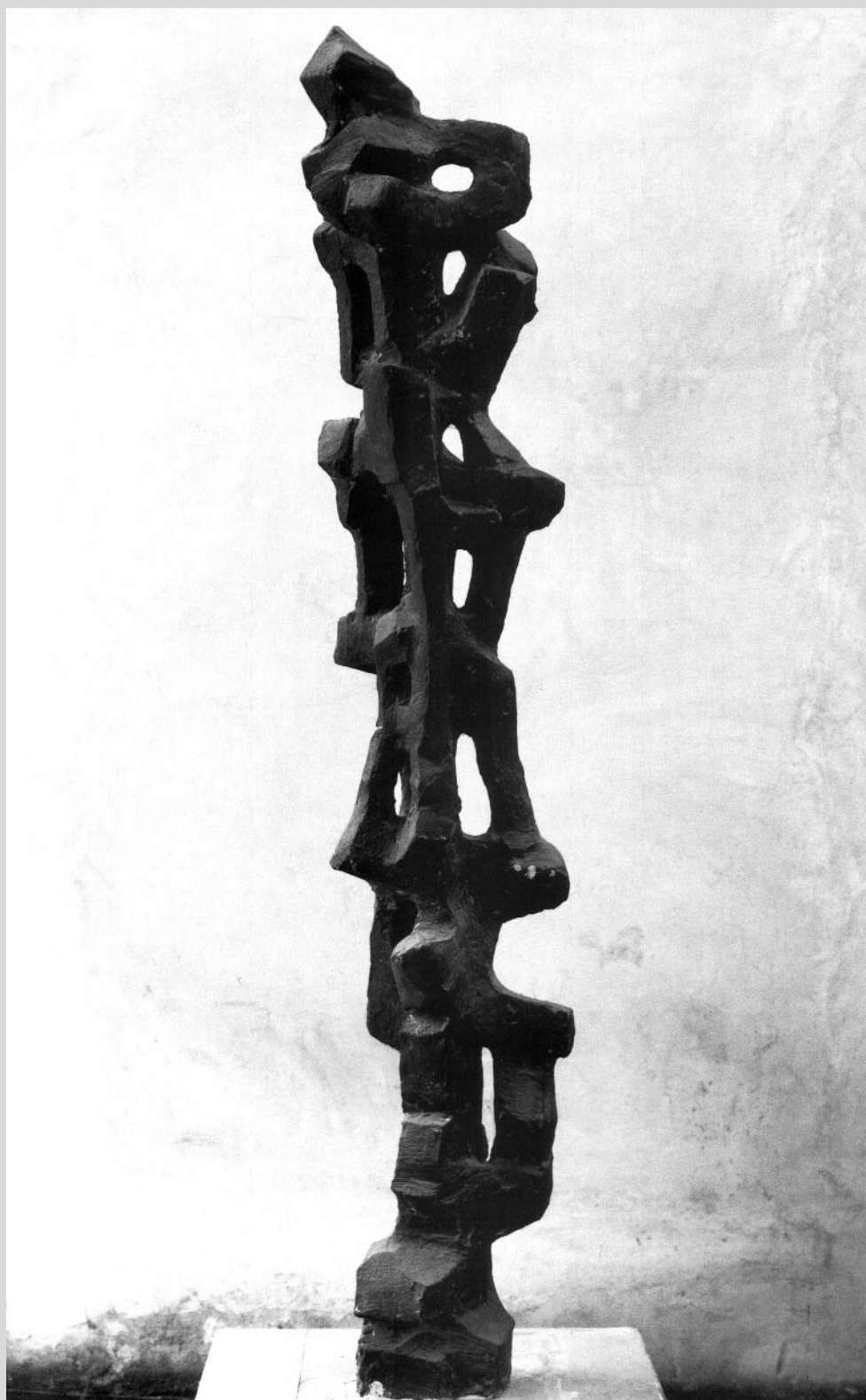
Проблема комплектования Вооруженных Сил, о которой сегодня говорится больше всего, действительно важна, но это проблема даже не второго, а третьего уровня. Гораздо важнее понять, что мы, собственно, собираемся комплектовать? Термин «военная реформа» в данном случае не очень подходит к тому, что необходимо делать с нашими Вооруженными Силами. Реформировать можно что-то, что уже есть и что мы хотим адаптировать к новым условиям. Сейчас же того, что нужно адаптировать, фактически не существует. То что мы имеем, это остатки прежней Советской Армии, которая создавалась совсем не для тех целей и задач, которые должны быть у армии нового российского демократического государства.

Считается, что такое государство уже существует. Тогда как на самом деле, на пути строительства новой России мы прошли лишь его небольшую часть. И что касается силовых составляющих этого государства, то их пока нет. Советская милиция по-прежнему существует, и от того, что мы ее переименуем в полицию, ничего не изменится. Наши Вооруженные Силы остаются советскими, прикрываясь миролюбивой терминологией, лозунгами и псевдооборонительной доктриной. Дмитрий Тренин как-то сказал, что армия сама себя реформировать не может. А я должен сказать, что армию и извне нельзя реформировать. К сожалению, этого понимания часто нет ни у военных специалистов, ни у нашей элиты в целом.

В переходный период, когда происходит смена социально-экономической формации, есть два пути создания силовых институтов. Первый: страна находится под иностранной оккупацией, ее прежние институты распускаются, а вместо них создаются новые: полиция, армия, службы безопасности. Оккупационные войска в этом случае полностью осуществляют контроль над созданием новых структур. Второй путь: страна без всякой оккупации меняет себя сама. В этом случае приходится создавать параллельные структуры. Многие аналитики, специалисты и да-

*Александр Шаравов,
директор Института
политического и военного
анализа*

Андре Блок. Без названия. 1966

же руководители государств порой считают, что есть какой-то третий путь. Но нет никакого третьего пути, как нет вечного двигателя.

Оккупации у нас нет, значит остается один путь: создавать параллельную организацию. Потеряно ровно тринадцать лет. Справедливости ради надо сказать, что в новейшей истории у нас были попытки создания новых структур. В частности, была Служба безопасности президента, которую воз-

главлял А.В. Коржаков. К лету 1996 года в ней находилось более двадцати тысяч человек, включая офицеров и генералов. Это по сути была суперспецслужба нового Российского государства, которая могла вполне заменить ФСБ. Но ее распустили, когда сняли Коржакова. Были и другие попытки, в частности формирование муниципальной милиции, от которой отказались под давлением руководства МВД.

Очень плохо, когда силовая часть государства начинает диктовать всему государству и обществу, как люди должны жить. Это не дело генералов — их дело выполнять приказы высшего политического руководства страны и нас, как народа. К сожалению, понимания этого нет ни в Вооруженных Силах, ни в органах внутренних дел. В ФСБ такое понимание отчасти есть, так как эта структура подвергалась многократной ломке. В результате множества хаотичных движений ростки нового появились, но я себя не тешу надеждами, что таким образом можно создать дееспособную структуру. Здесь должна быть целенаправленная работа по конкретному продуманному проекту.

Чем новая военная организация армии должна отличаться от той, которая существует в России в настоящее время? Прежде всего, новыми отношениями между военнослужащими и отношением общества к человеку в погонах. Сегодня у нас солдат оби-

жен, подчас не накормлен, не одет, не обут, его права ущемлены. Причем, не только солдат. У нас ко всем людям в погонах нередко относятся как к скотам. Мы должны изменить отношение к человеческой жизни. Вспомним, как четко военные отчита-

Очень плохо, когда силовая часть государства начинает диктовать всему государству и обществу, как люди должны жить

лись в США о погибших и раненных в Ираке за год. А мы уже сколько лет ведем боевые действия в Чечне и где-нибудь можем узнать, сколько действительно наших солдат погибло и при каких обстоятельствах? Если мы говорим о том, что у нас демократическое государство, открытое общество, то просто обязаны требовать от военных соответствующей информации, а не держать ее в тайне. Не соглашаться с тем, что как только молодые люди надевают погоны, хозяевами их жизни становятся военные.

Любой генерал, даже самого высокого уровня, является заложником сложившейся системы. Это очевидно. Поэтому генералов бессмысленно обвинять в том, что они тормозят военную реформу. Если они начнут себя реформировать — нам конец. Задача генералов — выполнять приказы, а не заниматься политикой.

Министр обороны сказал, что мы не переходим на контрактную армию потому, что нет денег. Совершенно неверное утверждение! В нашей стране нет ни проблемы финансов для Вооруженных Сил, ни проблем с человеческими ресурсами, ни проблем с умными головами. Есть только проблема отсутствия политической воли. Поэтому мы топчемся на месте. Про военную реформу вышли сотни передач, написаны сотни статей, проведена масса «круглых столов». И как правило — ни о чем. Лет де-

сать назад я думал, что все ясно: уже были подготовлены указы, планировалось перейти к созданию параллельных Вооруженных Сил через формирование Национальной гвардии. Даже был сформирован штаб Национальной гвардии и был офис,

*Выбор должен быть прост:
хочешь в армии служить стране –
служи, но тогда ты не имеешь права
участвовать в политике*

люди уже сидели в помещениях. А потом как всегда в дело вмешались Его Величество случай и субъективный фактор. Предполагалось, что Национальную гвардию должен возглавить А.В. Руцкой. Но наши уважаемые строители нового государства посчитали, что очень опасно Руцкому доверять создание новой армии, и ничего лучшего не придумали, как вообще от этой идеи отказаться. Вместе с водой выплеснули ребенка, и таким образом сама идея формирования новых Вооруженных Сил была похоронена.

Потом к этой идее возвращались разные люди. В частности, небезызвестный Игорь Родионов, в бытность министром обороны, тоже говорил о создании параллельной армии. Но ничего не произошло. Несколько позже Секретарь Совета безопасности РФ Ю.М. Батурин — абсолютно не военный человек — идею понял (в то время мы обсуждали ее с ним в частных беседах) и в результате был подготовлен рабочий документ, в котором эта идея просматривалась. Но его тоже отправили в отставку.

Да, в сегодняшней России появились современные органы государственной власти, которых в СССР не было: парламент, президентская власть, новые ведомства. Но силовой сектор остается, к сожалению, прежним, и он как вериги висит на всем нашем обществе, мешая развиваться дальше. Была

надежда, что президент Путин, как выходец из силовых структур, сможет что-то сделать с этими структурами. Те шаги, которые им предпринимались, казались знаковыми: например, назначение гражданских министров обороны и внутренних дел. Но, увы,

мало заменить персоны во главе ведомств, нужно выстраивать их заново.

В чем состоит идея параллельного строительства? В истории (например, в послевоенной Франции во времена де Голля и в других странах) она осуществля-

лась неоднократно, когда рядом с существующей силовой структурой создавалась вторая. Сначала отдельные соединения и части; затем на их основе формировались новые, с лучшими кадрами, лучшей техникой и т.д. И таким образом старая структура уходила в историческое небытие, а новая брала на себя ее функции.

В нашей стране в начале 90-х тоже предпринимались подобные попытки. В частности, помимо уже сказанного, было создано новое Министерство обороны. Предполагалось, что благодаря ему будет формироваться современная армия. Но потом закулисные игры привели к тому, что новое руководство переехало в здания Генерального штаба и Министерства обороны СССР и взяло на себя управление всеми Вооруженными Силами Советского Союза. И решили, что этого вполне достаточно, ничего реформировать не нужно.

Сегодня считается чуть ли не достижением, что остатки Советской Армии вроде бы перестали разваливаться. Ничего хорошего в этом нет. Так как известно — об этом пишут в газетах, — что даже в образцовых частях наши офицеры занимаются часто торговлей водкой. И все довольны. Часть превратилась в «общество с ограниченной ответственностью» — у нее есть деньги, погоны позволяют офицерам защититься от милиции, оружие защищает от бандитов.

Пол Капонигро. Дольмен Ардара, графство Донегол, Ирландия. 1967

Естественно, такая часть никогда не станет частью новой российской армии. Она подлежит расформированию.

Наш министр обороны пришел к власти как гражданский человек, но существующий аппарат заставляет его придерживаться прежних правил игры, которые он должен изменить.

Гражданский министр обороны — это неотъемлемое условие в любой нормальной демократической стране, ибо он представляет интересы общества в армии. И не является лоббистом военных в структурах власти. Человек в погонах не должен ничего просить — для этого есть гражданские чиновники. А тем более делать политические заявления. В США четырехзвездный генерал Шварцкопф, герой первой Иракской войны, как-то попытался сделать подобное заявление и покритиковать президента — и на следующий день был уволен.

Выбор должен быть прост: хочешь в армии служить стране — служи, но тогда ты не име-

ешь права участвовать в политике. Есть стандарты, которые надо соблюдать.

Повторяю, существующую армию реформировать невозможно — необходимо параллельно создавать новую структуру. И заявить об этом должно общество. Когда представители СПС занимались военной реформой, они говорили, что для этого нужно переписать несколько сот законов, и тогда все будет нормально. Но никто заранее не может знать, какие законы нужны для новой армии. Чтобы она появилась, нужен только один закон: о создании новой армии, в котором будет написано, что она будет существовать на основе временных документов. И лишь после начала ее формирования можно обсуждать соответствующий пакет законов.

Пока же в стране сохраняются остатки Советской Армии. Иногда они укрепляются, иногда гниют, представляя для нас огромную опасность. Если же их перевести на контрактную основу, то, на мой взгляд,

опасность не исчезнет. Я никогда не забуду слова одного высокопоставленного генерала Бундсвера (мы обсуждали с ним эту проблему в середине 90-х): «Если бы в 1991 году Советская Армия формировалась на контрактной основе, то она бы не имела и тени сомнения, и ваш Белый дом снесла бы с лица земли, как и всех демократов вместе с Ельциным и с вашими надеждами на будущее и на новую Россию». Я думаю, он был прав, и считаю, что нам и сегодня не стоит создавать контрактную армию.

К тому же для этого нет и соответствующих предпосылок или причин. Контрактная армия существует в странах, которые на своих границах не имеют серьезных потенциальных угроз: Великобритания со всех сторон окружена водой; на Соединенные Штаты напасть с суши не собираются ни Канада с севера, ни Мексика с юга. Им нужны войска для того, чтобы осуществлять действия за пределами страны. В этом случае контрактники проявляют себя очень хорошо. Когда же речь идет о защите своих рубежей, они становятся либо опасными, либо неэффективными. Кувейтская армия в момент нападения Хусейна на Кувейт была полностью контрактной, одной из самых высокооплачиваемых, укомплектованной лучшими профессионалами. Но она так быстро бежала, что правительство даже не успело очнуться, как осталось без армии. Надежда на то, что мы вдруг каким-то чудесным образом создадим контрактную армию и будем жить уже в другой стране, похожа на сказку.

Когда идет речь о трансформации военных организаций, наше общество пытаются — иногда целенаправленно, иногда неосознанно — увести в узкопрофессиональные дискуссии, которые, в общем-то, не имеют сущностного значения. Тогда как на повестке дня стоит одна проблема, которую мы фактически не обсуждаем: какая армия в действительности нам нужна? С какой идеологией? Советской? Или же адекватной новым условиям?

Прошлой осенью вышла «Белая книга» Министерства обороны, в которой рассматриваются вопросы нашей военной доктрины, и в ее вводной части однозначно говорится, что Соединенные Штаты Америки и НАТО нам не противники, а партнеры; что мы не собираемся с ними воевать, что мы устанавливаем партнерские отношения. А в военной части говорится, что наши Вооруженные Силы должны быть готовы к отражению противника, обладающего высокоточным дальнобойным оружием; что на западном направлении военные действия развернутся в воздушно-космической сфере и т.д.

Спрашивается, у кого есть в настоящее время дальнобойное высокоточное оружие? Только у Соединенных Штатов. Кто собирается в воздушно-космической сфере воевать с Россией? США. На Востоке, оказывается, мы должны готовиться к проведению противодесантных операций. Откуда может быть десант? Опять же только со стороны Соединенных Штатов. Китаю десант не нужен — у него с Россией огромная сухопутная граница. То есть у нас как бы есть политические установки, которые живут отдельной жизнью от военных. Кто-то наверху что-то говорит, а армейская структура плывет сама по себе, сама знает, к чему готовиться, сама формулирует себе задачи.

Сущностные вопросы — самые важные для нас. Какой должна быть современная армия, какие отношения должны быть между военнослужащими, кого мы должны призывать и как призывать? Вот это почти не обсуждается. И сохраняется армия, которая опасна для страны и в которую молодые люди боятся идти служить. Чувство самозащиты толкает человека на непатриотические поступки. Мировой опыт не учитывается. И наш отечественный опыт, когда создавалась Советская Армия, хотя и для других целей, тоже не учитывается. И как в вату уходят все предложения, а здравые идеи замалчиваются.

Как работает британское правительство

Описать британскую государственную систему довольно сложно, потому что у нас, как известно, нет писаной конституции.

Некоторые ее «статьи» содержатся в законах, статутах и судебных решениях,

которые насчитывают не одну сотню лет.

Все это может показаться тривиальным, но именно в условиях заключена суть британской политической системы, и они столь же непререкаемы, как правила игры в футбол в районе штрафной площадки. Например, в прошлом году у нас шла бурная дискуссия о том, нужно ли г-ну Блэру и его правительству испрашивать разрешение парламента на начало военной операции в Ираке. В конце концов премьер-министр его запросил и получил одобрение парламента, хотя это не было необходимо с конституционной точки зрения. По сути, это был тоже вопрос условностей, помогающих сдерживать власть.

В Британии мы любим говорить о «сдержках и противовесах», то есть о принципах, позволяющих защитить общество от абсолютной власти и обеспечивающих такое распределение полномочий, при котором каждая ветвь власти контролирует и сдерживает другую. В случае же необходимости обращаемся к учебникам, соответствующим кодексам или к прецедентам в истории британских правящих кабинетов.

Естественно, столь необычная природа конституции сообщает режиму работы правительства некоторую неопределенность. Однако есть и преимущества: подобный подход позволяет неписаной конституции динамично развиваться и не отставать от перемен в окружающем мире. С определенными трудностями сталкивается при этом обычно новое, неопытное правительство. Одной из проблем правительства г-на Блэра, например, пришедшего к власти после 18 лет правления консерваторов, было то, что «чувство власти», практические навыки работы в правительстве оказались стерты из памяти лейбористов.

Остановлюсь на основных элементах британской конституционной системы.

Глава государства

Глава государства в Великобритании — королева. Когда в прошлом году г-н Путин посетил Соединенное Королевство с государственным визитом, его приветствовала коро-

Лорд Ричард Уилсон, глава Секретариата кабинета министров Великобритании (1998–2002)

лева. На данном в честь В.В. Путина парадном обеде хозяином был именно монарх, а не г-н Блэр. В списке приглашенных он даже не числился вторым. Формально он значился после главных представителей королевской семьи, а также архиепископов Кентерберийского и Йоркского и лорда-канцлера (который, кстати, входит в кабинет министров). Такое положение дел осложняет протокол.

Наша королева по-прежнему обладает значительной формальной властью, в частности в вопросах руководства Вооруженными Силами, аппаратом госслужбы, судебной системой, а также имеет право издавать законы без согласия парламента. Однако применять эту власть она может только по совету действующего правительства.

Тем не менее роль королевы все еще велика, поскольку она глава государства не только в Великобритании, но и в странах, входящих в состав Британского содружества наций. Кроме того, ее функции в государственной системе имеют и реальное наполнение: если после всеобщих выборов, например, ни одна политическая партия не получила большинства в парламенте, то именно королева определяет, какой партии будет поручено сформировать правительство.

Королева и премьер-министр встречаются еженедельно, а в тех редких случаях, когда встреча невозможна, говорят по телефону. Обычно они встречаются в частной обстановке, и никто не знает, о чем они говорят, хотя известно, что королева сравнивала свою роль во время таких консультаций с губкой, то есть она то «впитывает» информацию, то дает советы и рекомендации.

Правительство и парламент

Следующие два института в иерархии после главы государства — парламент и кабинет министров.

Парламент состоит из двух палат: палаты общин, которая избирается раз в несколько лет (но не реже чем раз в пять лет), и палаты лордов, которая не избирается, но состоит из лордов, назначаемых королевой по рекомендации премьер-министра.

У британского парламента три основные функции.

Во-первых, именно парламент служит основой для формирования правительства. Никто не может войти в правительство, не будучи членом одной из двух палат парламента.

Во-вторых, он осуществляет законодательную деятельность, то есть издает законы (принятый законопроект становится законом только после его одобрения королевой, в котором, впрочем, никогда не бывает отказано). Обе палаты исследуют и подробно обсуждают проекты новых законов, которые обычно выносятся на рассмотрение парламента правительством; это очень длительный процесс.

В-третьих, члены парламента представляют общественное мнение. Парламент — важнейший конституционный форум, где обсуждаются самые актуальные проблемы государственной жизни и где правительство призывают к ответу по бесчисленному ряду крупных и мелких вопросов.

Парламент критически анализирует деятельность правительства. Например, каждую среду во время заседания парламента премьер-министр обязан прибыть в палату общин, чтобы в течение получаса отвечать на вопросы членов парламента. Каждое заседание транслируется по телевидению и представляет собой важное событие в жизни британского премьер-министра.

Последнее означает, что каждую среду утром премьер-министр проводит встречу со своими ближайшими сотрудниками, читая информационные сводки от всех департаментов, обсуждая вопросы, которые, возможно, будут заданы ему в парламенте. Если вы работаете в департаменте, занимаясь сложной проблемой, у вас могут срочно запросить информацию или попросить дать примерный ответ на возможный вопрос в парламенте. Эта система очень действенна.

То же в известной степени относится ко всем британским министрам. Каждый день с понедельника по четверг обе палаты парламента начинают работу с часовых слушаний, в продолжение которых парламентарии задают вопросы министрам и главам департаментов. Команда каждого министра тщательно готовится к таким слушаниям, так как репутация для политика имеет первостепенное значение.

Существует множество путей, посредством которых парламент контролирует деятельность министров и департаментов. Один из них — специальные парламентские комитеты, призванные пристально изучать те или иные вопросы.

Почему все это так важно? В основном потому, что названные процедуры составляют часть непрекращающейся борьбы за власть — со стороны действующего правительства и со стороны оппозиции. То есть политический процесс состоит из постоянного оппонирования, расследований и запросов. Правительства тяготеют к скрытности. Надзор и анализ — единственный рецепт демократии против злоупотреблений властью. Именно в этом контексте и следует рассматривать деятельность правительства.

Роль премьер-министра

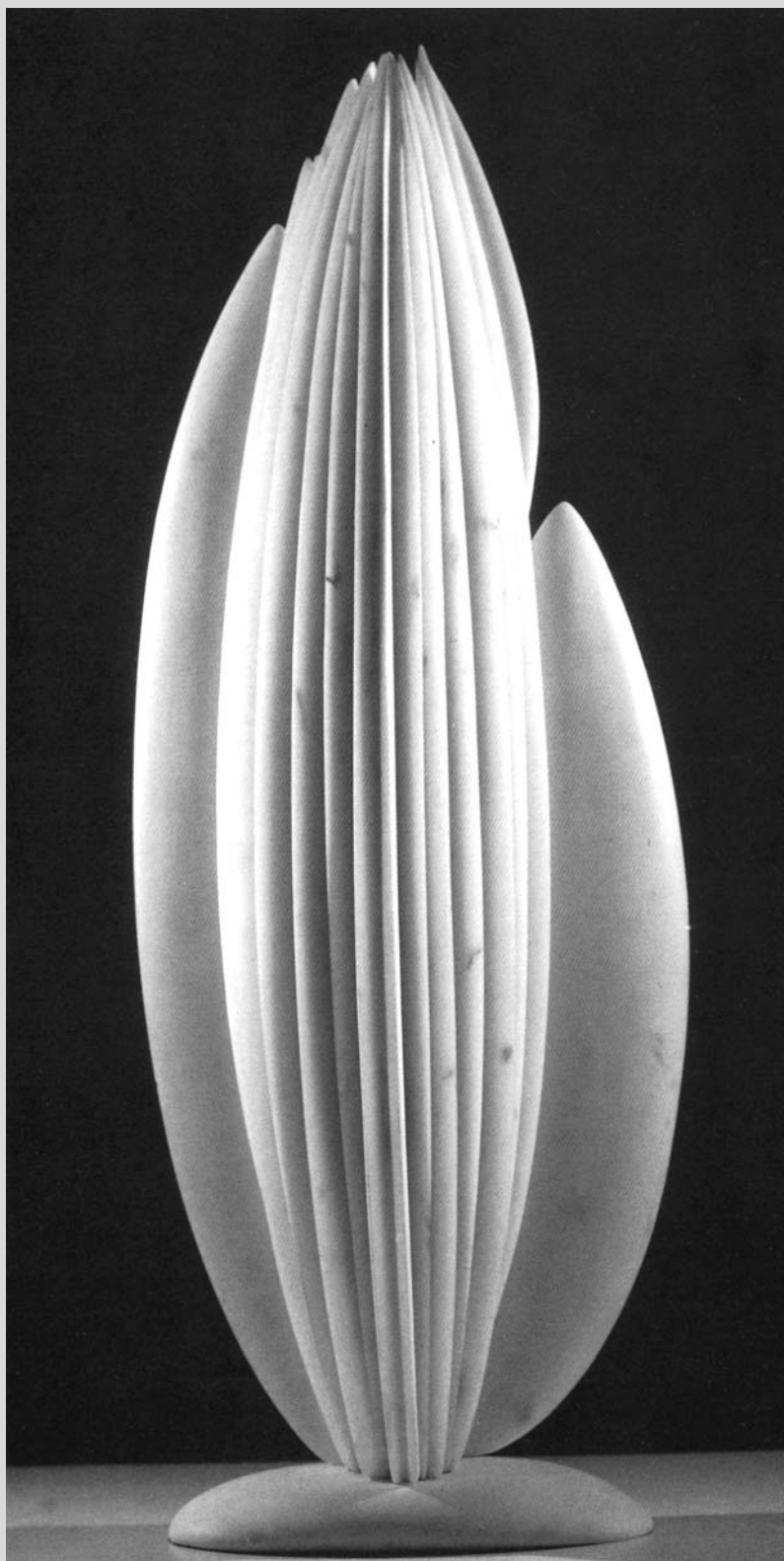
Во главе правительства стоит премьер-министр, которого королева просит сформировать правительство. Все министры в правительстве назначаются королевой по рекомендации премьер-министра.

Это значит, что когда премьер-министр приходит или остается у власти, его первая задача заключается в формировании правительства. Это тяжелый труд, особенно для человека, изнуренного избирательной кампанией. Происходит это так. После победы на выборах премьер-министр направляется во дворец на аудиенцию к королеве, а затем возвращается на Даунинг-стрит, 10, где выстраиваются репортеры, а вдоль коридоров дома — сотрудники канцелярии, включая постоянного секретаря кабинета. Спустя десять минут начинается процесс формирования правительства.

Премьер-министр начинает его с назначения 20 ключевых министров. Они составляют костяк кабинета, возглавляют департаменты и официально именуется государственными секретарями. Деятельность этих министров охватывает практически все сферы работы правительства. После назначения ключевых министров премьер-министру предстоит заполнить еще примерно 100 правительственных должностей. Это необычайно сложная процедура, которая регулируется трудными для понимания законами.

Естественно, деятельность премьера не ограничивается согласованием министерских портфелей с королевой. (При этом в законодательстве Великобритании упоминание о poste премьер-министра отсутствует.)

Формально исполнительная власть и право управлять государственными финансами принадлежит государственным секретарям, которые возглавляют департаменты. Основная роль премьер-министра, опять же формально, сводится к председательству на заседаниях правительства и их подытоживанию. Штат сотрудников, работающих непосредственно на Даунинг-стрит, 10, редко

Джиджи Гвадакнуччи. Бег. 80-е гг.

превышает 200 человек, включая курьеров, охрану и прислугу. Премьер-министру как главе кабинета министров помогает канцелярия кабинета, в которую входят разнообразные отделы, ответственные за функционирование правительства как коллегиального органа.

Но, разумеется, роль премьер-министра гораздо более многообразна.

Каждый премьер-министр придает правительству особый характер и ориентиры, жизненно важные для его деятельности. Отчасти это проявляется в непосредственном руководстве работой правительства, отчасти — в определении приоритетов.

В течение многих лет значительное внимание в британской политической мысли уделяется тому, как премьер-министр может воздействовать на работу департаментов и эффективно управлять государственной машиной. Несмотря на разность подходов, каждый премьер-министр на протяжении последних 30 лет опирался на существующий в той или иной форме отдел стратегической политики, призванный повышать эффективность управления правительством.

Аппарат государственной службы

После назначения государственного секретаря (министра) везут на правительственном автомобиле с Даунинг-стрит, 10 в здание возглавляемого им департамента (министерства). Там министр встречается с сотрудниками аппарата госслужбы. Постоянный секретарь департамента представляет министру информационные сводки за последние недели, и после короткого перерыва министерство начинает работу.

Аппарат госслужбы состоит примерно из полумиллиона служащих, вовлеченных в работу органов государственной власти по всей стране. Все сотрудники аппарата набираются на основе открытой и честной конкуренции, вне зависимости от их происхождения.

Отмена прав назначения на должности была основным завоеванием структурных реформ XIX века: открытая конкуренция — краеугольный камень аппарата государственной службы. Интересно, что положения об аппарате госслужбы при этом не содержатся в парламентских законах. Статус аппарата определяется королевой благодаря сохраняющейся за монархом рудиментарной законодательной власти, о чем я упоминал ранее.

Еще одна важная особенность аппарата госслужбы — политическая нейтральность. Состав британского аппарата госслужбы не меняется при смене правительства. Это постоянная служба, обязанности которой состоят в оказании услуг действующему правительству вне зависимости от политических взглядов сотрудников аппарата. К примеру, за 36 лет работы в госслужбе я работал с четырьмя правительствами, включая кабинеты г-жи Тэтчер и г-на Блэра.

Одновременно премьер-министр возглавляет политическую партию, которая поддерживала его на выборах: политические партии играют ведущую роль в палате общин, поддерживая правительство или оппонируя ему.

Однако политические партии не входят в состав государственных органов. Государственная машина Великобритании — неполитический институт, а единственные «политические» чиновники — это советники премьер-министра и министров (обычно по два у каждого государственного секретаря и несколько у премьер-министра).

Наконец, третья особенность аппарата госслужбы — безукоризненная честность. В качестве постоянного секретаря правительственного департамента я, скажем, нес личную ответственность перед парламентом за каждое пенни казенных денег, истраченных моим департаментом. Мне вменялось в обязан-

ность отчитываться перед специальным комитетом парламента по общественным затратам, заседания которого транслировались по телевидению. Комитет скрупулезно рассматривал все произведенные департаментом затраты, при этом предполагалось, что я могу ответить на любой вопрос. Должен сказать, что это тяжелое испытание!

Кабинет министров

Высший орган британского правительства — кабинет министров. В настоящее время кабинет собирается каждый четверг на Даунинг-стрит, 10, в доме, где работает и живет действующий премьер-министр. В соседнем доме живет министр финансов (канцлер казначейства), возглавляющий казначейство. Формально кабинет министров — высший орган исполнительной власти в стране, но за последние 40 лет его роль изменилась. Кабинет перестал быть местом, где принимаются все важные решения.

В 1971 году, например, кабинет г-на Хита заседал в полном составе 63 раза, рассмотрел 316 вопросов и издал 156 постановлений правительства. Тридцать лет спустя кабинет заседает только раз в неделю, обычно во время сессии парламента, и заседание редко длится больше часа. Повестка дня следует заведенному распорядку: парламента, внутренняя политика, внешняя политика, бюджет, законодательные инициативы.

Означает ли это, что кабинет министров утратил прежнее значение? Нет. Кабинет остается высшим органом, ответственным за принятие решений, форумом, где еженедельно собираются ключевые министры, осуществляющие стратегический надзор за деятельностью правительства, обсуждающие наиболее актуальные проблемы. Кабинет обладает властью вынести решение по любому вопросу внутренней и внешней политики.

Однако сложность и масштаб деятельности современного правительства предполагает, что большинство решений должны приниматься в других, нижестоящих ведомствах. Поэтому возникла необходимость выработки таких методов обсуждения и принятия решений, которые соответствовали бы принципам эффективного управления, не умаляя коллективную ответственность.

Комитеты кабинета министров

В современной Великобритании основная роль в принятии решений принадлежит правительственным комитетам, которым кабинет делегирует часть своих полномочий. Комитеты утверждаются премьер-министром, который определяет сферу их компетенции и состав.

В настоящее время в правительстве работает около 50 комитетов, по сравнению, например, с 19 подобными ведомствами в 1995 году. Число комитетов возросло настолько, что после последних выборов аппарат кабинета министров был вынужден провести тщательную проверку комитетов в целях уточнения сферы их компетенции и оптимизации их работы.

Аппарат госслужбы назначает секретарей, обслуживающих кабинет министров и каждый из правительственных комитетов: секретари следят за повесткой дня, несут ответственность за подготовку справок для председателя комитета перед каждым заседанием и ведут протокол заседаний.

Министерская переписка

В последние годы существенно возрос объем министерской переписки как метода принятия коллективных решений.

Когда разрабатывалась концепция коллективного правительства, в мире не существовало фотокопировальных устройств. Ныне копируемые машины в кабинетах Уайтхолла ежедневно выдают пачки документов, подлежащих распределению между правительственными комитетами для вынесения коллективных решений.

Ежевечерне каждый министр должен ознакомиться с документами и информационными бюллетенями по актуальным вопросам дня. Кроме того, копия каждого письма и документа направляется секретарю кабинета, который при необходимости доводит его содержание до сведения премьер-министра.

Иногда министерская переписка вызывает ожесточенные споры, или же министры считают, что поднятый вопрос слишком важен, чтобы решение было принято так скоро, как рекомендует инициаторовавший его министр. Чаще всего это ведет к неформальным попыткам решить проблему. Министры могут встретиться, чтобы попытаться устранить разногласия. Или же они поручают это своим подчиненным. Или, наконец, премьер-министр выносит вопрос на рассмотрение всего кабинета. Значительная часть работы на Даунинг-стрит, 10 и в министерствах состоит именно из разрешения подобных споров.

Когда соглашение наконец достигнуто, министерский комитет распространяет еще одно письмо, в котором излагается новая версия предлагаемого постановления. И, учитывая усилия, уже потраченные на сглаживание противоречий, решение обычно выносится единогласно. Таким образом, принципы коллективного руководства оказываются соблюденными без формального заседания кабинета или правительственного комитета.

Неформальные способы согласования

В последние четверть века британский кабинет министров приобрел большую неформальность, и не только в стиле (встречи без пиджаков, обращение по имени, заседания, все чаще проходящие в рабочем кабинете премьера, а не в зале заседаний правительства), но и в процессе принятия решений. Увеличился также штат сотрудников на Даунинг-стрит, 10, в который входят как политические советники, так и постоянные сотрудники аппарата госслужбы.

Свидетельствует ли это о централизации и президентском стиле правления? Полагаю, что нет. Изменившийся стиль работы правительства отражает необходимость поиска эффективных решений бесконечных крупных и мелких проблем в обход формализованных традиций.

Уже много лет премьер-министр проводит еженедельные частные встречи с канцлером казначейства. В последние годы эта практика развивалась, отражая баланс сил в каждом правительстве. Перед заседаниями кабинета г-н Блэр, например, регулярно проводит встречу с заместителем премьер-министра; на протяжении недели он также встречается с другими ключевыми министрами.

У премьер-министра может быть множество причин, по которым он предпочтет решить вопрос неформальным образом, а не через кабинет или комитет кабинета. Перечислю некоторые из них, при этом следует подчеркнуть, что я не говорю о каком-то конкретном правительстве.

Премьер может счесть нежелательным, чтобы обсуждение того или иного вопроса стало достоянием гласности. Заседания правительственных кабинетов обнародуются в парламенте и на правительственном веб-сайте, в то время как частная беседа недоступна для посторонних ушей.

Премьеру может быть проще достичь согласия внутри кабинета посредством неформальных встреч с министрами, до того как вопрос будет вынесен на обсуждение правительства в официальной обстановке.

Ему может не хватать времени. Современные СМИ не терпят формализованных процессов. Если правительство не успело отреагировать на то или иное событие, это может само по себе стать предметом журналистского расследования.

Наконец, неформальные процессы предлагают гораздо более широкое поле для политического маневрирования и могут быть признаны вполне законным способом управления государственной машиной перед вынесением вопроса на заседание кабинета.

Слухи о смерти кабинета министров как коллективного правительства сильно преувеличены. В периоды стабильности, когда правительству сопутствует успех, британская конституционная машина может показаться апатичной, даже дремлющей, но она способна внезапно ожить, как чудовище в сказке, и раздавить тех, кто посягает на основы конституционного строя. Пренебрегать нормами даже неписаной конституции опасно.

Коллективное правительство

У правительства сложные и многообразные функции. Их объединяет и направляет политическая воля коллективных решений.

В классическом понимании коллективное правительство — это простая модель. Все решения государственной важности обсуждаются и принимаются в кабинете министров; некоторые дела относятся к компетенции комиссий кабинета, которые отображают состав правительства в целом. Принимая непосредственное участие в выработке коллективных решений, все министры несут солидарную ответственность за политику правительства и обязаны или отстаивать ее, или подать в отставку.

Перемены

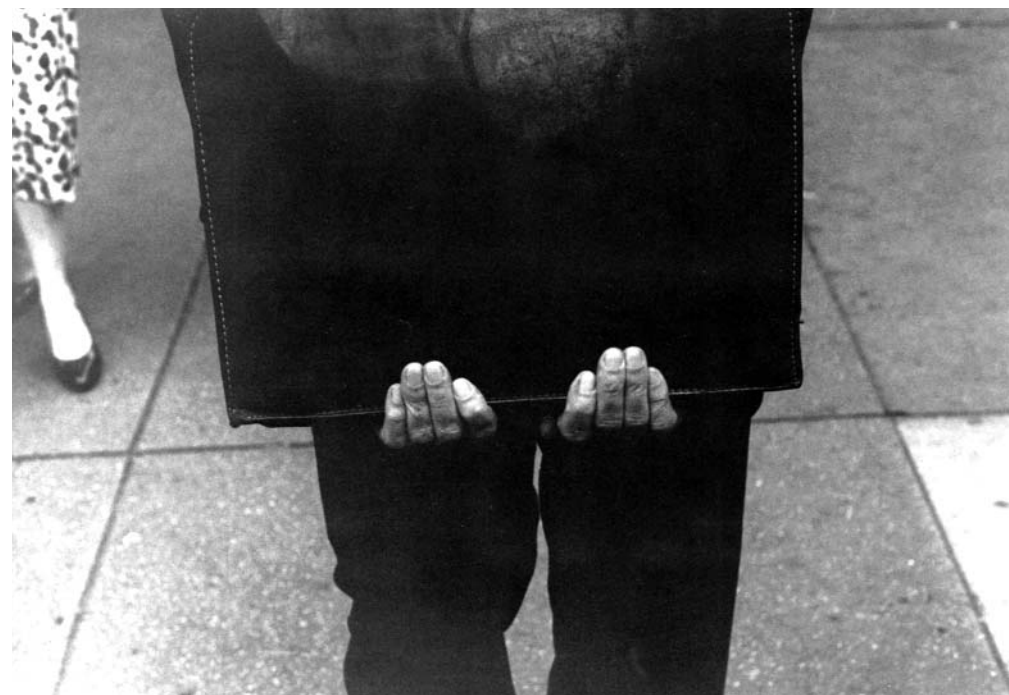
Такова, вкратце, структура британского правительства, но оно, конечно же, работает не в вакууме. Мир, в котором функционируют современные правительства, постоянно меняется, хотя, возможно, перемены в Британии не столь радикальны, как те, что происходят в России. И тем не менее перемены и реформы — весьма актуальная сторона политической жизни. Ведь каждое поколение как бы воссоздает государственные институты. Поэтому слушателям Московской школы политических исследований будет небезынтересно узнать о тех мотивах и силах, которые побуждают меняться британское правительство.

Конституция

Когда историки примутся описывать наш сегодняшний день, они напишут, что Соединенное королевство переживало эпоху великих конституционных реформ, которые происходят лишь раз в несколько столетий. Расширение автономии Шотландии и Уэльса, законы о правах человека, расширение Европейского союза и сосредоточение больших властных полномочий в Брюсселе, свобода информации, изменение условий членства в парламенте — эти и другие перемены иногда еще больше осложняют толкование британской конституции.

Общественность

Общественность также меняется. Ушло поколение, которое готово было воспринимать систему общественных услуг как дар милостивого государ-

Рой де Кава. Без названия. 1959

ства, мириться с очередями к чиновникам, сложными бланками и бесконечными бюрократическими преградами. Сегодня люди по праву требуют хорошей системы здравоохранения, хорошего транспорта, хорошего образования и безопасности; когда что-то происходит не так, люди ищут виноватых и требуют возмещения ущерба. Кроме того, общественность хочет, чтобы услуги предоставлялись с минимальными затратами ресурсов. Если налоги повышают, люди, естественно, хотят знать, на что будут истрачены их деньги.

Открытое правительство

Люди хотят открытого правительства. Они желают напрямую общаться с теми, кто находится у власти. В одном из своих выступлений Билл Гейтс утверждал, что сенатор США, занимающийся той или иной конкретной проблемой, может получать до миллиона электронных писем в день. В Великобритании объем переписки ниже, но и здесь наблюдается значительный рост количества посланий, направляемых в адрес премьер-министра. Г-н Блэр получает почти полмиллиона писем в год, по сравнению с несколькими десятками тысяч писем, которые премьер получал около десяти лет назад.

Отношение к власти

Люди сегодня менее склонны доверять правительству, что, безусловно, связано с возросшим уровнем образования.

Наиболее наглядно это проявляется в отношении научных проблем, таких как ядерная энергия, генетически модифицированные продукты питания или коровье бешенство. За невежество мы платим высокую цену. Если представитель правительства заявляет, что тот или иной продукт безопасен, а неиз-

вестный человек в белом халате, названный «независимым консультантом», утверждает обратное, прислушиваться будут в первую очередь к эксперту. Вне зависимости от их коммерческих и политических интересов, наши граждане не верят в способность правительства разобраться в научной стороне дела. Разрыв между научным знанием и позицией правительства по многим вопросам очень велик. Общественность сознает это, как и то, что правительство далеко не всегда способно до конца понять последствия научных достижений. И оно обязано реагировать на это «структурированной независимостью» подхода к проблеме и большей открытостью институтов.

Но не все так плохо. Разочарованию людей в политике соответствует поразительный, пусть и не всегда замечаемый, рост общественных и гражданских организаций.

Роль СМИ

Влияние общественности возрастает, конечно, и благодаря средствам массовой информации.

В середине 60-х годов прошлого века в нашей стране в эфир выходило около дюжины информационных программ в сутки. Сегодня новости выходят в эфир каждый час круглые сутки и из разных источников, не считая цифровых средств массовой информации, доступ к которым можно получить в любую минуту. В результате жажда новостей возрастает. Разумеется, деятельность правительства и политиков — лакомый кусок для всех крупнейших информационных агентств. Если новостей нет, их надо найти. Пытливые журналисты никогда не дремлют.

Сегодня новости облетают мир с удивительной быстротой. Когда я работал секретарем кабинета министров, мы оборудовали пост слежения за СМИ, роль которого сводилась к круглосуточному анализу новостного вещания и прессы и обеспечению оперативного ответа правительства на события в мире.

Опасность заключается в том, что государственная политика может при этом превратиться в разновидность мыльной оперы, в которой правительство или само сочиняет следующий эпизод, или ждет, чтобы его написал кто-то другой. Естественно, правительство предпочитает первое. Искусство написания следующего эпизода в медийной истории — важный аспект так называемых спин-технологий, которые существенно изменили климат работы в правительстве.

Вышесказанное, в частности, означает, что у министров крайне мало времени для принятия решений. Современные информационные технологии не терпят формализованных процессов. Задержка в реагировании на историю, появившуюся в СМИ, сама по себе может стать предметом обсуждения в прессе. Размеренный процесс принятия решений, который предпочли бы многие чиновники, невозможен в мире, где события немедленно становятся достоянием гласности.

Перевод с английского
Марка Дадяна

Россия в современном мире

8 декабря минувшего года — на следующий день после выборов в Государственную думу — в Москве похолодало и пошел снег. Естественное для этого времени явление природы словно обескураживающе символизировало те изменения, которые начали претерпевать международные позиции России в минувшем году. Многие наблюдатели заговорили о сужении сферы внешнеполитического влияния Москвы. Некоторые даже увидели парадокс в том, что на фоне концентрации внутривнутриполитических ресурсов и усиления центральной власти в Москве Россия утрачивает позиции в международных делах. Каковы же причины этих перемен?

Фундаментальные внешние факторы, по сути, не изменились. Современный мир — это мир нарастающей глобальной взаимосвязи во всех областях жизни. Причем не только на государственном, но — во все большей степени — на социальном и даже на личностном уровне. Это, как говорится, факт жизни, который может не нравиться, но который необходимо принимать как объективную реальность, обладающую как позитивными, так и негативными и даже опасными аспектами.

Информационная революция, в основе которой лежат новейшие достижения в области вычислительной техники и бурно развивающиеся технологии в сферах глобальных коммуникационных сетей, революционным образом изменила процессы хранения, обработки и передачи информации. В результате произошел переход к реализации управленческих решений в реальном масштабе времени (on-line), включая новые возможности ведения боевых действий.

Сегодня мы имеем дело с миром глобальной экономики, события в которой влияют друг на друга с калейдоскопической быстротой. Произошло качественное ускорение циркуляции глобальных активов в финансово-экономической сфере. Это объективно вынуждает структуры, ответственные за выработку и принятие решений на государственном и международном уровнях, находиться в повышенном тоне и постоянно наращивать усилия в области опережающего анализа, прогнозирования и выработки решений, адекватных нарастающему числу непрерывно изменяющихся факторов, критически важных для сохранения устойчивости национальной экономики государства. В таких условиях качественно возрастает роль бизнеса как фактора национального успеха на международной арене. Проти-

Владимир Лукин,
уполномоченный
по правам человека в РФ

востояние же государства и бизнеса, напротив, катастрофически снижает возможности продвижения национальных интересов, особенно в отсутствие современного эффективного государственного механизма проведения внешней политики.

Одним из следствий глобализации экономики является массовая миграция населения. Тем самым обостряется соперничество и в сфере мировой культуры, и без того испытывающей серьезные потрясения, связанной со все более коммерциализирующейся конкуренцией между глобальной потребительской и национальной культурами. Эти факторы в совокупности с обостряющейся проблемой неравенства в доходах и возможностях их получения как внутри отдельных стран, так и между странами и даже целыми регионами, а по мнению ряда экспертов, и цивилизационно-конфессиональными общностями, создают предпосылки для экспоненциального роста очагов потенциальных межэтнических и межрелигиозных противоречий и конфликтов, усиливают сепаратистские настроения в целом ряде регионов.

Глобальные коммуникации стирают временной зазор между событиями и их восприятием массовой аудиторией. В результате глобальное массовое сознание — также феномен последних десятилетий — испытывает возрастающий стресс, вследствие которого все больше людей на планете живет в психологически дискомфортной ситуации ускользающей индивидуальной и групповой идентичности.

В конечном счете новые технологии порождают не только новые возможности, но и новые, подчас немыслимые прежде угрозы. А неравномерный доступ к этим технологиям для различных стран и социальных групп еще больше усиливает неравенство, тем самым невольно «удобряя» почву для экстремистских настроений и действий.

Являясь доминантами современной эпохи, новые тенденции, как было сказано выше, не единственные в своем роде. Происходит интенсивное наложение, взаимное проникновение, своего рода интерференция новых тенденций с острыми проблемами, оставшимися в наследие от предыдущих эпох: национально-этническими противоречия-

ми, рецидивами религиозного фанатизма, ксенофобии и т.д.

Более того, «традиционные проблемы», порой сознательно «высеиваемые» на почве новых тенденций и достижений, обретают своего рода «второе дыхание». Наиболее характерные и самые опасные примеры столь нежелательного симбиоза — международный терроризм, обретающий характер распределенной транснациональной сетевой структуры, а также обострившаяся проблема распространения оружия массового поражения.

Наконец, на государственном уровне глобализация означает в первую очередь слияние внешней и внутренней политики и экономики. Предельно коротко это означает, что в нынешних условиях любая страна, претендующая на сколь-либо заметную роль в мировых делах, уже не может позволить себе проведение одной политики внутри своих границ, и принципиально другой за их пределами. Другими словами, полufeодальные во многих своих проявлениях отношения, до сих пор сохраняющиеся в целом ряде сфер российской экономики и политики, принципиально несовместимы с постиндустриальной архитектурой внешней среды, адекватной XXI веку. Подобное «раздвоение» политического сознания российского истеблишмента в случае его упрямого и бездумного воспроизводства рано или поздно поставит крест на перспективах страны как сильного и самостоятельного игрока на международной арене. Эффективная государственность и авторитарный феодализм на современном этапе абсолютно несовместимы.

Наступившая эпоха вновь радикально меняет роль как государства, так и международных отношений. Мысль о том, что международные отношения принимают вид «закрытой политической системы... глобальных размеров» была высказана без малого столет тому назад. Тем не менее Вестфальская система — классическая геополитика, выстраиваемая на комбинациях из отдельных государств и их коалиций, — сохраняла свое значение на протяжении большей части XX столетия. Она не теряет актуальности и сегодня, однако осложняется новыми факторами и тенденциями. Меняются взгляды на способы самореализации государства. Все

большее число ведущих стран мира приходит к пониманию, что доминирующий в международных отношениях Вестфальский принцип национального суверенитета становится все менее выгодным. Причем одни, как европейские государства, считают, что наступила пора более решительных шагов к созданию всеобъемлющего правового миропорядка, при котором можно будет учитывать как собственные интересы, так и интересы других серьезных мировых игроков. Другие же — в первую очередь США — претендуют на полную отмену принципа национального суверенитета (разумеется, не для самих себя) в тех случаях, когда «соблюдение формальностей» якобы неминуемо угрожает их национальным интересам.

Россия, как представляется, весьма заинтересована в том, чтобы, перефразируя Генри Киссинджера, превратить поддержание международной системы в сознательный проект. Искать новый баланс в мире методом «тыка» крайне опасно и опрометчиво. Российское руководство наглядно продемонстрировало свое понимание этой задачи, когда весной 2003 года дало в целом адекватную оценку операции США в Ираке.

Где же на этом фоне коренится нынешнее «сужение сферы влияния» российской внешней политики? Представляется, что никакого парадокса здесь нет: во внутрироссийской политике все явственнее ощущается тяга к политическим формам и методам, характерным для советской эпохи. У многих в нашей стране, как видно, слишком короткая память, и они уже не помнят (или не хотят вспоминать), сколь быстро терял СССР внешнеполитическую инициативу в последний период своего существования. Основными причинами этого были доктринерская зашоренность и отсутствие реальной конкуренции идей и подходов. Как следствие — низкая конкурентоспособность при столкновении с реалиями международной политики.

Наша страна, обладающая большой государственной и культурно-цивилизационной традицией, в силу многих причин вовремя не вписалась в глобальные тенденции. Неа-

декватное, а порой откровенно извращенное понимание национально-государственных интересов нашей страны, имевшее место на протяжении значительной части XX века, привело в конечном итоге к отставанию в экономической и социальной об-

*Мир не будет ждать,
пока у нас власти предрежающие обретут
чувство личной удовлетворенности
от распределения руководящих должностей
и «стратегических активов»*

ластях и в целом — к самоизоляции в международно-политическом плане. При этом наличие избыточного потенциала, как в стратегических ядерных силах, так и в области обычных вооружений, не только само явилось одной из значимых причин деградации экономического потенциала страны, но и затуманило сознание руководящих кругов СССР относительно истинного состояния дел внутри государства и его внешнеполитического влияния.

Автору уже приходилось настойчиво проводить тезис о том, что наиболее естественной, с его точки зрения, внешнеполитической средой, предоставляющей России оптимальные условия для развития (как то: безопасность, максимальная предсказуемость ключевых процессов, безусловная ориентация на демократические ценности, долгосрочный доступ к инвестиционным ресурсам, кооперация в сферах передовых технологий и научных идей), является евроатлантическое пространство. У этой среды имеются свои собственные большие проблемы, однако такие трения носили (и продолжают носить до сих пор, несмотря на все те разногласия, которые периодически возникали между США и некоторыми ключевыми странами Европы в 2003 году) пока исключительно субцивилизационный, но не межцивилизационный характер.

Внешнеполитическая линия, суть которой в возвращении России в Европу с историческим багажом совершенно особых отношений с США, исключающих противодействие этому процессу, — наиболее эффек-

тивный способ создать благоприятные международно-политические предпосылки модернизации страны, превращения ее в субъект, а не объект мировой экономики, политики и культуры XXI века. Если не

Искать новый баланс в мире методом «тыка» крайне опасно и опрометчиво

упустить этот шанс, то Россия при всех своих ограниченных возможностях уже в скором времени станет активной мировой политической силой, а в дальнейшем сможет оказывать серьезное воздействие на судьбы мира. При этом акцент на евроатлантическом направлении вовсе не отменяет многовекторности в российской внешней политике. Напротив, у России есть интересы как на Востоке, так и на Юге и в различных заморских регионах. Так же важна и интеграционная роль Москвы на постсоветском пространстве. Результативность усилий здесь будет только приращивать наши потенциальные возможности во взаимодействии с другими «полюсами» мира. Нынешние и будущие политики России не должны ни при каких обстоятельствах забывать о необходимости совмещать специфические, конъюнктурные интересы, с одной стороны, и долгосрочные — с другой. Важно не путать средства и цели, не упускать из виду базовые приоритеты.

Вплоть до недавнего времени, президенту В.В.Путину удавалось довольно успешно следовать в этом, наиболее перспективном с точки зрения долгосрочных интересов России, направлении. Москва поступательно расширяла партнерские отношения с ведущими странами Запада, не забывая и об остальных приоритетных для нас регионах мира. И хотя политические договоренности подчас опережали уровень развития связей в сферах экономики, бизнеса, дальнейшие международные перспективы нашей страны представлялись многообещающими.

Сегодня, однако, приходится с сожалением констатировать, что наметилась опасная

тенденция: начали портиться отношения России с ведущими странами мира, в первую очередь с Соединенными Штатами и Европейским союзом. В значительной степени это связано, к сожалению, с внутренними событиями в нашей стране.

Возникла и крепнет ситуация взаимного недоверия между Западом и Россией. Запад перестает видеть в России перспективную демократическую страну, она постепенно превращается

для него лишь в одну из многих стран на пространстве бывшего СССР. Чему здесь удивляться, если, с точки зрения наблюдателя, процессы, имеющие в последнее время место в России, по существу и направленности мало чем отличаются от антидемократических тенденций, набирающих силу в Белоруссии или в государствах Закавказья.

В то же время причины, порождающие охлаждение Запада в отношении России, не столь одномерны. Так, в случае с Европой большую роль играют разногласия по самому широкому спектру экономических вопросов — от взаимных претензий к высоким внешнеторговым барьерам до жесткого торгового относительно условий вступления нашей страны в ВТО. Серьезно влияет на уход России на второй план в повестке дня европейцев и наметившийся кризис в процессе формирования новых институтов и правил игры в расширяющемся ЕС.

Что касается взаимоотношений России и Соединенных Штатов, то здесь основные причины охлаждения коренятся в объективно усиливающихся геополитических разногласиях. С одной стороны, американская операция в Ираке не нуждается в российском содействии в той степени, в которой это требовалось раньше во время оккупации Афганистана.

С другой — в российской элите растет небезосновательное раздражение неустанно усиливающимся американским присутствием в тех регионах, которые мы традиционно считаем зоной своих национальных интересов, в том числе и особенно — на постсоветском пространстве. Не секрет, что многие в Москве постепенно укрепляются

Барбара Морган. Весна на Мэдисон-сквер. 1938

в подозрениях насчет того, что США стремятся создать своего рода «санитарный кордон» вокруг России. Высказывания официальных американских представителей относительно пролонгации «на вечные времена» военного присутствия в Грузии (при одновременно суетливо заявленной сразу после Нового года готовности «проплатить» скорейший российский уход оттуда), намеки на возможность появления баз в Азербайджане, расширение «временных» (как декларировалось ранее) плацдармов в государствах Средней Азии — все это видится многим в российском истеблишменте как недвусмысленные доказательства «коварства» и «двуличия» США, которые, на фоне публичных разговоров об укреплении двустороннего партнерства, на деле подрывают интересы Москвы у нее за спиной.

В этом же ключе воспринимается и американская активность на Украине, имеющая, на взгляд российской стороны, четкий акцент на противодействие российским усилиям, направленным на расширение и раз-

витие конструктивных отношений с Киевом. Наконец, косвенные (в основном, через Польшу) попытки американцев воспрепятствовать дальнейшему сближению России и Белоруссии.

Отмеченная негативная совокупность факторов подталкивает Россию к отходу от прежнего курса на интеграцию в евроатлантическое пространство. В Москве все более перспективным видится возвращение к более традиционным формам внешней политики, усиливается увлечение «геополитикой», а не модернизацией. А это дает дополнительные аргументы сторонникам внутриполитического «завинчивания гаек».

На самом деле такая линия бесперспективна. Как показывает опыт всей мировой цивилизации, авторитарные методы могут быть более или менее успешны лишь на коротком этапе первоначальной индустриализации, и только в тех условиях, когда отсутствует серьезный потенциал противодействия. История второй половины XX века знает примеры впечатляющих нацио-

нальных экономических прорывов в условиях авторитарного правления. Следует заметить, однако, что ни одному подобному государству не удавалось играть заметной роли в международной политике до тех пор, пока внутри него самого не начинались демократические перемены. Более того, большинство стран, двигавшихся к экономическому благополучию в условиях подавления внутренних политических свобод, к настоящему времени уже отказались или стремительно отказываются от подобной внутриполитической практики. Связано это не с доброй волей их элит, но с ясным осознанием неспособности «жестких вертикалей власти» к эффективному, тонкому и гибкому моделированию экономических и социальных процессов в условиях перманентно ужесточающейся конкуренции в глобальной экономике. Должна ли Россия в очередной раз набить собственные «шишки», прежде чем наш нынешний правящий слой обретет аналогичное понимание? У нас голова и так еще не зажила от «шишек», набитых в недавнем прошлом.

Кроме того, для такой страны как Россия — уже в силу ее объективного геостратегического положения — уход из сферы международных отношений попросту невозможен. А такая угроза вырисовывается, ибо Россия еще долго не сможет служить образцом высокоразвитости и богатства, как, скажем, США, которых многие не любят, но которым, тем не менее, стремятся подражать в вопросах экономического развития (а значит, волей-неволей и политического). Авторитарные замашки Москвы способны вызвать лишь страх, а то и ироничное недоумение потенциальных партнеров и клиентов. Неужели всего лишь без малого четыре года высоких цен на нефть так вскружили голову нынешним хозяевам положения, что они утвердились в своей способности действовать без оглядки на объективные исторические обстоятельства?

Нельзя забывать и о следующем важном аспекте: эффективная внешняя политика уже давно является чрезвычайно дорогостоящим делом, и чтобы пожинать ее плоды, предварительно нужны значительные вложения как в переносном, так и в прямом смысле слова. Откуда новоявленные «державники», испытывающие демонстратив-

ную аллергию к любым мало-мальски масштабным и самостоятельным проявлениям частной инициативы, собираются брать средства на «возрождение утраченного величия», если даже в своем кругу самые дальновидные из них признают, что, к примеру, в новомодном вопросе борьбы «за перераспределение природной ренты» речь идет о суммах по сути смехотворных с точки зрения стратегических потребностей нашей огромной страны.

Таким образом, даже намеки на попытку вернуть Россию в точку выбора вектора внутреннего развития неизбежно возвращают нас и на перекресток путей в международных делах. С точки зрения российских национальных интересов, даже такое, хочется надеяться, временное «торможение» — недопустимая роскошь. Банально, но мир не будет ждать, пока у нас власти предрержающие обретут чувство личной удовлетворенности от распределения руководящих должностей и «стратегических активов» и перейдут, наконец, от тактики без стратегии к систематическому решению реальных внешнеполитических проблем. Которых, кстати, не станет меньше только от того, что нам перестанут рассказывать о них по находящимся на коротком поводке телеканалам. Перефразируя известное латинское выражение, времена меняются, и мы должны меняться вместе с ними. Но меняться адекватно обстоятельствам (раз уж у нас пока не хватает ресурсов для воздействия на сами обстоятельства). «Эффективность деятельности» как главный критерий политики новой России — хороший ориентир. Однако опыт наиболее успешных держав современного мира подсказывает, что эффективность тем выше, чем выше конкуренция. Свободная конкуренция идей и концепций, в которой вырабатываются оптимальные решения — непереносное условие успеха в современной политике, в том числе международной. Хотим мы этого или нет — нам не удастся забыть, что на дворе XXI век.

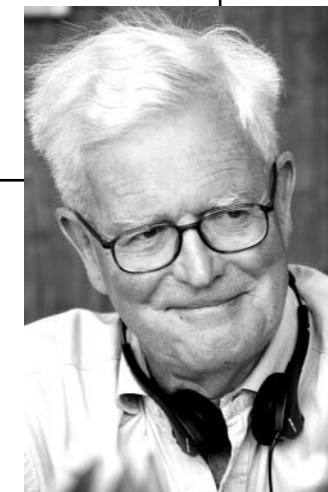
Терроризм и демократия

Терроризм и демократия — предмет глубочайшей озабоченности и для Британии, и для России, и для всего мира. Как демократия может сохранить себя, то есть остаться демократией и при этом победить такое несомненное зло, как терроризм? Сейчас, будучи частным лицом, а не министром*, я могу говорить об этом свободнее, чем раньше.

Что значит «террор» или «терроризм»? Наши лидеры все время говорят о «войне против терроризма» (не очень удачный, на мой взгляд, термин). Большинство моих соотечественников при слове «терроризм» представляют себе прячущегося в афганских или пакистанских пещерах бородастого мужчину по имени Осам бен Ладен. Тогда как гораздо важнее, по моему мнению, пирамида власти, посредством которой этот самый бородач из пещеры управляет кошмарными событиями по всему миру. Конечно, было бы намного проще, если бы действительно существовала обычная пирамида власти, с которой можно иметь дело. Однако на самом деле мы видим нечто, напоминающее птичьих перелеты. Кто знает, почему птицы летают на такие большие расстояния по тем или иным маршрутам?

На мой взгляд, это явление — результат прежде всего идейных споров и разногласий внутри самого ислама, которые и привели к серии террористических актов по всему миру — от Филиппин до Бирмингема. И начались они задолго до 11 сентября 2001 года. Так какова же их природа? Почему одни мусульмане воспринимают сегодня Запад как источник знаний и модернизации, а для других это по-прежнему враждебная сила, в борьбе с которой допустимы любые средства, включая убийства и самоубийства? Дискуссии на эту тему ведутся не первый год, например, в Турции, и там пришли к выводу, что Турция должна не противостоять Западу, но включаться в него. Но дискуссии продолжаются и в этой стране, которая наиболее модернизирована и вестернизирована и хочет вступить в Европейский союз.

Существует и другое, более простое объяснение этого явления. В прессе нередко можно встретить утверждение о том, что причина современного терроризма вовсе не в исламских разногласиях, а в бедности. Что именно бедность

Дуглас Херд,
член палаты лордов
Британского парламента

* Д. Херд занимал посты министра по делам Северной Ирландии, министра внутренних дел и министра иностранных дел в кабинетах М. Тэтчер и Дж. Мэйджора с 1981 по 1991 год.

толкает людей к терроризму и порождает симпатию к террористам. Мне же это напоминает старый спор о природе революций, о которых в свое время Алексис де Токвиль справедливо заметил, что они происходят не от бедности и совершаются руками не самых бедных.

Действительно, Французская революция, как известно, началась во время экономического расцвета. Революция в России тоже произошла не до, а после отмены крепостного права. Шах Ирана был свергнут не до, а после того, как поднял уровень жизни большинства иранцев.

Поэтому, скажем, мне лич-

но было бы более понятно, если источником терроризма была Африка — самый бедный континент мира. Но это не так. В Британии тоже живет немало бедных мусульман, прибывших из таких отсталых стран, как Бангладеш. Но почему-то и их терроризм не привлекает. Конечно, безработица может поставлять террористам кадры, но и она не является его причиной. Не говоря уже об экономической помощи бедным странам, которая тоже его не останавливает. Причина терроризма явно в другом.

Как же мы, то есть наши правительства и мы сами, можем и должны в таком случае отвечать на террористический вызов? Учитывая, что Британии и России он уже брошен.

Ясно, что для защиты граждан от насилия существуют органы правопорядка: разведка, полиция, армия, и они обязаны учиться противодействовать этой угрозе. Прежде всего, внутри страны. Но при возникновении новой угрозы они добиваются часто новых полномочий, и это создает проблемы, особенно для людей, живущих в демократических странах и подозрительно воспринимающих любые попытки правоохранительных органов получить дополнительную власть.

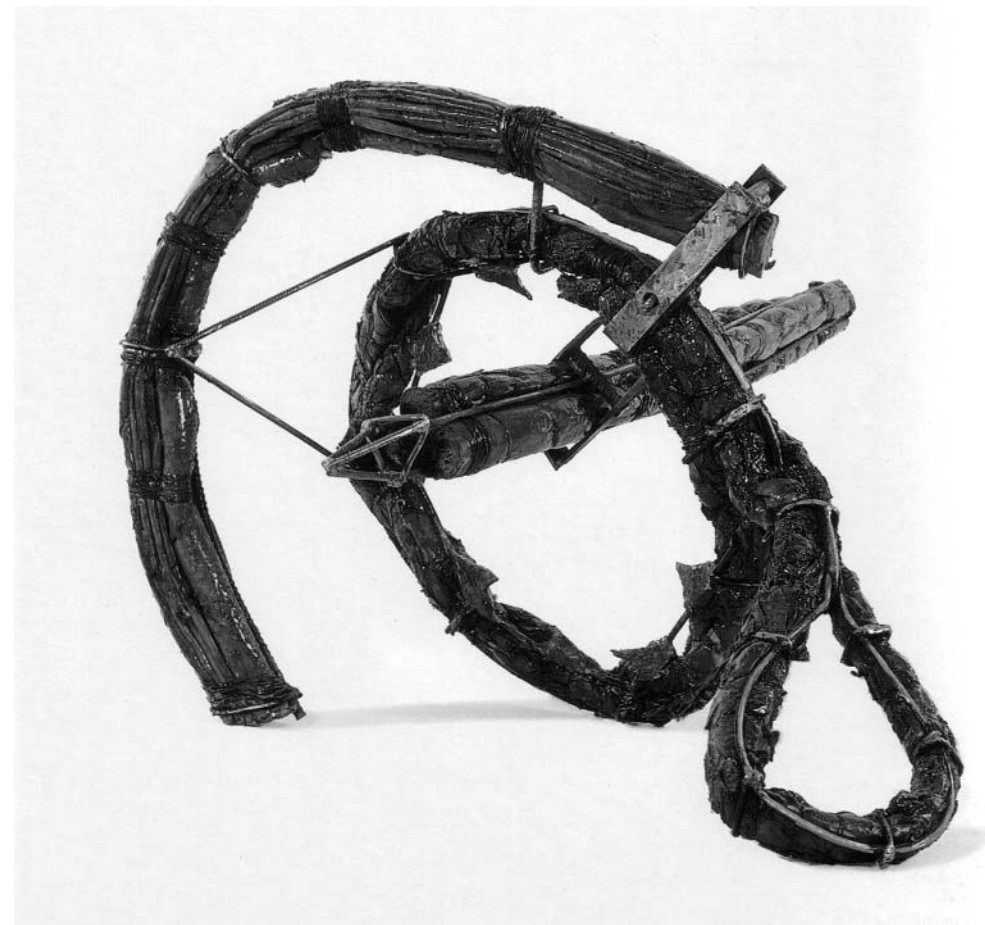
Сошлюсь в этой связи на свой собственный опыт. Когда я был министром по делам Северной Ирландии и министром внутренних дел, я, естественно, стремился к соблюдению баланса между усилиями министерства по охране общества от террористов и обеспечением прав граждан. Поскольку понимал, что общество не выражает большого энтузиазма в отношении расширения полномочий силовых структур. Наиболее подозрительно к этому всегда относились в палате лордов. Приведу три примера.

Первый — самый простой, эстетического характера. В Лондоне несколько лет назад возле здания парламента были установлены уродливые бетонные блоки, которые не позволяют прорваться к нему какому-нибудь самоубийце на грузовике, начиненном взрывчаткой. Нет сомнений, что это была необходимая мера. Но проблема в том, что она портит внешний вид здания и парламентарии на это реагировали.

Или, скажем, одно из самых знаменитых мест Лондона — маленькая улица под названием Даунинг-стрит, где живет премьер-министр. Когда я был школьником, Даунинг-стрит была открыта для публики; по ней можно было гулять сколько угодно в нескольких ярдах от дома премьер-министра, никто никогда не спрашивал ваше имя и не проверял у вас документы. Сейчас эта улица блокирована, закрыта воротами, охраняемыми полицией.

Второй пример, или проблема. Сегодня любой иностранный гражданин, подозреваемый в причастности к терроризму, может быть в Британии задержан без решения суда и немедленно выслан, либо заключен под арест на неопределенное время — если он не может вернуться в свою страну.

*Мы не должны — и, на мой взгляд,
это главное — позволить террористам
запугать нас*

Марчела Кореа. Без названия. 1994

Третий пример. Мой преемник на посту министра внутренних дел внес в парламент предложение о введении идентификационных карт, включающих полную информацию о каждом гражданине. Предстояло выяснить, насколько быстро эти карты можно сделать обязательными и каким образом убедить людей, чтобы они постоянно носили их с собой. В нашей стране уже был такой опыт — такие карты вводились во время Второй мировой войны. Но после войны их отменили и страна вернулась к нормальной жизни, когда никакой полисмен не имеет права задавать вам вопросы о вашей личности. Возможно, требование вновь ввести идентификационные карты, продиктованное борьбой с терроризмом, правильное, но министр не смог убедить в этом парламент.

Все эти примеры показывают, почему возникает напряжение между потребностью общества в охране порядка в условиях борьбы с террористами и соблюдением гражданских прав человека. Потому что мы не должны — и, на мой взгляд, это главное — позволить террористам запугать нас.

Не так давно я был в Кении — демократической африканской стране, находящейся в состоянии войны. И видел, что ситуация в ней сильно изменилась не столько из-за террористов, предпринявших две атаки (в Найроби и Момбасе), сколько из-за реакции западных стран, резко сокративших в результате поток туристов. Возможно, я ошибаюсь, но вывод и в данном случае напрашивается

Эли Рид. Восковая фигура Тони Блэра из коллекции Музея мадам Тюссо.

сам собой: существенны не столько действия «Аль-Каиды», сколько то, как мы реагируем на эти действия. И считаю, что наше Министерство иностранных дел поторопилось с рекомендацией британским гражданам воздержаться от визитов в Кению, с приостановлением деятельности консульств в этой стране, с отменой авиационных рейсов и т.п. Такими шагами мы явно помогаем террористам достичь одну из главных своих целей: ослабить или разрушить связи хрупких демократий со странами Запада.

Любая страна имеет право на защиту от терроризма или иных насильственных действий, о чем ясно сказано

в 51-й статье Хартии Объединенных Наций. И это право распространяется на дружественные нам страны. Именно поэтому, когда я был министром иностранных дел, британцы приняли участие в освобождении Кувейта, подвергшегося агрессии со стороны Саддама Хусейна. Поскольку Кувейт обратился за помощью, его право на самооборону перешло к нам, и мы должны были оградить его от агрессии. Как и в случае с Афганистаном, когда вместе с союзниками мы нанесли удар по талибам, поскольку они, не скрываясь, давали убежище лидерам «Аль-Каиды», включая Осаму бен Ладена, — тем, кто планировал атаки 11 сентября.

Допустимо ли вести переговоры с террористами? Инстинктивно наши лидеры склонны обычно отвечать «нет», и этот инстинкт, на мой взгляд, оправдан. Когда кто-то вместо политических методов использует методы террора, он тем самым лишает себя права быть участником переговоров. Но в действительности не все так просто. Премьер-министр Маргарет Тэтчер тоже была страстным противником каких бы то ни было переговоров с террористами. Однако в процессе ближневосточного урегулирования перед ней как-то встал вопрос о встрече в том числе и с Ясиром Арафатом, возглавлявшим организацию, влияние которой распространялось на все арабские страны. А она этого не хотела. И обсуждала тогда со мной сложную для нее интеллектуальную проблему, с которой столкнулась. Она не могла встретиться с Арафатом, как виновником организации ряда террористических актов, но при этом регулярно общалась с двумя другими людьми, которые также ранее были террористами: премьер-министром Израиля М. Бегином и президентом Зимбабве Р. Мугабе. Получалось, что террористы получают право быть стороной переговоров, когда приходят к власти, — очень неприятный вывод. Это напоминает строки Джона Хейвуда, жившего во времена Шекспира и Елизаветы I:

Мятеж не может кончиться удачей.

В противном случае его зовут иначе.

Помню также и другой случай, когда в британский кабинет министров поступило послание от Ирландской республиканской армии (ИРА) — террористической организации, воевавшей как против британских вооруженных сил, так и против мирного населения. В послании ИРА говорилось: «Война окончена. Что теперь?». После того как мы установили, что это послание действительно исходит от руководства ИРА, мы отнеслись к нему серьезно. Должны ли мы были отказаться от переговоров с террористами? Мы не отказались, и начался мирный процесс. Его начал Джон Мэйджор и продолжил Тони Блэр. В результате в Северной Ирландии с терроризмом было покончено (хотя, разумеется, там еще достаточно сложных проблем).

Следовательно, подходить догматически к поставленному выше вопросу и заявлять, что недопустимы никакие переговоры с террористами, едва ли оправданно. Если у вас есть серьезные основания считать, что люди, виновные даже в тяжелых преступлениях, хотят прекратить свою деятельность, то имеет все же смысл идти с ними на переговоры. Это сложный вопрос, требующий тщательного обдумывания.

Поэтому согласимся: как вооруженные силы за пределами страны, так и полиция, разведка, суды внутри страны, прежде всего призваны подавлять, ловить и карать тех, кто виновен в планировании и осуществлении террористических актов. Хотя самого по себе этого, конечно, недостаточно. Не менее важно лишить террористов возможности пополнять свои ряды. Есть страны, население которых страдает от терроризма, но при этом мешает полиции бороться с террористами, укрывая их, либо пополняя их ряды, что вполне объяснимо. Если у кого-то убивают всю семью, то логично ожидать, что он захочет мстить и станет «бойцом сопротивления» или террористом.

Проблема эскалации насилия существовала в прошлом и продолжает существовать, напоминая замкнутый круг: одни применяют силу для разрешения конкретной ситуации, а подвергшиеся насилию люди со своей стороны также прибегают к насилию. Это происходит практически ежедневно на Ближнем Востоке, где палестинские террористы-самоубийцы взрывают магазины и автобусы, убивая ни в чем не повинных израильтян, а те в свою очередь отвечают им тем же. Использование оккупационных методов — с проверками и «зачистками» — заведомо гарантирует в этом случае, что насилие будет продолжаться, как мы видим это теперь и в Ираке.

Для успешного проведения политики, мешающей постоянному пополнению «армии террористов», необходимо, на мой взгляд, серьезное обсуждение этой проблемы с исламским миром — на всех уровнях. Надо показать мусульманам, что мы не крестоносцы и не навязываем им свои взгляды. Но у нас есть ощущение, что исламскому миру также нужны демократия и гражданское общество, чтобы стать современным. И это должно вырастать снизу, основываясь на собственном опыте египтян, иорданцев, марокканцев и других, а не доставляться с Запада на крейсерах и танках путем насильственной смены режима. Как я сказал в самом начале, выражение «война против терроризма» мне не кажется точным. Война предполагает победу, а в борьбе с терроризмом день победы вряд ли настанет. Но у нас есть шанс — если мы будем достаточно умны — добиться постепенного спада террористической активности. Если у террористов будет меньше поддержки, если условия жизни людей будут улучшаться, если будет преодолена фундаментальная враждебность к исламу.

В заключение, возвращаясь к Северной Ирландии, расскажу об отеле «Европа» — главной гостинице Белфаста. Когда в 1984–1985 годах, будучи министром, я приезжал в Белфаст, останавливаться в этом отеле было небезопасно — там все время что-то взрывали. Это был самый взрывоопасный отель в Европе. Теперь же это просто нормальный отель, жить в котором комфортно и приятно. Почти никто не помнит, каким он был 20 лет назад. И это притом что в Северной Ирландии по-прежнему множество проблем. Так что это не славная наша победа; процесс нормализации не завершен и не совершенен. Но ситуация стала гораздо лучше, чем раньше. Почему? Потому что наше правительство, при всем своем несовершенстве, постаралось вникнуть в ирландский вопрос. Мусульманский вопрос, разумеется, гораздо масштабнее и опаснее, но я склоняюсь к тому, что его решение в принципе будет развиваться по сходному сценарию.

Перевод с английского
Юрия Гиренко

Имперская идея и государственный прагматизм

Алексей Макаркин,
заместитель директора
Центра политических
технологий

Декабрьская кампания 2003 года по выборам в Госдуму не имела ярко выраженного внешнеполитического уклона. Основные вопросы, которые ставились в ее ходе, были связаны с темами, относящимися к внутренней политике государства. Однако все основные участники выборов — и победители, и проигравшие — имеют свой взгляд на место России в современном мире и на главные направления ее международной политики. Понятно, что иностранными делами в стране ведает прежде всего власть исполнительная, но законодатели имеют возможность влиять на нее, публично апеллируя к «мнению народному». Поэтому нельзя не учитывать их позиций, за которыми просматривается не только точка зрения политиков и близких к ним экспертов, но и достаточно широкая палитра мнений российских граждан.

Россия без европейской карты

Любой анализ внешнеполитических предпочтений российских политиков невозможен без сравнения ситуации в России с аналогичными процессами, происходящими в странах Восточной Европы и СНГ. А она отнюдь не способствует росту авторитета политиков, выступающих за западнический, европейский путь развития. По данным социологов, убежденными последовательными «вестернизаторами» являются 15–18 процентов россиян. И примерно треть граждан страны столь же решительные противники ориентации на Запад. Остальные прагматичны в своих предпочтениях — во время югославской войны 1999 года они были энергичными противниками НАТО, а в последнее время выступают за интеграцию России в европейские структуры.

Почему же лишь меньшая часть россиян является убежденными западниками? Представляется, что есть две причины этого.

Первая связана с тем, что Россия не пережила в своей новейшей истории стадии национально-освободительного

движения, борьбы против империи. Той стадии, которую прошли государства Восточной Европы и где она завершилась знаменитыми «бархатными революциями». Россия сама была империей, которой внутри страны противостояла лишь небольшая группа диссидентов, духовным лидером которых был академик Андрей Сахаров (другие диссиденты, наиболее ярким представителем которых был Александр Солженицын, выступали в качестве имперцев). У россиян нет мифологии национальной борьбы, которая смягчала для поляков и литовцев, венгров и чехов первые годы рыночных реформ, когда ломались многие привычные представления о жизни, появлялись новые, часто казавшиеся трудноразрешимыми проблемы.

Вторая причина связана с тем, что когда для других государств, совершавших свой «переход через пустыню», тема национальной борьбы начала уходить в историю, у них появился другой мощный стимул для выбора «европейского пути». Подспудно, впрочем, он существовал всегда, но только в 90-е годы начал приобретать реальные очертания. Вперед, в Европу — этот лозунг стал консенсусным для политических элит Польши и Венгрии, Румынии и Эстонии. Вне этого консенсуса осталось явное меньшинство — крайне левые и крайне правые. Более того, истеблишмент смог предложить населению своих стран не просто яркий лозунг, а понятную любому жителю карту, маршрут пути в Европу, где были размечены все пункты, которые необходимо было пройти: Совет Европы, НАТО, Европейский союз, зона евро... Разница в подходах различных партий состояла лишь в том, что одни предлагали пройти этот маршрут быстрее, а другие — несколько медленнее, с тем чтобы в полной мере учесть социальные последствия интеграции. И политическая практика показывает, что эта карта, казавшаяся еще лет 12 назад утопичной, сегодня выглядит вполне реальной. По маршруту, отмеченному на ней,

идут не только лидеры, но и страны, которые никак не отнесешь к этой категории — Албания, Македония. Все они хотят жить в единой Европе, входить в один союз с признанными грандами европейской цивилизации.

Кризис российского «западничества» связан как раз с тем, что либералы в нашей стране не могут представить своим избирателям такую карту. И в этом не их вина — скорее, можно говорить о судьбе. «Старым европейцам» надо адаптировать к условиям жизни в единой Европе своих новых коллег. Серьезные вопросы возникают по поводу членства в НАТО даже Украины, не говоря уже о Грузии, раздираемой внутренними противоречиями, угрожающими ее территориальной целостности. Россия слишком велика и своеобразна для того, чтобы стать в обозримом будущем органичной составной частью военных и экономических структур Европы.

Есть и еще одна причина, по которой россияне проявляют сдержанность в отношении вестернизации. Большинство жителей России до сих пор воспринимает свою страну как особый самоценный мир. Это не означает, что они выступают в поддержку автаркии, — напротив, популярны идеи заимствования у Запада всего полезного (по аналогии с реформами Петра Великого). Однако обратим внимание на небольшую деталь: россияне хотят жить не «на Западе», а «как на Западе». Это означает, что они хотели бы «дотянуться» до западного материального стандарта, но не готовы в полной мере воспринять западные ценности. Вспомним, что и Петр Великий, перенимая западные военные и технологические новшества, а также управленческую модель, воздержался от организации в России каких-либо представительных органов власти, напротив, усилил роль самодержавного «регулярного государства». Вряд ли стоит забывать о том, что жители современной России по своему менталитету существенно отличаются от поляков или да-

же литовцев. Если еще четверть века назад во время матча за шахматную корону в Багьо в тогдашних «республиках советской Прибалтики» был весьма популярен «анти-советчик» Виктор Корчной, то в РСФСР абсолютное большинство жителей «болело» за Анатолия Карпова — любимца Леонида Брежнева.

Неудивительно, что в нынешней России членство в Совете Европы все более воспринимается как обуза. Действительно, с точки зрения и значительной части элиты и населения (которому транслируются подобные настроения) европейцы «придираются» по поводу Чечни, пытаются «навязать» россиянам свое представление о свободе СМИ и т.д. Соответственно, никаких видимых плюсов от европейской интеграции пока что не видно. Отсюда и декларативный характер идеи «европейского пути» для современных российских реалий.

Имперские тупики

Из всего сказанного выше становится очевиден кризис внешнеполитических доктрин российских либералов. Неслучайно в ходе избирательной кампании 2003 года Анатолий Чубайс был вынужден выдвинуть лозунг «либеральной империи», стремясь адаптировать традиционный либерализм 90-х годов к условиям роста влияния «государственнических» настроений. Под «либеральной империей» лидер Союза правых сил понимал активную экономическую экспансию России на постсоветском пространстве — в первую очередь, через установление контроля над энергетическими системами государств-членов СНГ. Таким образом, председатель правления РАО «ЕЭС России» претендовал на роль интегратора (вначале экономического, а в перспективе и политического) государств бывшего СССР.

Однако лозунг «либеральной империи» не сработал — СПС потерпел поражение, получив в два раза меньше голосов, чем четыре года раньше. Слишком сильным оказался контраст между привычным для рос-

Обратим внимание на небольшую деталь: россияне хотят жить не «на Западе», а «как на Западе»

сиян имиджем «разрушителя советской империи», в качестве которого выступал Чубайс, и его имперскими заявлениями. Кроме того, политическая практика СПС в межвыборный период более соответствовала образу «антиимперской» партии — критика политики федерального центра в Чечне, демонстративная поддержка «западной» белорусской оппозиции, выступающей против Александра Лукашенко, и другое. На фоне подобного диссонанса более логичной представлялась внешнеполитическая программа «Яблока», носящая подчеркнuto «неимперский» характер (показательно, что именно в области внешней политики Григорий Явлинский подчеркивал наибольшее сходство своей программы с позицией Владимира Путина, активно сотрудничавшего с Западом в рамках антитеррористической коалиции). Другое дело, что общий «износ» образа «Яблока» привел и его к поражению на выборах.

Значительно более органично, чем у правых, выглядела идея возрождения «советской империи», которую фактически отстаивает КППРФ. Коммунисты выступают против «разрушителей страны» и ориентации на Запад. В то же время их позиция близка к точке зрения современных антиглобалистов, активно критикующих «общество потребления». Однако проблемой коммунистов являются механизмы реализации их идей. В 90-е годы в левых кругах бытовало устойчивое представление о том, что распад СССР произошел вопреки воле наро-

дов в результате интриг властолюбивых представителей элит. Следовательно, уже в ближайшем будущем Союз может быть восстановлен, возможно в усеченном виде. Необходимо только поддерживать левые

Жизнь в глобальном мире расценивается без особого восторга, но с пониманием объективной неизбежности адаптации к ней и вреда автаркии

(коммунистические) силы в новых независимых государствах — отсюда активная поддержка создания и деятельности Союза коммунистических партий (СКП-КПСС). Однако шло время, и выяснилось, что реставрации не произойдет. Даже с Белоруссией интеграционный процесс встречает существенные проблемы. Приход к власти коммунистов в Молдове также не привел к обретению этим государством однозначно пророссийской ориентации.

Что касается антиглобалистской составляющей, то архаичным российским коммунистам непросто «вписаться» в контекст международного движения. Точно так же как представители КПСС в советские годы ощущали себя чужими в ходе диалога с объективными партнерами из числа членов леворадикальных организаций Запада.

На фоне общего кризиса КПРФ, проявившегося в ходе последних выборов, активно укрепляют свои позиции конкуренты коммунистов на «патриотическом» поле — ЛДПР и блок «Родина». Их скорее можно отнести к партиям националистического типа — отказавшись от левой фразеологии, они в то же время, не прочь апеллировать к понятию империи. Но если для сторонников Владимира Жириновского имперская идея является лишь частью весьма прагматичного политического проекта, направленного на получение электоральных преимуществ, то деятели «Родины» давно отстаивают целостную концепцию, определяю-

щую место России в современном мире. Если эпатажный антиамериканизм лидера ЛДПР представляет собой часть тщательно разрабатываемого имиджа, который позитивно воспринимается сторонниками партии, то в состав «Родины» вошли люди, не просто называющие, но и ощущающие себя русскими националистами.

Внешнеполитические приоритеты «Родины» несут ярко выраженный антизападный характер — как и коммунисты, они сочувствуют антиглобалистскому движению, но, более динамичные, они легче находят общий язык с аудиторией. Они наиболее активно критикуют членство России в европейских структурах — достаточно вспомнить крайне жесткие высказывания Дмитрия Рогозина по поводу Совета Европы.

В отличие от коммунистов националисты еще в 90-е годы пришли к выводу, что СССР невозможно восстановить в качестве «советской империи», основанной на принципе интернационализма. Они фактически выступают за создание «русской империи» и вовлечение в нее всех союзников русского народа. К последним относятся не только славяне — украинцы («малороссы») и белорусы, но и представители так называемых непризнанных государств: Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии. Принцип территориальной целостности новых независимых государств не признается, так как, по мнению русских националистов, сами эти государства возникли в 1991 году незаконно. Более того, Сергей Бабурин еще в 90-е годы выступал против признания существующих границ Украины и Литвы, считая, что спорными территориями могут считаться Крым, Вильнюс и окрестности, Клайпеда. Понятно, что такой экспансионизм чреват конфликтами как со странами «ближнего», так и «дальнего» зарубежья, но националисты сознательно готовы идти на них.

Уильям Инглэнд. Ниагарский подвесной мост. 1859

Взгляды националистов из «Родины» объективно близки к позициям, бытующим в российских силовых структурах, в том числе и в вопросах внешней политики. Однако абсолютизировать их успех на выборах не стоит — сторонники Глазьева и Рогозина получили лишь 9 процентов голосов избирателей и не определяют облик нынешней Думы. Внешнюю политику в России осуществляют президент и МИД, а не депутаты. В то же время важен сам факт получения «идейными» (а не прагматичными) националистами думской трибуны для продвижения своих взглядов.

«Неимперский» прагматизм власти

Абсолютное большинство в нынешней Думе у «Единой России» — президентской пар-

тии, полностью лояльной Владимиру Путину. Разумеется, эта лояльность распространяется и на понимание места России в современном мире.

Позицию российской власти и ее парламентских представителей можно охарактеризовать как прагматичную. Россия воспринимается как часть мировой цивилизации, но со своими особенностями. Жизнь в глобальном мире расценивается без особого восторга, но с пониманием объективной неизбежности адаптации к ней и вреда автаркии. По поводу судьбы СССР власть демонстрирует верность несколько перефразированному старому принципу: о распаде Союза не может сожалеть только не имеющий сердца, но тот, что пытается его реставрировать, лишен разума. В отношении государств СНГ проводится принцип признания их территориальной целостности

при сохранении традиционных отношений с «непризнанными государствами» (но без признания их приоритетного характера). Защита прав русскоязычного населения в странах Балтии реализуется путем апелляции к европейским структурам, в которые входят балтийцы.

В поиске своего места в мире Россия исходит из существующих реалий. Она не идет на лишние конфликты с США по вопросам, которые нынешняя Россия не может разрешить в свою пользу. Речь идет и о расширении НАТО на Восток, болезненно воспринимаемом в российском обществе, и о выходе США из договора по ПРО. Россия, несмотря на сомнения части истеблишмента, вошла в состав антитеррористической коалиции и отчетливо дистанцировалась от позиции США в ходе иракского кризиса. Но и в этом случае российская власть не пошла на сворачивание контактов с США и их ближайшими союзниками, как это произошло в 1999 году после военного разрешения югославского кризиса. При этом принципиальной позицией России остается сохранение роли ООН в современном мире. Речь идет не о реставрации империи или реанимации имперской политики, а о стремлении найти свое место в качестве активного члена элитарного клуба — «восьмерки» индустриально развитых государств.

Популярность президента Владимира Путина и осознание большей частью россиян необходимости адаптации к существующим реалиям, обеспечивает внешней политике страны поддержку со стороны не только большей части политического класса, но и большинства населения. В этом принципиальное отличие от ситуации последних лет президентства Бориса Ельцина, утратившего некогда значительный «кредит доверия» со стороны истеблишмента и избирателей.

Все это не означает, однако, что в самоидентификации России на настоящем этапе не существует проблем. Главная из них — это определение сферы влияния страны.

Россия сохраняет претензии на особую роль в СНГ, но она подвергается сомнению со стороны Запада, что уже проявилось во время конфликтных ситуаций в Грузии и Молдове. Противоречивую реакцию в России вызывает и укрепление позиций США в Средней Азии — в качестве «противовеса» воспринимается открытие российской авиабазы в Канте. Болезненно в 2002–2003 годах было воспринято и введение «визовых суррогатов» для калининградского транзита через Литву.

Еще одна проблема — стремление России получить реальную выгоду от своей вестернизированной внешней политики: поскольку график европейской интеграции, по которому живет Восточная Европа, для нее в обозримом будущем неактуален. Однако и здесь все непросто. Переговоры о вступлении России во Всемирную торговую организацию затягиваются из-за разногласий с Еврокомиссией по поводу либерализации цен на энергоресурсы. Вопрос о введении безвизового режима с государствами ЕС пока сугубо гипотетичен.

Наконец, еще одна проблема. На Западе к России относятся со все более строгими мерками, жестче оценивая отступления от правил классической демократии, что, в частности, проявилось при оценке наблюдателями ПАСЕ и ОБСЕ результатов думских выборов 2003 года. Коммунистический реванш больше не представляется актуальным — отсюда и рост требований, и отказ закрывать глаза на нарушения, к которым еще в середине 90-х годов относились весьма снисходительно. В то же время российские власти намерены отстаивать свои исключительные прерогативы при решении внутривнутриполитических вопросов — будь то чеченская проблема или взаимоотношения с собственным бизнесом (на примере «дела ЮКОСа»). От того, насколько гармонично удастся разрешить все эти проблемы, в значительной степени зависит судьба «неимперского» внешнеполитического курса современной России.

Кризис российского либерализма?

Борис Капустин,
доктор философских наук,
профессор
Московской высшей школы
социальных и экономических
наук

Вряд ли может удивлять тот факт, что разговоры о кризисе, а то и крушении российского либерализма резко активизировались после поражения партий, идентифицируемых в качестве либеральных, на парламентских выборах 2003 года. Я думаю, однако, что вопрос о кризисе либерализма (как и любого крупного политического течения современности) слишком масштабен, чтобы быть столь жестко привязанным к судьбе тех партий и движений, которые объявляют себя его носителями. В Англии, к примеру, некогда великая Либеральная партия в XX веке превратилась в политического карлика и в конце концов прекратила самостоятельное существование, слившись с социал-демократами Д. Оуэна. Однако — и вполне резонно — это не послужило основанием для широких дискуссий о кризисе или крушении английского либерализма. Итак, мой первый тезис заключается в том, что из упадка носителей либеральной идеологии нельзя автоматически заключать о кризисе либерализма как общественного явления (либеральных институтов, процедур, практик). Вопрос о кризисе либерализма как общественного явления требует особого изучения, не сводимого к рассмотрению того, что происходит с либеральными партиями и другими его «штатными» носителями.

Далее. В России в 2003–2004 годах наиболее впечатляющие проявления кризиса «штатных» носителей либерализма обнаруживаются в реакции либералов на свое декабрьское поражение, а не в нем самом. Электоральные успехи и неудачи — нормальное явление в рамках демократических избирательных циклов. Сами по себе они могут свидетельствовать лишь о тактических поражениях (или победах), но не о кризисах и стратегических разгромах. Тактические поражения становятся стратегическими разгромами тогда, когда проигравшие партии оказываются не в состоянии извлечь уроки из своего проигрыша, перестроиться концептуально, когда они тешатся политически безнадежным «объяснением» своих неудач в духе того, что «электорат не понял нас». Именно определенная реакция на электоральные поражения превращает их в политические разгромы. Кризис носителей российского либерализма (отличая его от кризиса самого либерализма) произошел после декабря 2003 года. Это — мой второй тезис.

В том, что последует далее, я попытаюсь развернуть оба эти тезиса. Экспозиция первого тезиса будет иметь скорее теоретический и исторический характер, отражающий

преимущественно опыт западного либерализма. Рассмотрение второго тезиса будет сфокусировано на статье главного идеолога СПС Леонида Гозмана*, замечательной именно своей ясностью и последовательным выражением точки зрения «последекабрьского» либерализма. На либеральном фланге существуют, конечно, иные точки зрения. Однако в интересующем нас концептуальном плане они скорее затемняют идеи, высказанные Гозманом, чем добавляют к ним нечто принципиально новое.

Либерализм, как и любое другое крупное политическое течение современного мира, — сложное многоуровневое явление. Он существует на уровне идеологии политически организованных сил, объявляющих себя его носителями, общественного сознания и «мировосприятия», наконец, практической деятельности — государства и/или субъектов гражданского общества. Эти уровни неким образом связаны между собой, но такая связь всегда имеет сложный и опосредованный характер. В истории нередки случаи, когда процветание либерализма на одних уровнях сопровождалось его увяданием на других, или когда либеральные практические действия осуществлялись силами, идеологически совершенно чуждыми либерализму, и т.д. (Вспомним, к примеру, что классический образчик либерального права — Кодекс Наполеона — был внедрен в практику Европы военным диктатором и узурпатором, подавившим во Франции какие-либо признаки либеральной политической жизни.)

Разговоры о кризисе либерализма в современной России как правило имеют такой абстрактный характер, что кажутся мне пустыми. О кризисе на каком уровне существования либерализма идет речь? Этот вопрос должен быть поставлен в первую очередь. Но он-то и не ставится. Да, партии, называвшие себя либеральными, потерпели на декабрьских выборах поражение. Ну и что из этого? В том виде, в каком они существовали, они, возможно, были непродуктивны даже с точки зрения «продвижения» того вида либерализма, за который сами ратовали. Исходящий от них ныне анализ собственного поражения кажется мне всего лишь неумелым самооправданием: собственная никчемность выдается за «объективное явление», корни которого уходят то ли в «органику российской почвы», то ли в демонические интриги «аппаратов власти», кстати, либералами же в решающей мере и созданными.

Уж если рассуждать о кризисе либерализма, то гораздо интереснее сосредоточиться на других вопросах. В их числе — меняется ли общественное сознание россиян и усваивает ли оно «либеральные ценности»; какой конкретно облик принимает российское законодательство; происходит ли формирование политически дееспособной (способной к политической мобилизации людей), а не просто «кафедральной» или «журналистской» идеологии российского либерализма; имеет ли место превращение рабочей силы в товар или она все еще пребывает в логике внеэкономического принуждения; сложились ли оппозиция и взаимодействие публичной и частной сфер жизни?

Ответы на эти и другие серьезные вопросы могут дать немало оснований для тревоги относительно судеб российского либерализма. И главным таким основанием является, на мой взгляд, практическое исчезновение оппозиции из нашей политической жизни, что равнозначно свертыванию публичной политики как таковой. Но это уже не частный вопрос о либерализме, а общий вопрос о возможности политической жизни в нынешней России. Кстати, в каких-то своих формах либерализм может существовать и при коллапсе политической жизни и ее дегенерации в администрирование. Не случайно Хайек мог аплодировать Пиночету, выражая предпочтение «либерализма без демократии»

* См.: Леонид Гозман. Символ веры. // Известия, 25 июня 2004.

перед «демократией без либерализма». Поэтому и многие наши либералы склонялись к идее «авторитарной модернизации», которая является совсем не абсурдной с точки зрения (некоторых версий) либерализма. Вообще либерализм и политическая свобода — отнюдь не синонимы, и сложные, противоречивые отношения между ними нуждаются в конкретном анализе применительно к каждой исторической ситуации.

Но здесь мы подходим к пониманию другой причины бессодержательности многих нынешних разговоров о кризисе отечественного либерализма. Либерализм никогда не был чем-то единым (как и марксизм, консерватизм и т.д.). Всерьез можно говорить о либерализмах, но не о либерализме. Разногласия между версиями либерализма подчас оказывались не менее, а более острыми, чем его споры с марксизмом или консерватизмом. Как отнестись, например, к тому, что для критикуемого утилитаризма Бентама «естественные права человека» якобы всего лишь «чепуха на ходулях», причем пагубная для общества? Учитывая, что утилитаризм — не менее законный представитель либерализма, чем либерализм «естественного права», оказавший к тому же решающее воздействие на современную англо-американскую политическую культуру! Вся тематика «рационального эгоизма», «естественной гармонии частных интересов», служебности государства по отношению к таким интересам и многое-многое другое, что современный (российский) либерализм считает своими «азами и буками», восходит именно к утилитаризму.

У меня нет здесь возможности дать развернутую типологию видов либерализма (я делал это в других публикациях*), но уместно поставить вопрос: какой вид либерализма потерпел крах (или переживает кризис) в современной России? И не лучше ли для России, что он потерпел крах (или оказался в кризисе)? Не расчистит ли это почву для появления другого вида либерализма, более жизнеспособного в России и полезного для нее?

В 1929 году в США потерпел крах либерализм «свободного рынка», а в 1933 году в Германии — «конституционный либерализм» веймарского образца. Американским ответом на крах той разновидности либерализма стал «новый курс» Рузвельта, соответствовавший, по европейским понятиям, «социальному либерализму». Германским ответом, как известно, был нацизм. Возможно, и Россия извлечет для себя урок, творчески экспериментируя с ситуациями, в которых она оказывается? Ибо исторически эффективный либерализм — это всегда не следование догме, а конкретное разрешение конкретных проблем с целью достижения той меры свободы, которая возможна в данной ситуации.

Отсутствие духа экспериментальности, подражание «образцам», на мой взгляд, одна из главных причин краха (кризиса) российского либерализма в том его партийном виде, в каком он существовал до декабря 2003 года. Речь идет не просто о том, что наши либералы недостаточно учли в своей деятельности какие-то обстоятельства российской жизни. Такая формулировка предполагает, будто существует некий единый истинный образец либерализма, который нужно только умело применять к тем или иным историческим «случаям». Но такого образца нет — политически жизнеспособный либерализм нужно заново изобретать в каждой специфической исторической ситуации как теоретический и практический ответ на ее — именно ее! — проблемы. Страшно подумать, что произошло бы с Соединенными Штатами, если бы Рузвельт, пусть очень умело, «применял» образцы «манчестерского либерализма» XIX века или сохранял верность моделям «правового государства» Локка или Канта!

* См. в частности: Б.Г. Капустин. Алгоритмы и варианты западного либерализма. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. — М.: РОССПЭН, 1999.

Только догматическое восприятие либерализма может питать разговоры о том, что он заведомо «чужд» российской почве, и в этом-де — главное объяснение «объективных» трудностей наших либеральных партий. Чем почва штата Вирджиния в XVIII веке с ее базирующейся на плантационном рабстве экономикой, неграмотностью подавляющего большинства населения, патриархальным укладом жизни (см. «Заметки о штате Вирджиния» Томаса Джефферсона) более благоприятствовала появлению либерализма, чем почва современной России? Но именно Вирджиния дала ту либеральную конституцию, которая стала прообразом позднейшей конституции США, отладила эффективную систему представительного правления (хотя и при сегрегации небелого и женского населения), выдвинула интеллектуальную и политическую элиту! Нет, дело не в «имманентных» свойствах почвы, что бы под ней не понималось, а в том, удастся или нет найти *либеральный способ регулирования конфликтов*, каковы бы они не были, разворачивающихся практически на любой культурной почве.

Либерализм есть политическая идеология, и живет (или погибает) он по законам ее существования. Первым таким законом является следующий: лишь та политическая идеология достойна жизни, которая способна мобилизовать в поддержку своих целей политически весомую в данном обществе и дееспособную группу населения.

Когда-то либерализм был способен мобилизовать людей даже на революции и войны. Правда, тогда он говорил от имени *народа* («Мы, народ» — начинает изложение своего «символа веры» американская Декларация независимости), а не от имени бенефициариев подозрительных в нравственном отношении реформ. И апеллировал он больше к «свободе, равенству и братству», чем к «священности» частной собственности. Если же сейчас наш либерализм не в состоянии мобилизовать людей даже на такое легкое для них и рутинное действие, как явка к избирательным урнам, то это значит, что с ним действительно произошла большая беда. Более того, это не подлежащее никаким апелляциям свидетельство его политического банкротства. Уточним: *банкротства той разновидности либерализма, которая потерпела такое фиаско.*

Что означает в таких условиях «сохранение в чистоте» политически обанкротившегося учения? Только его догматизацию, его окончательный уход от той почвы, способностью преобразовать которую оно только и может доказать свою *истинность*. То учение, которое не доросло до понимания того, что в политике, в делах людей вообще существует только истина-действие, тогда как истину-созерцание следует оставить религиозному опыту или (досовременному) естествознанию, еще не развилось до состояния политической идеологии. Такая идеологическая недоразвитость и характерна для российского либерализма. Но, как ни странно, она — не признак его молодости, оставляющий надежду на возмужание и естественное преодоление «детской болезни», а напротив — недуг, возникший вследствие бурной и отнюдь не беспорочной жизни, которой предавался наш либерализм в конце 80-х и в 90-е годы. Этот недуг — *результат гегемонии*, которую он получил фактически задаром, скорее в результате полной обветшалости официозного марксизма-ленинизма, чем собственных интеллектуальных и политических усилий. Но известно, что достаемое даром, как правило, развращает. Политико-идеологическую недоразвитость отечественного либерализма можно, таким образом, понять в том числе и как *следствие его развращенности*. Присмотримся к сказанному более внимательно.

Современность — в широком культурном значении этого понятия — создает свой идеологический спектр. Его ядром выступает системный модуль: либерализм — социализм — консерватизм. Они постоянно конкурируют друг с другом, постоянно стремятся к гегемонии (иначе они не были бы политически-

Тина Модотти. Лестница. Ок. 1923–1926

ми идеологиями), постоянно обновляются в соответствии с «духом времени» (и периодически впадают в догматизм), постоянно ветвятся своими разновидностями и вступают в альянсы друг с другом. Идейный и политический плюрализм современности, ее динамизм и открытость будущему в огромной мере обеспечиваются именно этой непрекращающейся борьбой.

В той мере, в какой любая из этих идеологий достигает (на время) гегемонии, она претерпевает окостенение. Самая большая наивность думать, будто политические идеологии развиваются тем же путем, каким барон Мюнхгаузен тащил себя за волосы из болота. Их развитие в условиях гегемонии может стимулироваться только вызовом, который они получают от политически и интеллектуально действенной оппозиции, реально способной превратиться в нового гегемона. Этот же вызов, кстати, вразумляет гегемона относительно «чистоты» его учения. Можно много иронизировать по поводу того, что в условиях демократии ни одна партия, взяв власть, не сдерживает полностью своих предвыборных обещаний, но в этом тоже проявляется невозможность сохранения «чистоты» идеологических одежд при наличии реальной оппозиции и необходимости идти на уступки ей.

Итак, условием развития либерализма (как и любого его оппонента) является *конкуренция с соперниками*. Конкуренция всегда предполагает использование достижений соперников в собственных целях. Мощная государственная программа национального здравоохранения в свое время, например, была фирменным знаком социал-демократов в Европе и Демократической партии в США. Европейские консерваторы и республиканцы в США еще недавно — во времена президентства Клинтона — как могли на деле торпедировали ее. Но они взя-

ли ее на свое идеологическое вооружение, идя к власти (так родился в США бушевский «консерватизм сочувствия» — *compassionate conservatism*), а овладев, по-своему стали осуществлять эту программу. Только так — через рецепцию политически продуктивных идей оппонентов (при их переработке на свой лад) — и развиваются идеологии. Поэтому и страшны падение эффективной оппозиции и коллапс публичной политики, о которых я говорил ранее.

С точки зрения общества, смысл всех этих заимствований, всей этой политико-идеологической эклектики заключается в том, что благодаря им общество навязывает партиям свою «истину», свои потребности. Эта «истина» не вмещается ни в одну доктрину — либеральную, социалистическую или консервативную, хотя бы потому, что каждая из них непосредственно выражает интересы отдельных групп общества. Встать на «общечеловеческую точку зрения» способны лишь ангелы, но они слишком редко занимаются политикой и идеологической работой (вероятно, это и хорошо). Люди же всегда стоят на «конкретно-человеческой» точке зрения, которая неизбежно есть точка зрения чьих-то интересов (пусть идеологически выдаваемая за «общечеловеческую»). Мера приближения *реальной политики* к «общечеловеческой» позиции строго соответствует мере *невозможности полностью* реализовать чьи-либо особые интересы, что в действительности означает частичную реализацию интересов всех вовлеченных в политику групп. Кстати, это очень четко — в отличие от российских либералов — понимали шотландские классики либерализма, включая Адама Смита (последний специально подчеркивал необходимость относиться с недоверием к предложениям, исходящим от «купцов и промышленников», интересы которых *никогда* полностью не совпадают с интересами общества).

Многие беды российского либерализма обусловлены тем, что ни слева ни справа он не имел в 90-е годы достойной оппозиции, не только политической, но и интеллектуальной. Левые, политически представленные КПРФ, оказались почти стерильны в интеллектуальном отношении, что наглядно проявилось у них в гротескном сочетании марксизма, этого принципиально интернационального учения, с национализмом и православием. Правые, оставаясь «почвенническими», местечковыми правыми, также не имели шанса стать реальным интеллектуальным конкурентом либерализма — даже в нашем убогом его варианте. Учитывая, что либералам идеологическая гегемония досталась слишком дешево, неудивительно, что они так легко ее потеряли, причем в столкновении не с конкурирующей идеологией, а с полной бездейственностью, каковую представляет «Единая Россия». Поражение от бездейственности — что может быть более унижительно и более красноречиво говорить о политико-идеологическом банкротстве?*

О том, насколько дешево отечественному либерализму досталась в свое время гегемония, свидетельствует то, что он не потрудился освоить хотя бы риторику *социальной справедливости*, не говоря уже о разработке ее либеральной концепции и тем паче — о применении ее в реальной политике. (Этот тезис требует оговорок и уточнений относительно идеологии «Яблока», но у меня сейчас нет возможности их сделать.) О каком диалоге с народом может идти речь, если нет того идеологического пароля, который делает такой диалог

* Понятно, какую роль в победе «Единой России» сыграл пресловутый «административный ресурс». Однако стоит задуматься над тем, почему колоссальный «административный ресурс», бывший в распоряжении КПСС, не обеспечил ей победу над либералами в конце 80-х — начале 90-х годов. Не в том ли дело, что тогда наш либерализм — при всем своем убожестве — удовлетворил мощнейший общественный запрос на идеологическую альтернативу опостылевшей официальной догме? И не в том ли дело, что ныне либерализм дискредитирован в качестве идеологии и уж совсем не воспринимается как вдохновляющая альтернатива?

возможным? Если ту же частную собственность перед несобственниками можно (если можно) оправдать, не доказывая, а только показывая ее справедливость.

Попробовала бы любая западная либеральная или консервативная партия заявить, что тема социальной справедливости является неактуальной, чуждой ее программе или (что совсем уже дико) принадлежащей только левым радикалам! Она была бы электорально уничтожена на ближайших выборах. «Государство благоденствия» (*welfare state*), этот подлинный каркас современного западного общества, на демонтаж которого не посягнула даже такой фанатик «свободного рынка», как мадам Тэтчер, есть материализация идеи «социальной справедливости» и в то же время — мощнейший и проникающий во все поры общества механизм перераспределения материальных благ. Я уже не говорю о современной теории либерализма, доминантной идеей которого (со времени появления трудов Джона Ролза) стала именно *справедливость*, включая «социальную справедливость» (когда он говорит о двухступенчатой шкале «приоритетности благ»).

Конечно, споры о том, *как именно понимать* «социальную справедливость», шли и будут идти в будущем. В практическом плане — это споры о том, каким быть «государству благоденствия». Они, несомненно, имеют огромную важность. Но это совсем иная постановка вопроса, чем та, которая означает игнорирование проблемы «государства благоденствия». Трагедия постсоветской трансформации России (и это же — корень трагедии российского либерализма) состоит в том, что у нас намеревались строить капитализм не только в условиях фактического отсутствия «государства благоденствия», но и ценой демонтажа той его, пусть очень несовершенной, формы, какую оно имело при СССР.

Что наши либералы, якобы западники, сказали об этом вопиющем попрании принципов современного западного либерализма, суть которого в конечном счете состоит именно в соединении капитализма и социальной справедливости (насколько сие вообще возможно)? Итак, проиграли ли наши либералы оттого, что они — твердые западники, не понятые Россией, или же оттого, что они — *фальшивые западники*, фактически уведившие Россию в сторону от магистрального пути развития общества? Даже если их благословляли на это некоторые «макроэкономические гуру», типа Милтона Фридмана, представляющие лишь одну из школ западного обществознания, ради утверждения высокой Научной Истины.

Какова *концептуальная* реакция либералов на поражение в декабре 2003 года? Обратимся к упомянутой статье Л. Гозмана.

Вопрос первостепенной важности — *в чем причины поражения?* В самом, вероятно, самокритичном пассаже статьи Гозман пишет: «Мы, безусловно, несем прямую ответственность за кризис доверия к либерализму...». Но что вызвало этот «кризис» и за что именно несут ответственность либералы? Реформы 90-х годов, являвшиеся непосредственно делом их рук, оказывается, были, по словам автора, «фантастически успешными». Но коли так, то они должны были привести к триумфу либерализма, а отнюдь не к его кризису. Ибо стратегически, уверяет Гозман, либералы делали все «абсолютно правильно», хотя тактически, конечно, совершали кое-какие ошибки. И что? Неужели страна отплатила за это гениям стратегии (поскольку *абсолютно* правы бывают только они) черной, прямо-таки противоестественной неблагодарностью, не пропустив их в Думу? Не об умственной ли патологии и нравственной извращенности страны, отказавшейся от собственных выгод (продолжения либерального курса) ради того, чтобы «насолить» своим благодетелям, впору тут говорить? Впрочем, автор отмечает, что в ходе «фантастически успешных» реформ воз-

Лучано Мингуцци. Связанная овца. 1961

ника «нетерпимая и позорная» бедность, а социальное расслоение намного превысило «естественный для эффективной рыночной экономики уровень». Однако вменять эти беды в вину либералам ни в коем случае нельзя: это не результат реформ, а всего лишь следствие их половинчатости и незавершенности. Так что и эти трагические стороны российской жизни не объясняют «кризис доверия к либерализму». У Гозмана по этому поводу вообще *нет объяснения*, если не считать таковым какие-то тактические ошибки.

Но если «кризис доверия» нельзя объяснить рационально, значит, у него есть иррациональное объяснение; ведь факт его наличия неоспорим и у него все же есть реальные причины. Такой причиной, судя по всему, является лишь *непонимание* либерализма и благ, которые он принес России, со стороны ее самой. Например, непонимание того, что позорная бедность и дикое по любым западным меркам социальное расслоение — не результат реформ, а только следствие их незавершенности. Вот и получилось, что страна не соответствует научности либералов и их высокой Истине, а ее граждане — мыслят иррационально.

Между тем, более убедительная демонстрация либеральной Истины народу предполагает ответы, как минимум, на следующие вопросы, которые даже не ставятся в статье Гозмана.

Вопрос первый. Если либеральные реформы были столь «фантастически успешны», то *что* именно помешало их завершить и перейти от «позорных» промежуточных следствий к блистательным окончательным результатам? Неужели какие-то гнусные интриги то ли разгромленных коммунистов, то ли пригретых самими либералами, когда они были во власти, «аппаратчиков» смогли свернуть Россию с «естественного» для нее (sic!), как подчеркивает Гозман, либерального курса? И что же за «естество» у этого курса, если его так легко перестраивают всякие временщики?

Вопрос второй. Если в ответе на первый вопрос мы не удовлетворимся очередной конспирологической выдумкой и постараемся мыслить политически, то задумаемся над следующим: для кого именно оказались успешными «фантастически успешные» реформы, а для кого они стали катастрофой или разочарованием? Поскольку любая политика есть игра интересов (хотя не только их) — и это-то, казалось бы, либералы-рыночники должны знать в первую очередь, — данный вопрос более чем уместен. Сохраняя элементарное политическое чутье, не будем поддаваться заведомому обману обезличенных фраз типа

«реформы были фантастически успешными». В политике ничего и никогда не бывает «успешным» или «неудачным» *вообще*. Все и всегда бывает «успешным» или «неудачным» для кого-то. Не в этом ли соотношении «успешности» и «неудачности» «фантастически успешных» реформ лежит ключ к объяснению декабрьского поражения либералов?

Но от такого *конкретного политического анализа* причин поражения и условий его преодоления Гозман уходит посредством двух абстракций, которые играют роль универсальных индульгенций в пропагандистском арсенале наших либералов. Первая абстракция: «альтернативы выбранному в начале девяностых курсу не было». Вторая абстракция: «мы» — за «демократию и рынок». Им-то и не было альтернативы в начале девяностых, что одновременно означает — «альтернативы не было нам, либералам» (но она почему-то все же нашлась, хотя и позднее). В чем абстрактность и ложность этих тезисов?

Любой политический курс — это не только и даже не столько легитимирующая его идея, сколько совокупность легитимируемых ею конкретных действий. Сводить курс к идее — заведомое шулерство. Пусть ориентация на рынок и демократию не было альтернативы. Но не было ли альтернативы обману с ваучерами, государственному аферизму с ГКО, преступному отсутствию какой-либо внятной промышленной политики, олигархическому монополизму, задавившему демократический рост капитализма снизу, расхищению внешних займов? Неужели не было альтернативы и тому сращиванию паразитических форм богатства с политической властью, которое само по себе *есть отрицание либерализма* (вспомним «семибанкирщину» и одновременно почитаем определения «правового государства» у либеральных классиков)? «По плодам их узнаете их», — предупреждал Христос в отношении лжепророков. Узнали и проголосовали.

Да и не об этих ли «плодах» сказал нам сам Гозман, когда заключил: в посткоммунистической России «социальное расслоение намного превышает естественный для эффективной рыночной экономики уровень»? Стало быть, если имеющееся расслоение — «естественное» следствие (незавершенных) либеральных реформ, значит, к эффективной рыночной экономике (как их завершению) они и не могли привести вследствие несовместимости народной бедности и рыночной эффективности (что чистая правда). Если же оно «*неестественно*», то правившим либералам действительно есть за что каяться — не только за *ненужные* для рыночного преобразования экономики страдания народа, но и за то, что, вызвав такие страдания, они воздвигли мощный барьер на пути к эффективной рыночной экономике.

Однако в этих рассуждениях мы сами втянулись в игру с абстракциями «рынка» и «демократии» *вообще*. Если с уровня легитимирующих идей перейти на уровень практики, то мы легко увидим, что «рынков» и «демократий» много, и их реальное содержание, которое только и значимо для народа, определяется их конкретной институциональной организацией и конкретными способами их взаимодействия с другими сферами общественной жизни. Вокруг этих вопросов и идет вся современная теоретическая и практическая борьба на Западе. Формулировка «рынку и демократии не было альтернативы» не просто пуста — она как бы подавляет реальную содержательную дискуссию о том, какой именно рынок и какая именно демократия были бы более приемлемы для России, учитывая разные интересы и стремления составляющих российское общество сил и групп. Более того, эта формулировка глубоко антидемократична — ведь *демократия* все же *неотделима от выбора*, следовательно — от наличия альтернатив. Как минимум, она, оставаясь самой собой, должна давать простор выбору разных своих вариантов и равным образом — разных вариантов своего сочетания с рынком (его разновидностями). То, что вся эта проблематика разновари-

антности сочетаний демократии и рынка, ставшая чуть ли не «азами и буками» западного обществоведения, теоретически не обозначалась отечественным либерализмом, несомненно, свидетельствует о его *невозможной провинциальности*. Ее плодом и стала сакраментальная формулировка о том, что «рынку и демократии нет альтернативы»*.

Но тут стоит остановиться и задуматься: спорим ли мы с Гозманом об одном и том же предмете? Ведь тема данной статьи — «кризис российского либерализма» (с вопросительным знаком). Гозман же толкует о «кризисе *доверия* к либерализму» (курсив мой. — Б.К.). Стало быть, по его мнению, с *самим либерализмом* — его практикой в России и идеологией — все в порядке. Да и как иначе, если стратегия была «абсолютно правильной»? Проблема заключается всего-то в доверии к нему со стороны электората (как мы видели, не отличающегося разумностью и нравственными добродетелями). В таком случае, это — проблема пиарщиков и зубров политтехнологии, а не политиков и теоретиков либерализма. В том смысле, что теоретики не нужны (все и так ясно с безальтернативным и «естественным» путем России), а политиков не в чем упрекнуть (как гениальных стратегов), разве что в том, что грызутся между собою слишком много.

Да и за что им нести ответственность? Кроме подрыва доверия к либерализму (за который политики не могут отвечать, добившись «фантастического успеха»), Гозман, судя по статье, готов признать ответственность либералов *только* за то, что они проиграли декабрьские выборы и лишились парламентской трибуны. Это и есть великолепный образчик нарциссизма нашего политического бомонда, который и успехи, и неудачи, и саму ответственность меряет мерками только собственной судьбы. Получается так, что, получи наши «штатные» либералы свои кресла в Думе, то вообще проблемы бы не было. Действительно, мы говорили с Гозманом о разных предметах: я — о либерализме как общественно-политической практике в посткоммунистической России, которая, оказавшись в руках «штатных» либералов, впала в глубокий кризис, он — о невинности этих «штатных» либералов и их злоключениях в неблагоприятной России.

Посмотрим, как с *такой* реакцией на свое декабрьское поражение российские либералы смогут свершить то (свое) «общее дело», о котором с историческим оптимизмом пишет Гозман в конце статьи.

* Примечательно, что своего рода манифестом российского протилиберализма периода перестройки стал сборник под названием «*Иного не дано*» (ред. Ю.Н. Афанасьев. М.: Прогресс, 1988). Тогда борцам с «*тоталитаризмом*» было простительно не обращать внимания на то, что «*иного не дано*» только в условиях «*тоталитаризма*»: они сами воплощали «*иное*» по отношению к статус-кво. Но когда в статус-кво превратился вдохновляемый либеральными идеями посткоммунизм, идеологическая репрессия альтернативности стала воистину парадоксальной.

Четвертая Дума и демократический процесс

Государственная дума — не место
для политических дискуссий.

Борис Грызлов

Владимир Рыжков,
депутат Государственной
думы РФ

Политическая структура

Известно, что четвертая Дума, во-первых, политически самая однородная из всех, во-вторых, в ней впервые у одной фракции есть большинство, причем конституционное.

Первая Дума (1993–1995) на старте своей деятельности состояла из десяти депутатских объединений (8 фракций и две депутатские группы): «Выбор России» (73 депутата), ЛДПР (59), АПР (55), КПРФ (45), ПРЕС (30), «Яблоко» (28), «Женщины России» (23), ДПР (15), «Новая региональная политика» (66) и «Союз 12 декабря» (35 депутатов).

Вторая Дума (1995–1999) состояла из семи объединений (4 фракции и 3 группы): КПРФ (146 депутатов), НДР (66), ЛДПР (51), «Яблоко» (46), «Российские регионы» (43), «Народовластие» (38), Аграрная группа (36 депутатов).

Третья Дума (1999–2003) состояла из девяти объединений (6 фракций и 3 группы): КПРФ (86 депутатов), «Единство» (84), «Отечество — вся Россия» (44), СПС (32), «Яблоко» (19), ЛДПР (16), «Народный депутат» (62), «Регионы России» (44), Агропромышленная группа (42 депутата).

Четвертая Дума (2003–2007) состоит лишь из четырех объединений — и только из фракций. Огромное большинство у «Единой России» — 306 депутатов, КПРФ — 51 депутат, «Родина» — 39, ЛДПР — 36, независимых — 15 человек.

При этом структура Думы совсем не похожа на итоговую по результатам выборов 7 декабря 2003 года. У «Единой России» в Думе около 67 процентов мест, притом что на выборах партия получила 37 процентов по списку и 39 — в одномандатных округах.

По итогам выборов, согласно протоколу Центральной избирательной комиссии, «ЕР» получила 223 мандата (из 450) — то есть меньше простого большинства! Как же оказалось возможным формирование ею большинства, причем конституционного?

Это стало результатом массовой записи в ее ряды независимых и даже партийных (от других партий) депутатов: 17-

ти, избранных в округах от Народной партии, хотя закон позволял им создать собственную фракцию. Так же поступили 3 члена СПС. Там же оказался один из четырех депутатов из «Яблока» и 62 независи-

Впервые в истории новейшего российского парламентаризма все основные руководящие посты в Думе заняты представителями партии большинства

мых депутата. Так партия, не получившая на выборах даже простого большинства, имеет сегодня в Думе большинство конституционное, что позволяет ей не только принять любой закон, включая конституционные, но и при необходимости запустить процесс изменений в Конституции.

Левые уменьшили свое представительство почти втрое (со 128 до 51). Жириновский получил на 20 мандатов больше (36 вместо 16). Либералов осталось 7 человек вместо 51 в третьей Думе (все они — в числе независимых). А новички из «Родины» потратили первые полгода своей деятельности на борьбу за лидерство, в результате которой Сергей Глазьев потерял все руководящие посты, а во главе фракции встал tandem Рогозина — Бабурина.

В политическом отношении четвертая Дума в чем-то наследует третьей, а в чем-то является совершенно новым образованием.

Сходство состоит в том, что уже в третьей Думе нынешнему президенту и его администрации без особого труда удалось сформировать устойчивое большинство. За весь первый срок правления В.В.Путина не было случая, когда бы это большинство не поддержало позицию главы государства. Коалиция «Единства», ОВР, «Регионов России» и «Народного депутата» — в составе 234 депутатов — работала без сбоев.

Отличие же заключается в том, что теперь у президента есть твердое конституционное большинство, собранное к тому же в одной огромной фракции. Все другие фракции

вместе с независимыми имеют в сумме 141 голос, что не позволяет им оказывать хоть какое-то влияние на итоги голосования.

«Единая Россия» заблаговременно позаботилась также о том, чтобы даже в будущем в Думе не могло возникнуть никакое новое политическое объединение депутатов. Еще на первом заседании Думы 29 декабря 2003 года была принята поправка в регламент, согласно которой число депутатов, требуемое для регистрации депутатской группы, было увеличено с 35 до 55 человек.

Организационная структура

Организация работы в четвертой Думе претерпела значительные изменения, связанные с изменением политической структуры парламента. Подавляющее думское большинство сразу приспособило под себя всю организацию работы.

На первом заседании новой Думы, как я уже сказал, был существенно изменен регламент палаты.

Вновь избранный председатель Государственной думы (третий в новейшей истории России — после И.П. Рыбкина и Г.Н. Селезнева) Б.В. Грызлов одновременно возглавил фракцию «Единая Россия». Такое произошло впервые. Раньше роли спикера и лидеров фракций были закономерно и четко разделены. Лидеры фракций проводили политическую линию своих партий, спикер обеспечивал беспристрастное ведение заседаний и равные права всех политических групп. *Сегодня Дума и думское большинство оказались в одних руках.*

Кардинально поменялся состав и принцип формирования Совета Государственной думы. Раньше в него с правом решающего голоса входил председатель Госдумы и лидеры фракций и групп. Сохранился такое положение, «Единая Россия» оказалась бы в Совете Думы в меньшинстве (два голоса против трех). Чтобы не допустить такой абсурдной ситуации, и была принята поправка в регламент, согласно которой членами Совета Думы стали спикер и его заместители, а лиде-

ры фракций свое место потеряли (кроме, разумеется Грызлова, который совмещает обе роли). На том же, первом, заседании были избраны все заместители председателя Государственной думы: два первых (А.Д. Жуков и Л.К. Слиска) и восемь «простых» (Г.В. Боос, В.В. Володин, О.В. Морозов, В.А. Пехтин, А.Н. Чилингаров — от «ЕР», В.А. Купцов — от КПРФ, В.В. Жириновский — от ЛДПР, Д.О. Рогозин — от «Родины», потом его место занял С.Н. Бабурин). В итоге «ЕР» обеспечила свое абсолютное превосходство на заседаниях Совета, на которых определяется повестка заседаний Думы и другие важнейшие вопросы думской работы. У нее теперь (после того как ушел в правительство А.Д. Жуков и остался один первый заместитель) — 7 голосов из 10 на заседаниях Совета. Как на пленарных заседаниях, так и на заседаниях Совета Думы решения могут приниматься «Единой Россией» без учета мнения других фракций.

Остроумно был решен вопрос организации работы самой «Единой России». Ведь в здании Думы на Охотном Ряду в Москве нет даже зала, где могла бы собраться и провести заседание эта огромная фракция. Было решено разделить (условно — без регистрации в качестве самостоятельных депутатских объединений) «ЕР» на четыре примерно равные части (80 — 73 — 77 — 75 человек), во главе которых, как и в третьей Думе, встали Олег Морозов (бывший лидер «Регионов России»), Вячеслав Володин (бывший лидер ОВР), Владимир Пехтин (бывший лидер фракции «Единство») и Владимир Катренко (бывший председатель одного из думских комитетов). Благодаря такому решению удалось как-то организовать работу «единороссов», проводя периодические собрания «подгрупп», на которых обсуждаются законопроекты, выступают министры и так далее. При этом никаких политических отличий группы внутри «ЕР» не имеют.

Вопреки предвыборным обещаниям, победившая «Единая Россия» не стала сокращать число думских комитетов и численность думского начальства.

В первой Думе было образовано 23 комитета и 1 комиссия.

Во второй — уже 28 комитетов и 1 комиссия. В третьей — 28 комитетов и 18 комиссий. В четвертой стало 29 комитетов и одна комиссия (мандатная во главе с Геннадием Райковым). Структура, наименования и функции комитетов изменились незначительно.

При этом впервые в истории новейшего российского парламентаризма все основные руководящие посты в Думе заняты представителями партии большинства. Председатели и первые заместители председателей всех комитетов — члены «ЕР». Большинство простых заместителей председателей комитетов — также члены фракции «ЕР». Это позволяет правящей в Думе партии контролировать законодательный процесс и в комитетах. Представители других фракций получили небольшое число постов заместителей председателей комитетов, но от старого «пакетного» принципа, использовавшегося на протяжении всех 90-х годов и дававшего фракциям пропорциональное представительство в руководящих органах Думы, практически ничего не осталось. Все теперь оказалось в руках думского большинства.

Совокупное число всяческого «думского начальства» составляет половину депутатского корпуса. Каждый второй депутат формально занимает какой-либо пост, чаще всего имеющий чисто символическое значение.

Законодательная процедура

Законодательная процедура также претерпевает важные изменения.

Для того чтобы более эффективно избавляться от многолетних законодательных завалов — сотен законопроектов, внесенных в разные годы самыми различными субъектами законодательной инициативы, не имеющих никакой перспективы быть принятыми, теперь введены дополнительные регламентные требования согласования законопроектов с правительством и профильными комитетами. С одной стороны, это затрудняет проникновение в повестку думских заседаний всякого рода законодательного «мусора», с другой — затрудняет законодательную деятельность оппозиции и регионов.

Μάρκο Ηέγη. Χοράλ. 1961

Несколько упрощен порядок отклонения законопроектов: теперь необязательно участие автора законопроекта, ограничена дискуссия во втором чтении и т.д. Упрощение процедуры рассмотрения зако-

Сам парламент постепенно сокращает свои возможности по уравниванию и без того полностью доминирующей исполнительной власти

нопроектов позволило четвертой Думе в первые месяцы ее работы проделать значительную работу по «расчистке» старых «завалов».

За первые 100 дней своей работы Дума приняла решения по 291 законопроекту (за тот же период третья Дума — 174; здесь и далее использованы данные Института «Общественная экспертиза», проект «Власть — Общество — СМИ», май 2004 года). При этом 56,7 процента из них были отклонены*.

Все законопроекты, внесенные президентом, Дума приняла.

Законопроекты, внесенные правительством, принимались на более чем 90 процентов.

Если законопроекты вносились депутатами из «Единой России» — его шанс быть принятым составлял более 70 процентов.

Если депутаты — не «единороссы», то около 25 процентов.

Шансы законопроектов, исходящих от членов СФ и СФ в целом — около 50 процентов.

Законопроекты, инициированные высшими судами, также имеют высокий шанс быть принятыми — около 65 процентов.

Хуже всего отношение Думы к региональным инициативам — их шанс быть принятыми лишь около 12 процентов.

В большинстве случаев сроки рассмотрения законопроектов в комитетах, рассылки документов в регионы, подачи поправок выдерживаются. Но в ситуациях, когда

Кремлю или правительству требуется срочно провести через Думу какой-либо важный законопроект, регламент нарушается и применяется чрезвычайная, ускоренная процедура. Именно так происходило, например, с президентским законопроектом «О референдуме в Российской Федерации», который был рассмотрен и одобрен в первом чтении спустя пять дней после внесения в Думу, а на внесение поправок ко второму чтению была отведена лишь

неделя (по регламенту — не менее месяца). За первые сто дней работы Думы 101 депутат воспользовался своим правом выступить с законодательной инициативой, из них более половины (61) — из числа избранных в одномандатных округах (данные «Общественной экспертизы»). Это показывает их большую активность и более тесную связь с интересами избирателей.

Чтобы затруднить меньшинству внесение проектов постановлений политической направленности, был изменен порядок внесения проектов постановлений на рассмотрение палаты. Теперь для этого требуется положительное заключение профильного комитета.

Изобретением «ЕР» — еще со времен третьей Думы — стало так называемое «нулевое чтение» законопроектов, когда правительство или Кремль получают согласие большинства поддержать законопроект еще до его внесения в Думу — в обмен на небольшие, обычно косметические, изменения. Правда, применяется этот инструмент нерегулярно, от случая к случаю.

Добровольное снижение статуса депутата и Думы в целом

Думское большинство, состоящее из представителей «ЕР», странным образом предприняло ряд шагов, направленных по сути на снижение общего политического статуса и веса Думы, как и отдельных депутатов.

Все началось с мелкого вопроса об изменении образца удостоверений помощников депутатов, работающих в регионах на общественных началах.

Затем депутаты промолчали в отношении указа президента о повышении денежного содержания руководящего состава федеральных министерств и ведомств в несколько раз. Тем самым был нарушен федеральный закон в части приравнивания денежного содержания федерального министра к денежному содержанию члена Федерального собрания. *Теперь разрыв в доходах между депутатом и министром составляет более двух раз.*

В мае Дума приняла поправки к закону о Счетной палате РФ, в котором право вносить кандидатуры председателя и заместителя Счетной палаты на рассмотрение Думы и Совета Федерации, как и представление об освобождении их от должности, перешло исключительно к Президенту РФ. Это существенно снизило возможности и статус палат Федерального собрания, не говоря уже о сомнительности такого решения с позиций Конституции.

Подвергся значительному сокращению аппарат Думы, что ослабило и без того слабые возможности парламента конкурировать с огромными штатами министерств и ведомств.

Одновременно начались разговоры о возможном ограничении права депутатов на телефонные разговоры и бесплатные поездки по стране.

Сам парламент постепенно сокращает свои возможности по уравниванию и без того полностью доминирующей исполнительной власти.

Законодательная деятельность четвертой Думы — первые шаги

В первые свои месяцы четвертая Дума занималась отнюдь не только расчисткой старых законодательных «завалов». Уже принят ряд принципиально важных законодательных актов, содержание и направленность которых позволяют делать первые выводы о приоритетах четвертого состава нового российского парламента.

Таких приоритетов было четыре:

— Дума продолжала усиливать полномочия президента и правительства, в том числе за счет своих собственных полномочий;

— Дума активно поддержала инициативы исполнительной власти по дальнейшему ограничению политических свобод;

— Дума активно поддержала ряд принципиально важных для президента новых инициатив;

— Дума «забыла» некоторые из самых громких своих обещаний избирателям.

В направлении дальнейшего усиления полномочий президента и правительства были приняты уже упомянутые поправки в закон о Счетной палате, а также одобрен в целом важный для президента Закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», который фактически ведет к восстановлению в России карьерного чиновничества с его закрытостью и строгой иерархией. После отставки правительства М.М. Касьянова и начала реформы структуры кабинета министров президент внес в Думу пакет законов, узаконивающий произошедшие изменения. В этом пакете предусмотрено дальнейшее расширение прав президента и премьер-министра по назначению и отстранению от должности чиновников, а также по произвольному реформированию структур исполнительной власти — без всякого участия законодательной власти. Надо ли говорить, что Дума поддержала эти законопроекты практически без обсуждения.

В области дальнейшего ограничения политических и гражданских свобод Дума оказалась в центре скандала после того, как «Единая Россия», несмотря на бурные протесты оппозиции, проголосовала за принятие в первом чтении нового Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», подготовленного правительством. После критики оппозиции, прессы, правозащитников и замечаний президента закон был кардинально переработан и принят в начале июня окончательно, хотя в нем все же остались возможности для чиновников произвольно препятствовать намерению граждан проводить публичные мероприятия.

* Об итогах первой сессии Госдумы четвертого созыва в целом см.: В. Вислогузов, И. Граник, Д. Камышев. *С чувством законного удовлетворения.* // *Власть*, № 27, 12 июля 2004. — С. 26-30.

Иначе складывается судьба федерального конституционного Закона «О референдуме», приходящего на смену прежнему, 1995 года. Так как он внесен самим президентом, думское большинство попросту игнорирует

В лице четвертой Думы мы наблюдаем процесс дальнейшей деградации парламента, как института

его критику со стороны оппозиционного меньшинства и общественного мнения. Была избрана чрезвычайная — ускоренная и упрощенная процедура его принятия.

Со стороны Кремля и Центризбиркома началась политическая подготовка *реформы избирательной системы*, в основе которой — отказ от «смешанной» избирательной системы и переход к выборам депутатов Государственной думы только по партийным спискам. Цель этой реформы читается вполне ясно — избавиться от более политически независимых, чем «списочники», депутатов от одномандатных округов, получить контроль над формированием партийных списков и сформировать в будущей Думе еще более дисциплинированное, чем сегодня, большинство.

Среди законов, имеющих принципиальное, стратегическое значение для президента и правительства, на первое место можно поставить принятый 19 марта 2004 года сразу в трех чтениях закон об образовании на базе Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа с 1 декабря 2005 года нового, *Пермского края*. Этим шагом была открыта дорога к процессу укрупнения регионов, который, судя по всему, станет одним из важнейших приоритетов Кремля во второй президентский срок Путина. Другим стратегическим направлением деятельности исполнительной власти является курс на усиление налогового давления на сырьевые отрасли экономики. Не случайно в апреле Дума в ускоренном режиме приняла поправки в Налоговый кодекс и Закон

«О таможенном тарифе», в результате чего была повышена налоговая и тарифная нагрузка на нефтяную отрасль, что должно уже в 2004 году дать федеральному бюджету до 100 миллиардов рублей дополнительный доходов.

В ближайшие месяцы в центре внимания Думы будет находиться *грандиозный пакет реформ* — снижение единого социального налога и связанная с этим корректировка пенсионного законодательства; отмена

льгот для массовых категорий граждан и перевод части оставшихся льгот в денежную форму; уточнение распределения полномочий между уровнями власти.

Продолжается и реализация приоритетов в области внешней политики. В апреле Дума приняла историческое решение о ратификации договора о границе с Украиной, а также договора об использовании Азовского моря и Керченского пролива.

При этом думское большинство после выборов напрочь забыло о некоторых очень чувствительных для общества обещаниях, данных избирателям в ходе избирательной кампании. Два наиболее характерных примера — повышение заработной платы работникам бюджетной сферы (предложение было отклонено большинством уже на первом заседании Думы в декабре), а также корректировка закона об обязательном страховании автотранспорта. И то и другое было просто проигнорировано. Забыто было также обещание немедленно увеличить размер детского пособия.

Четвертая Дума в политической системе России.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать несколько принципиальных выводов относительно роли и места четвертой Думы в политической системе современной России.

Во-первых, Дума, как это ни парадоксально, *вполне адекватно отражает политические предпочтения российского общества*. Думские 67 процентов «Единой России» вполне сопоставимы с 71 процентом, полученным

В.В. Путиным на президентских выборах. А успех «Родины» и ЛДПР отражает волну национализма и уравнилельных настроений, поднятую в обществе на последних думских выборах.

Во-вторых, *четвертая Дума еще в меньшей степени является полноценным парламентом, чем ее предшественницы*. Российская Конституция не дает права Федеральному собранию реализовывать все три «классические» парламентские функции (принятие законов, формирование правительства, контроль над исполнительной властью). Но даже то небольшое, что позволено Конституцией Думе, она использует из рук вон плохо либо же вовсе отказывается от своих прав в пользу президента и правительства. В марте, когда шло формирование нового правительства, «Единая Россия» фактически отказалась от своих претензий на участие в этом процессе, удовлетворившись символическим переходом в правительство Александра Жукова. Единственный орган парламентского контроля — Счетная палата — фактически самой Думой переподчинена президенту. А судьба законов решается не в Думе, а в Кремле или правительстве. Сами депутаты принимают решения, понижающие их собственный правовой статус. Так, Дума по сути отказалась исполнять свои даже конституционно ограниченные полномочия. В лице четвертой Думы мы наблюдаем процесс дальнейшей деградации парламента, как института.

Отсутствие в Думе либеральных фракций и общая малочисленность оппозиции имеет своим следствием легкость принятия законов, ограничивающих политические и гражданские свободы граждан. В целом встает вопрос: *а защищены ли в рамках нынешней Думы конституционные права меньшинства и представляемых им слоев населения, что составляет альфу и омегу любой конституционной системы?*

Нет оснований поддерживать широко распространенное мнение относительно неминуемого якобы размежевания огромной фракции «Единой России» на различные политические «крылья». *«ЕР» в нынешнем своем виде является «совершенным орудием» исполнительной власти для достижения*

практически любых целей, требующих законодательного оформления. Остается, однако, открытым вопрос о возможностях депутатов «ЕР» содержательно корректировать законопроекты, подготовленные исполнительной властью, с учетом конкретных интересов избирателей, регионов, субъектов экономической жизни. О чем свидетельствует обсуждение масштабных и болезненных инициатив правительства в области социальной политики и разграничении полномочий между Центром и регионами.

В будущем такое состояние российского парламента открывает перед нами две главные опасности:

— подавляющее большинство «ЕР», при поддержке авторитарно ориентированных ЛДПР и «Родины», *может легко одобрить конституционные поправки*, направленные на узурпацию и продление власти, демонтаж демократических институтов и процедур, демонтаж институтов федерализма и местного самоуправления. Дополнительные возможности для этого открывает и новая редакция закона о референдуме;

— второй опасностью является *перспектива кардинальной реформы избирательной системы* с целью большего контроля правящей группы над политической системой и гражданским обществом, в частности ликвидации одномандатных округов, пока еще обеспечивающих непосредственную связь депутатов Думы с избирателями.

В целом мы наблюдаем, к сожалению, в последние годы последовательную и целенаправленную работу по ослаблению и даже разрушению института парламентаризма в России. Остается надеяться, что цифра 4 не является для российского парламентаризма роковой.

Прочитав в заключение одностиишие Владимира Вишневого:

«Да, невеселым получился некролог...».

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Блэр Рубл. Стратегия большого города.

Перевод с английского: Марк Дадян.

Блэр Рубл (1949 г.) – директор Института перспективных русских исследований им. Дж. Кеннана и содиректор проекта сравнительных урбанистических исследований при Международном исследовательском центре Вудро Вильсона.

В предлагаемой читателю книге рассказывается о полувековом периоде увлекательной, почти авантюрной истории российского, американского и японского городов – Москвы, Чикаго и Осаки – в реальном контексте развития «дикого капитализма». Действующие лица повествования – московские купцы, чикагские промышленники и осакиские финансисты, гангстеры и филантропы, градоначальники и мэры «вторых столиц».

Выросшие в столь разных национальных культурах Москва, Чикаго и Осака выбраны автором неслучайно в качестве объектов для исследования. Именно эти «вторые столицы» России, Соединенных Штатов и Японии утвердили стратегическое господство над огромными пространствами в своих странах вопреки тому, что политическая власть оставалась в национальных столицах – Санкт-Петербурге, Вашингтоне и Токио.

Практически одновременно в 60-е годы XIX века они вступили в эпоху капиталистического взрыва и оказались эпицентрами жестоких конфликтов групповых и персональных интересов в сфере политики и экономики.

Исследуя полную потрясений историю Москвы, Чикаго и Осаки второй половины XIX – начала XX века, причины и суть конкретных городских проблем, автор приходит к выводу, что городские лидеры были обречены следовать в то время прагматической стратегии городского управления, учитывая специфику гражданского, классового и этнического сознания всех слоев горожан. Для этого им приходилось выстраивать коалиции между несопоставимыми, на первый взгляд, общественными группами, извлекая «выгоду из взаимодействия с личностями или группами, которые во всех отношениях вызывали отвращение». Эффективность городской власти напрямую зависела тогда от способности реализовать один из немногих действенных политических методов управления материальными и людскими ресурсами, которому автор дал определение прагматического плюрализма. Уникальный опыт «вторых столиц» России, США и Японии в применении этого метода во многих его аспектах актуален и сегодня.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Если характер городской агломерации предлагает одну отправную точку для сравнительного изучения Чикаго, Москвы и Осаки, то капитализм представляет собой другой повод для проведения такого анализа. Хотя при капитализме власть, денежные и иные материальные ресурсы сосредоточиваются в руках немногих, само устройство этой общественной формации не позволяет какой-либо одной социальной группе установить длительное господство над всем обществом. Это в особенности справедливо в начальный период развития капиталистических методов производства.

Исследователи капиталистических городов XIX века достаточно легко выделяли в них строгую трехклассовую систему строения общества, «с обладателями огромных состояний и почти неограниченной власти на самом верхе, более мелкими бизнесменами, специалистами и «белыми воротничками» посередине и массой наемных рабочих внизу». Однако при более пристальном рассмотрении подобные схемы рассыпаются.

Дэвид Хэммак убедительно доказывает, что по мере разрастания городских сообществ, специализации экономики и усиления ее зависимости от высококвалифицированного и сложенного управления, власть в таких сообществах претерпевает все большее распыление. Для того чтобы стало возможным сотрудничество между соперничающими группами и личностями, должны совершаться сделки, развиваться инфраструктура, выполняться договоренности. При этом сотрудничество развивается в постоянно усложняющейся обстановке конурбации*. Социальная фрагментация и сдвиги, порождаемые переходным капитализмом, – например, урбанизм метрополисов – способствуют развитию прагматического плюрализма, который в конечном итоге может перерасти в полноценные социальные, политические, культурные и экономические модели и образцы поведения демократической природы. Как писали Дитрих Руэшмайер, Ивлин Хубер Стивенс и Джон Д. Стивенс, «победе демократии способствовали не капиталистический рынок или капиталисты как новая господствующая сила в обществе, но, скорее, сами противоречия капитализма».

Никогда еще социальные противоречия капитализма не выступали с такой очевидностью, как в развивающихся метрополисах индустриальной эпохи. Для перехода к плюралистичной политике нужны были не просто эффективные политические жесты. «Наконец, – добавляют Руэшмайер, Ивлин Стивенс и Джон Стивенс, – победа демократии требует сложных классовых компромиссов, которые воплощаются в новом институциональном устройстве общества». Это справедливо даже в том случае, когда институциональные изменения отражают политические и социальные компромиссы, которые неприятны и не нужны отдельным участникам политического процесса. Таким образом, общественное и политическое согласие основывается не столько на стремлении к примирению, сколько на выносливости и стойкости в конфликтных ситуациях.

Так, суть прагматического плюрализма состоит в способности извлекать выгоду из взаимодействия с личностями или группами, которые во всех отношениях вызывают отвращение. Прагматический плюрализм никак не соотносится

* Один из типов городской агломерации

с «сообществом», которое по самой своей природе представляется «исключающей» формой общественной организации. Общеизвестно, что сообщества нетерпимы к тем, кто не входит в число их членов. Источник плюрализма — это, по замечательному определению Льюиса Мамфорда, необходимость выжить в условиях «намеренной социальной сложности» городской жизни. Прагматический плюрализм проистекает из готовности терпеть поведение других, которое, в известной степени, оскорбительно. Такая вынужденная терпимость — продукт разноликой урбанистической среды, в которой постоянно сталкиваются соперничающие силы, а также развивающейся капиталистической системы, зависящей как от сотрудничества, так и от конкуренции. Причиной экономического динамизма и гибкого плюрализма в Чикаго, Москве и Осаке были как урбанистический дух метрополиса, так и промышленный капитализм. О гегемонии промышленной буржуазии в капиталистических обществах начала XX века писали многие историки-марксисты и немарксисты. Однако основные положения данной работы идут вразрез с общепринятыми рассуждениями. Помимо стимулирования безграничной власти, капитализм высвобождает Шумпетеровы* силы разрушения, которые разъединяют давно установившиеся социальные, экономические и политические связи. Следующая за этим фрагментация общества делает невозможным абсолютное господство в той или иной области какого-то одного класса или социальной группы. Для достижения успеха, участники политической игры в метрополисе вынуждены придерживаться строго сбалансированных правил «игры с нулевой суммой» и стратегии, направленной на привлечение любых возможных союзников. Такие компромиссы становятся основой практики прагматического плюрализма.

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Андрей Никитин. Пермь — родина российского либерализма.

В одной из глав этой небольшой книги ее автор Андрей Игоревич Никитин пишет: как-то президент Международной конфедерации обществ защиты прав потребителей Александр Аузан обронил в Перми фразу: «У нас в Москве популярна формула: если географической столицей России является Москва, культурной — Петербург, то столица гражданского общества — Пермь».

Действительно, то ли вовремя собрались люди в нужном месте, то ли сработала историческая традиция, но так уж вышло, что Пермь оказалась выдвинута нашей новейшей историей в лидеры гражданских инициатив.

Московская школа политических исследований неоднократно проводила в этом городе свои семинары и всегда встречала теплый прием. У Школы в Перми много друзей и выпускников, которых можно встретить и на этих страницах.

Андрей Никитин родился в 1958 году в г. Оханске Пермской области. Закончил в Перми школу и химический факультет Пермского госуниверситета, после чего был направлен по распределению в г. Березники, где работал инженером в НИИ.

* Йозеф Шумпетер (1883–1950) — американский экономист и социолог. Один из идеологов монополистического капитализма. Автор реформистской теории "трансформации капитализма".

После возвращения в Пермь работал сменным мастером в гальваническом цехе на заводе «Моторостроитель», затем корреспондентом многотиражки на этом же предприятии. Поступил учиться на факультет журналистики Уральского университета, который закончил в 1991 году.

Работал в региональных газетах «Молодая гвардия», «Звезда», «Пермские новости», в последней несколько лет главным редактором. Был собкором центральных газет «Пролог» (российская газета независимых профсоюзов), «Комсомольская правда», «Известия».

Писал материалы из «горячих точек» России и бывшего пространства СССР.

РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ МЫСЛИ

Появление точек возмущения, возникновение незапланированных инициатив и непуганых инициаторов свидетельствует, что в России вместе с приватизацией, то есть разгосударствлением собственности, происходит разгосударствление мысли. Народ, бесконечно обязанный императорам и генеральным секретарям (за то, что они лучше его самого знали его чаяния и заботились о нем, забитом, и оберегали, как могли, и мыслили соответственно за него), вечно и безальтернативно обязанный кому-то, начинает просыпаться. Не для того, чтобы «до основания, а затем...», а в смысле «мыслить». Ибо когда мы начинаем мыслить самостоятельно, начинается происходить переоценка. Хотя вслед за разгосударствлением мысли вовсе не обязательно ожидать действия. По крайней мере, не от каждого.

Есть, однако, в обществе три субъекта, от которых мы не только вправе, а должны ожидать адекватных действий. Это разрозненная сегодня триада: власть, бизнес и гражданское общество. К каждому из них претензий выше крыши, но именно от их взаимоотношений зависит будущее России.

Объективно все три названных института имеют свои интересы, противоречащие друг другу. Власть — расширить и укрепить свое влияние. Бизнес — ослабить любой контроль над своей деятельностью. Общество — добиться независимости от первых двух. При этом нормальное развитие власти и бизнеса невозможно без нормального и свободного развития общества — как посредника, цензора, надсмотрщика, регулятора, главного заказчика услуг и их потребителя, наконец.

ТРИ ПРИВИВКИ

Для того, чтобы разгосударствление мысли случилось — а оно не может происходить всюду одновременно — нужна подготовительная работа, которая легче и быстрее идет, если есть соответствующий исторический фон, духовная основа, традиция. В Перми — так уж вышло — эти сопутствующие гражданскому обществу обстоятельства сложились раньше и проявились отчетливее, нежели во многих иных городах и весях.

Почему-то хочется уподобить их прививкам. И не столько «ОТ...» (страха, эгоизма, ограниченности, жлобства, авторитарности, цинизма и прочих проявлений несвободы) сколько «ДЛЯ...» (гражданской активности, уважения иного мнения, готовности к диалогу, осознания свободы как высшей ценности). Первая прививка — собственно историческая. Объясняющая, с чего вдруг Пермь начали называть родиной либерализма. Почему особенно интересно

именно сейчас изучать творчество Петра Струве и Михаила Осоргина, которым суждено было родиться в Перми и напитаться здесь здоровым провинциальным духом. Потому что именно тогда они писали о том, что происходит сегодня в стране, в душе ее жителей, в провинции.

«Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом», — замечает Струве, удивительным образом воспроизводя сегодняшнюю ситуацию, как будто тот момент, когда он писал об этом, заботливо сохранили и перенесли в наше время.

После того как вернулось из забвения творчество забытых или недооцененных писателей прошлого века, как-то так скромно пришли к нам из Франции в том числе и книги Михаила Осоргина и в неизвестность уже не канули, цитируются все чаще и боле. А история о том, как маленького Мишу несправедливо наказали и заперли в чулане, после чего он бесконечно полюбил свободу, ныне преподносится трактователями уже чуть ли ни как идейный исток российской либеральной мысли.

Впрочем... «не будь в моем детстве чулана, я мог бы сложить для себя из всех этих книжных кирпичей сносное жилище, пробив в нем окошечко с решеткой, и спокойно глядеть на мир, как смотрят многие отличные люди. Этого не случилось, и, когда муха бьется в стекло, я спешу отворить окно и помочь ей вылететь; и даже если это не муха, а комар, напившийся моей крови, — все равно! Не потому, что я такой милостивец, — я, может быть, прихлопну его ладонью прежде, чем он успеет меня укусить, жизни лишу, но свободы лишить не способен: свобода в триллион раз ценнее жизни, это я раз навсегда решил и за себя, и за комара!» Цитата-то и вправду и хороша, и уместна.

Как бы то ни было, и литератор Осоргин, и исторический деятель Струве таковую прививку безусловно получили. Видимо, воздух в Перми особенный.

Прививка вторая, назовем ее идеологической. В годы Великой Отечественной войны именно в Пермь шла эвакуация многих ленинградских предприятий, учреждений культуры, научных институтов. Так в Перми возникло знаменитое ныне хореографическое училище, давшее вторую жизнь не менее знаменитому Театру оперы и балета. Так Пермь обогатилась новыми наукоемкими заводами и НИИ, в том числе оборонными, требующими недюжинной технической интеллигенции. Так Пермь обогатилась людьми, мыслями, идеями, в том числе свободными, которые в Питере никогда не умирали.

Третья прививка — пенитенциарная, ибо исстари Прикамье считалось ссылкой краем. Можно даже сказать, элитарно-ссылным. Относительно недавняя история, некоторые очевидцы и участники которой еще находятся (тьфу-тьфу) в добром здравии — тому подтверждение.

Б.Беттелхайм (1903–1990) – всемирно известный психолог и психиатр. Родился в Вене. После аннексии Австрии, весной 1938 года был арестован и отправлен в концентрационный лагерь Дахау, а затем переведен в Бухенвальд, где находился в течение года. После освобождения эмигрировал в США, где получил звание профессора в университете г. Чикаго. Ряд его работ посвящен проблемам воспитания и образования молодежи. Сборник «Выживание и другие эссе», в который входит публикуемая на русском языке статья, был издан в США в 1980 году. Статья печатается в сокращенном виде.

Психологические соблазны тоталитаризма*

Бруно Беттелхайм

Американцам трудно понять, как люди, жившие свободно, могли поддаться диктату тоталитаризма. Между тем такие режимы весьма искусны в использовании мощных психологических мотивов, которые могут побудить даже бывших противников добровольно принять такой режим.

Чтобы постигнуть сущность психологической привлекательности тоталитаризма XX века, имеет смысл сравнить его с другими известными в истории типами деспотизма. Подобно тоталитарным режимам Сталина, Муссолини, Гитлера или Франко, деспотические системы прошлого не допускали оппозиции: тот, кто боролся с режимом, подвергался репрессиям. Но в прошлые времена деспот либо не требовал от своих подданных добровольного согласия, внутреннего приятия его методов, либо не имел возможности принудить их к этому. Предполагалось, что каждый подчиняется тирану, тогда как тиран мало заботился о том, что его подданные думают о нем, пока они держат свои мнения при себе. Какую бы систему шпионажа ни использовал средневековый деспот, она была очень ограничена по сравнению, например, с подслушивающим устройством. В современных тоталитарных государствах массмедиа обеспечивают почти неограниченные воз-

можности влияния на мысли каждого человека. Кроме того, современная техника облегчает надзор даже над наиболее приватной деятельностью граждан. Это и многое другое позволяет тоталитарной диктатуре допускать, что ее подданные могут думать самостоятельно (сложность современной техники и массовое общество требуют этого во многих сферах человеческой деятельности), но тем не менее должны приходить именно к тем убеждениям, которых требует государство.

Таким образом, в то время как в прошлом оппонент все же мог выжить внутри системы, сохраняя определенную независимость в мыслях, а нередко и в действиях, и благодаря этому не утратить самоуважения, то в тоталитарном государстве сохранить его практически невозможно. Так как любой неконформист сталкивается при этом с дилеммой: либо он проявит себя как враг и подвергнется преследованиям и даже будет уничтожен, либо ему остается внешне исповедовать «веру» в то, что втайне он полностью отвергает и презирает.

Вследствие этого подданный, не склонный к внутреннему принятию тоталитарного общества, начинает обманывать себя, ищет оправданий или предлогов. И поступая так, теряет именно то самоуважение, в котором он отчаянно нуждается для поддержания чувства автономности.

* Bruno Bettelheim. *Remarks on the Psychological Appeal of Totalitarianism.* // *Surviving and other Essays.*

Фернандо Сцианна. Будапешт. 1990.

Пример того, как это работало, можно видеть в гитлеровском приветствии. Оно введено было преднамеренно; где бы люди ни встретили друг друга — в публичном или приватном месте, в ресторане, вагоне поезда, конторе, фабрике или на улице — легко было выявить каждого, кто придерживается старых «демократических» форм приветствия.

... Молодая германская женщина, психолог, вспоминает. В первые годы гитлеровского режима она была еще ребенком. Ее отец, которого она любила и чьи ценности разделяла, был решительным противником нацистского движения. Но она должна была идти в школу, где приходилось клясться в преданности фюреру и отдавать гитлеровский салют по много раз в день: при встрече с одноклассниками, приветствуя учителей в начале каждого урока. Некоторое время она мысленно скрещивала при этом пальцы и убеждала себя, что клятва и салют не имеют значения. Но, делая то, что требовалось для ее самосохранения, она испытывала отвращение к себе, и ей становилось все труднее сохранять самоуважение. Наконец, она отказалась от мысленных оговорок и стала клясться в преданности режиму и салютовать как все.

Некоторые взрослые наблюдатели мучительно сознавали, что в их душе система создает неразрешимые конфликты и что в битве между моральными убеждениями и самосохранением выигрывает в конце концов та их сторона, которая хочет выжить; она возьмет верх над моральными принципами. Так, теолог Пауль Тиллих, до того как он покинул Германию в 1933 году, думал, что он никогда не примирится с гитлеризмом; но, как он писал через много лет, «мое подсознание знало лучше»; он покинул Германию вовремя, чтобы не дать подсознанию пересилить свои сознательные убеждения.

... Внутренний конфликт, связанный с гитлеровским салютом, пережили многие немцы, у которых он находил подсознательное выражение в сновидениях. Расскажу об одном из таких снов.

Вскоре после прихода Гитлера к власти некий человек, владелец фабрики, видел во

сне, что его фабрику посетил Гёббельс. «Стоя впереди моих рабочих, я должен был поднять руку в нацистском приветствии. Это заняло у меня полчаса — поднимать руку, сантиметр за сантиметром... Так я стоял с поднятой рукой в моей собственной фабрике, как у позорного столба... пока не проснулся».

Ясно, что этот человек, внутренне противившийся нацизму, во сне имел дело с проблемой, которая занимала и его сознание: должен ли он и пойдет ли на компромисс со своими убеждениями, чтобы сохранить фабрику? ...Борьба за поднятие руки «сломила мой хребет», — сказал он. В немецком, как и в английском языке выражение «иметь крепкий хребет» означает, что человек имеет убеждения и поступает в соответствии с ними. И сновидение показало ему, что только он может сломать свой моральный хребет. Он сам, а не Гёббельс, принудил себя салютовать, чтобы не обнаружить свой внутренний конфликт с режимом. Тот факт, что режим способен вынуждать людей делать такие вещи, показывает, сколь эффективным было его разрушающее влияние.

...И совершенно другими были сновидения у тех, кто активно боролся с системой. Хотя и они были не свободны от беспокойства; некоторым снилось, что они схвачены гестапо и подвергаются пыткам, — реальный страх, который входил в их сны. Однако в других сновидениях они успешно побеждали нацистов. Но никому не снилось, что он принуждает себя подчиниться врагу, подавляя собственные убеждения.

То, что сказано о гитлеровском салюте, относится, разумеется, ко всей специфике гитлеровского режима. Непреодолимая сила тоталитарной системы основывается именно на ее способности проникать даже в скрытые, приватные области человеческой деятельности.

Это можно проиллюстрировать примером из жизненного опыта упоминавшейся выше школьницы. Однажды девочкам ее класса предложили принять участие в переписи населения. Отказ угрожал благополучию ее самой и ее семьи, да и предложение казалось вполне безобидным. Но, занимаясь пере-

писью, она должна была спрашивать о деталях жизни одной еврейской семьи и увидела, что ее ненавидят как представителя режима; это обидело ее и вызвало возмущение. Потом она осознала, что это как раз те чувства, которые нужны режиму. А несколько позже поняла, что режим имеет над ней власть и может заставить ее чувствовать то, чего она не хочет. Она стала презирать себя. Конечно, она ненавидела режим, который поставил ее в затруднительное положение, но кончила она тем, что стала ненавидеть саму себя даже больше, чем режим.

... Во многих случаях оппонент тоталитарной системы не мог при этом найти поддержку даже в собственной семье. Ибо очень редко вся семья состояла из ненацистов. А дети в особенности были восприимчивы к индоктринации в школе, в гитлеровских юношеских организациях и т.д. Их уговаривали следить за своими родителями и сообщать властям. Лишь немногие делали это. Но те дети, чьи родители были антинацистами, попадали в трудноразрешимый конфликт: быть верным родителям или же своим обязанностям перед государством, которое уже внушило им, что их долг разоблачать нелояльных людей. Подобные конфликты разрывали ребенка буквально на части, и он начинал ненавидеть тех, из-за кого оказался в психологическом тупике.

В большинстве случаев такой ребенок начинал ненавидеть политические взгляды своих родителей, а то и самих родителей, поскольку те создавали для него проблему. Родители же, зная о том давлении, которому подвергается ребенок, старались скрыть от него свое истинное мнение не только из опасения быть выданным властям, но также, чтобы не делать непереносимо трудной жизнь своего ребенка. Так что даже дом и семья не освобождали от притворства; приходилось притворяться и в собственных четырех стенах.

Трудности оппонента режима, с которыми он встречался в отношениях с собственными детьми, распространялись и на его отно-

шения с брачным партнером и с другими родственниками и друзьями. Даже когда оба, и муж и жена, были оппонентами нацистского государства, каждый из них, имея различный жизненный опыт и разное по-

Мы не должны забывать, что до сих пор тоталитарные системы возникали в обществах, характеризующихся сильной иерархической организацией, то есть были патерналистскими

ложение в обществе, возражал в основном только против отдельных свойств системы, считая приемлемыми другие. Они не могли прийти к согласию в вопросе о том, чему именно противиться и как, что можно считать приемлемым и на какой риск имеет смысл идти.

... Такая внутрисемейная политическая оппозиция сама по себе способствовала экстернализации и рационализации конфликтов, не имевших первоначально ничего общего с политикой, таких как конфликты между супружескими парами, между родителями и детьми, между детьми.

... Итак, внешне соблазн тоталитаризма выражается в том, что благодаря ему человек может обрести согласие с людьми своего круга и остальной частью окружающего его мира и перестает быть отверженным (отщепенцем). На внутреннем же, глубинном уровне благодаря такому соблазну у человека появляется возможность восстановить тождество с самим собой, которое находится в опасности, если вынужденные действия человека не согласуются с его чувствами. У некоторых людей в условиях нацистского режима внутреннее напряжение, требующее разрешения от подобных конфликтов, становилось столь сильным, что они доходили до самоубийства. Другие, из-за случайного неосмотрительного поведения, подсознательно мотивированного желанием покончить со всем этим, сдавались гестапо, даже если это означало оказаться в концентрационном лагере.

Многие же бывшие антинацисты просто отказывались от борьбы и примирались с системой. Не присоединяясь к партии, не принимая всех ее ценностей, они начинали видеть в ней много хорошего, продолжая относиться критически к некоторым аспектам системы. Они приходили к убеждению, что должны жить с ней и в ней ради восстановления согласия в семье и с соседями. А также — и это очень важно, хотя они не всегда признавались в этом даже себе, — чтобы не чувствовать над собой постоянную угрозу со стороны секретной полиции, а наоборот, иметь возможность пользоваться теми преимуществами, которые тоталитарная система предлагала своим последователям.

... Мы не должны забывать, что до сих пор тоталитарные системы возникали в обществах, характеризующихся сильной иерархической организацией, то есть были патерналистскими. Правитель страны, исполнительная власть, полиция, военнослужащие, учителя и т.д. представляли собой в такой системе мощные отцовские фигуры, или суррогаты суперэго. Суррогаты или заместители суперэго — это персоны, облеченные властью, которые психологически идентифицируются как правило с родителями.

Часто даже в концентрационных лагерях вера в могущество и справедливость такого родителя, а точнее полиции, была столь сильна, что заключенные не хотели верить, что они наказаны несправедливо. Они предпочитали искать вину в самих себе. Желание внутреннего «я» быть любимым суперэго является исключительно сильным; и чем слабее становится эго, тем сильнее это желание. Именно поэтому в тоталитарной системе наиболее мощными суррогатами суперэго являются правители и их представители — короче говоря, сама система, и человек может приобрести одобрение суррогатов суперэго, только следуя вместе с системой.

Истинное же супер-эго, требующее личной ответственности и свободного выбора, оказывается при этом неудобным и даже опасным, так как человек редко бывает уверен в правильности своих поступков. Так возник

ает желание получать указания что делать...

Очень мучительно укрываться в самом себе и постоянно иметь личное суперэго, критикующее общество, в котором ты вынужден жить. Вообще, это возможно только тогда, когда в распоряжении индивида имеются альтернативные образы суперэго. Это иногда трудно понять американцам, воспитанным в свободном обществе и имеющим возможность выбирать его различные образы, даже если они противоречат друг другу — образ пуританина и свободолюбца, человека в сером костюме и ковбоя и т.д. В гитлеровской же Германии все образы суперэго были совмещены и было чрезвычайно трудно развить или сохранить сугубо личное суперэго, не соответствующее существующему в обществе.

В самом начале я сказал, что современное тоталитарное общество, в отличие от тираний прошлого, требует внутренней уступчивости и полного конформизма во всех сферах жизнедеятельности, даже в наиболее частных ее областях. Сравнительно просто держать язык за зубами. Гораздо труднее это делать, когда индивид, находящийся в оппозиции к обществу, вынужден постоянно вести себя так, как будто он находится в согласии с этим обществом.

... Таким образом, мы видим, что привлекательность принятия тоталитаризма заключается в перспективе обретения внутреннего мира, который приходит с разрешением серьезных внутренних конфликтов, а также согласия с внешним миром — выражающегося в чувстве безопасности. К несчастью для личности, которая находилась в оппозиции к тоталитарной системе, этот мир достигался ценой потери автономии, самоуважения и человеческого достоинства. Или, как гласит известная истина: это мир, оплаченный ценой смерти души.

Перевела с английского
М. Ланда

Центр гражданского образования и прав человека

Пермская городская общественная организация Центр гражданского образования и прав человека была зарегистрирована 7 апреля 2003 года. Миссия Центра — просвещение и воспитание населения, прежде всего молодежи, в духе идей толерантности, ненасилия, уважения к правам человека, идеалам демократии и гуманизма.

Центр был создан на базе программы «Школа прав человека» пермского Центра поддержки демократических молодежных инициатив. Все его сотрудники в течение нескольких лет работали методистами названной Школы.

С момента своего основания Центр динамично развивался, успешно реализуя целый ряд просветительских программ.

Андрей Суслов,
директор Центра
(г. Пермь)

Права человека для учителей

• Презентационные семинары «Преподавание прав человека в школе» (4 часа) проводятся с 1998 года для учителей истории, обществознания и права с целью дать представление о подходах и методиках обучения правам человека в образовательном учреждении, о возможностях интеграции курса в существующие программы. С февраля 2003-го по июнь 2004 года было проведено 5 таких семинаров в городах и районных центрах Пермской области.

• Курс «Права человека: теория и методика преподавания в школе» ориентирован на учителей истории, обществознания и права. Он предусматривает знакомство с основами теории прав человека, углубленное изучение основных прав и свобод, методик обучения правам человека в образовательном учреждении. В Перми такой курс (72 часа) проводится ежегодно, начиная с 1999 года. Кроме того, эти базовые курсы ежегодно проводятся в городах и районных центрах Пермской области (выездной вариант — 24–36 часов). В 2003 году — для учителей Перми, Березников, Чайковского, Октябрьского, Суксуна, Кишерт. В 2004 уже состоялись в Кунгуре, Добрянке, Лысьве, Нытве. В итоге базовый курс прошло более 300 учителей.

С 2002 года ежегодно организуются 36-часовые курсы «продвинутого» уровня — для прошедших базовый курс. Программа предусматривает углубленное изучение некоторых теоретических проблем (международные системы защиты прав человека и т.д.), но акцент делается на расширенное

знакомство с активными методиками обучения правам человека. В частности, для пермских учителей такие курсы прошли в марте 2003 и марте 2004 года, а для учителей Пермской области — соответственно в апреле. В целом за два года продвинутый курс закончило более 70 учителей.

- Педагогические мастерские и творческие группы педагогов, занимающихся обучением правам человека начали создаваться в 2001 году. На сегодняшний день такие мастерские и группы работают в Перми (для учителей Кировского района, для социальных педагогов Орджоникидзевского района, для учителей начальных классов), в Нытве, Краснокамске, Суксуне, Чайковском.

Права человека для социальных педагогов

- Курс «Права человека в деятельности социального педагога» (72 часа) проводится ежегодно с 2000 года для социальных педагогов г. Перми с целью дать им знания о правах, обязанностях и ответственности участников образовательного процесса, а также научить их использовать обучение правам человека в школе в качестве метода работы социального педагога. В течение 2003–2004 гг. в них участвовало более 50 социальных педагогов.

Права человека для студентов

- Спецкурс «Права человека: теория и методика преподавания в школе» (24 часа) читается с 1999 года для студентов IV курса исторического факультета Пермского университета. Цель: подготовить будущих учителей к работе в школе с курсом «Права человека». В 2003–2004 учебном году этот спецкурс прослушали более 100 студентов.
- Спецкурс «Права человека» (24 часа) с 2003 года читается также для студентов, получающих второе высшее (юридическое) образование на историческом факультете университета. Цель — дать теоретические знания о правах человека для будущих юристов, ориентированных на работу в сфере образования. В 2003–2004 году его прослушали 23 студента-юриста.

Права человека для учащихся

- Учащиеся старших классов общеобразовательных учебных заведений являются нашей основной целевой аудиторией. В качестве главного механизма воздействия на эту группу мы видим работу с учителями, которые на наших семинарах приобретают знания и умения по обучению правам человека в школе. В настоящее время эти занятия (в разной форме) ведутся не менее чем в 80 учебных заведениях области.
- Олимпиада по правам человека для учащихся 9–11 классов проводится ежегодно с 2001 года. Олимпиады 2003 и 2004 года были открытыми; в них кроме пермских школьников приняли участие команды из Нытвы и Кунгура. Цель олимпиады — привлечь внимание старшеклассников к проблематике прав человека. Помещение и призы победителям предоставляются Пермским филиалом С.-Петербургского института внешнеэкономических связей экономики и права. Ежегодно в олимпиадах принимают участие более 100 школьников.

Обучение уполномоченных по правам участников образовательного процесса

- Выбор этой целевой группы — совместно с уполномоченным по правам человека в Пермской области — связан с созданием такого института в школе. Запланировано, что в 2003/2004 учебном году в Перми и Нытве будут работать по 10–12 школьных уполномоченных. Для них был организован 72-часовой курс. Занятия проходили в две сессии, в них участвовали 22 человека. В заключение курса 30 января этого года был организован круглый стол «Уполномоченные по правам участников образовательного процесса: проблемы и перспективы».

Права человека в деятельности образовательных учреждений

- Проблемно-целевые семинары «Обеспечение прав человека, прав ребенка в деятельности образовательного учреждения» (4 часа) проводится с 2002 года для педагогических коллективов образовательных учреждений. В ходе семинара перед педагогическим коллективом ставится проблема необходимости обеспечения прав человека в конкретном образовательном учреждении, выясняется видение проблемы педагогами, организуется коллективная работа по поиску подходов к улучшению существующей ситуации. В 2003–2004 году было проведено 20 таких семинаров.

Издательская программа

- Подготовка и распространение справочников, учебных и методических пособий по правам человека является традиционной деятельностью Центра. Работа над изданиями по правам человека рассматривается как неотъемлемая часть просветительской деятельности. Большая часть справочников и учебно-методических пособий издается за счет средств зарубежных благотворительных фондов и бесплатно распространяется среди педагогов образовательных учреждений Пермской области. В первую очередь книги получают слушатели курсов и семинаров.

Мониторинг соблюдения прав человека в школах Пермской области

- В ноябре 2003 года Центр гражданского образования приступил к проведению мониторинга соблюдения прав человека в школах Пермской области. Задачи мониторинга: выявление соответствия нормативно-правовых актов общеобразовательных учреждений и органов управления образованием российскому и международному законодательству в области образования, прав ребенка, а также реальной практике школьной жизни; выявление уровня знаний прав человека учащимися и учителями; выяснение причин, природы, характера наиболее распространенных случаев нарушений прав человека в школе; определение путей изменения ситуации с обеспечением прав участников образовательного процесса и выработка предложений по улучшению положения; привлечение внимания общественности к проблеме соблюдения прав человека в школе. В июне результаты мониторинга обсуждались на коллегии департамента образования Пермской области.

Успешно прошел и период организационного становления. За период немногим более года Центр гражданского образования и прав человека стал авторитетной некоммерческой организацией, признанной как ведущими правозащитными организациями, так и властными структурами.

Центр принял активное участие в проекте коалиции общественных организаций «Пермская ассамблея», направленном на защиту интересов детей. В частности, совместно с Центром поддержки молодежных демократических инициатив наши сотрудники организовали акцию «У меня есть права» (конкурс сочинений школьников по правам человека, в котором приняли участие более 300 старшеклассников); провели областное родительское собрание по правам детей (разработана методика проведения собраний в школах, опубликовано соответствующее методическое пособие, проведен методический семинар по организации такого собрания, в котором приняли участие более 200 педагогов области, подготовлен телевизионный вариант родительского собрания, отснятый и выпущенный в эфир региональной телекомпанией «Т7» в ноябре 2003 года — 2 передачи по 30 минут — за счет средств областного бюджета).

Руководители Центра были инициаторами и организаторами проведения особого мероприятия в рамках российского форума «Нижегород — 2003»: родительское собрание «Роль общества в управлении образованием» (октябрь 2003). В нем приняли участие около 50 человек.

В ноябре 2003 года был проведен семинар-тренинг «Деятельность НКО в меняющемся мире» для выпускников российско-американских программ обменов, работающих в НКО (28 участников из Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Омска, Н. Новгорода и других городов).

Важным мероприятием по консолидации учителей и социальных педагогов, занимающихся преподаванием прав человека, стало проведение в апреле этого года в Перми конференции «Гражданское образование и обучение правам человека», в которой приняли участие более 100 человек. Участники конференции заслушали несколько докладов ученых и общественных деятелей, приняли участие в работе мастер-классов. При подведении итогов конференции было принято решение о создании Товарищества выпускников образовательных программ Центра.

Сотрудники Центра принимали также участие в целом ряде дискуссий, организованных «Пермской ассамблеей», пермским «Мемориалом», фондом Ф. Наумана и другими общественными организациями.

Программы по обучению педагогов правам человека включаются сегодня в учебные планы Пермского областного института повышения квалификации работников образования и института непрерывного образования при Пермском государственном педагогическом университете. В этом университете «права человека» включены также в учебные планы подготовки историков и социальных педагогов.

Деятельность Центра находит поддержку областного департамента образования. В частности, благодаря ему получено финансирование на проведение мониторинга соблюдения прав человека в школах области и на издание серии брошюр по правам подростков. По инициативе Центра был создан общественный совет по гражданскому образованию при Департаменте образования области; директор Центра стал его сопредседателем. Еще ранее он был введен в состав общественного совета по правам человека при Полномочном представителе Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

Вадим Медведев: Возможностью делать добро — надо обязательно воспользоваться

Вадим учился в Красноярске на юриста, когда началась перестройка. И при Горбачеве, когда все менялось — наше отношение к миру и отношение мира к нам, он решил специализироваться в области международного права. А потом — опять же благодаря Горбачеву! — когда появилась возможность проявить инициативу, Вадим и его товарищи создали совместное предприятие с югославами. Это была фирма «Компас». И занималась она организацией перевозок.

А страна встала. Не было соглашения, в частности, с украинской железной дорогой. Поэтому пришлось заниматься соглашениями, восстанавливать разрушенные связи. И конечно, интересно было работать с иностранцами. Так он проработал больше трех лет. По его словам, это был бесценный опыт. Ибо в какой-то момент Вадим понял, что он не юрист, и поступил на факультет экономики, сказав себе: я — управленец.

«Я считаю, что самое важное в бизнесе — это идея, — говорит Вадим. — Если ты готов рисковать, если ты можешь предложить идею, то это и есть основа бизнеса. Бизнес может быть более эффективным или менее, это уже второй вопрос, это уже вопрос ресурсов и т.д. Но я помню, как мы постро-

или свой первый дом — не имея ни гроша в кармане. Почему нам это удалось? Потому что та идея, которую мы предлагали нашим партнерам, показалась обоснованной. Если просто хочешь заработать деньги, то от одного желания они не появятся. Ты должен задумать что-то полезное. Деньги появятся потом — в результате удовлетворения чьей-то потребности. Но вокруг идеи еще нужна команда. Команда единомышленников. Корпоративная поддержка — это очень важно. Особенно в сложные моменты. Потому

что в бизнесе, когда ты один, быстро выходишь. Эмоционально. Психологически. Поэтому нужно, чтобы кто-то был рядом. И чтобы этот кто-то мог помочь тебе в общем деле».

Короче, после перевозок Вадим и его товарищи увлеклись строительным бизнесом. И это тоже было «что-то захватывающее». Потому что строили они в Красноярске не типовые дома. Новая архитектура, новая планировка. А все новое — это всегда интересно.

Строительным бизнесом Вадим занимался тоже три года. А потом был производственно-издательский бизнес. И он тоже оказался интересным. Это был производственно-издательский комбинат «Офсет». Газеты, журналы, книги... К заслугам своей команды Вадим относит то, что они сохранили предприятие, учитывая, что наступил 91-й год, когда все рушилось. «На комбинате «Офсет» я занимался, в частности, выпуском газет. В творчество не влезал. Старался создавать журналистам условия для работы. Чтобы газеты были интересные».

А затем, уже при губернаторе Александре Лебеде, когда все красноярские газеты были настроены к нему оппозиционно, после очередного конфликта, Людмила Васильевна Селиванова, зам. губернатора, неожиданно предложила Вадиму поработать в администрации края.

Решение это далось Вадиму тяжело. Конечно, опять же интересно было попробовать себя на совершенно новом поприще. Оппозиция — дело полезное, но в разумных пределах. Часто оппозиционеры не замечают, как становятся профессиональными разрушителями. Это уже клише. Вадиму же хотелось избегать клише в своей жизни.

Короче говоря, Вадим согласился. Поначалу новая работа показалась ему полным кошмаром. Ни рабочего стола, ни стула.

Должности — никакой. У власти с местной элитой — жесткий конфликт. Преемственности в работе нет. Люди в администрации меняются чуть ли не каждый день. Кто прав, кто виноват — понять невозможно. Интриговать Вадим не умел и учиться этому не собирался, а вот опасность заслужить «почетный статус жертвы» была реальной. Статус жертвы по определению не лишен привлекательности. Он вызывает порой сочувствие, наделяет отличием, и целые страны, как заметил один умный человек, не жатся в «сумраке психологических скидок, преподносимых как сознание жертвы». Результат этого — заведомое снижение ожиданий, когда жалкое преимущество воспринимается или провозглашается в виде достижения. Вот этого, несмотря на свою молодость, а возможно именно благодаря ей, Вадим допустить не мог. Поэтому, не приписывая себе почетный статус жертвы, стал вникать, разбираться, разгребать завалы, включать мозги.

«Мне поручили заниматься работой с северными территориями, — рассказывает Вадим. — До 70 процентов краевого бюджета в ту пору были налоги с Севера. А отношения с северными территориями никто не мог назвать хорошими. Я как раз и начал с того, что стал налаживать эти отношения, выстраивать связи. И доказывать руководству, что без этого трудно даже представить себе нормальную обстановку. Нужно сказать, что отношения Юга и Севера в крае были разорваны еще до Лебеда. И вот я занялся их восстановлением. Это была не только экономика: Юг на Север — продукты питания, Север — налоги за услуги и товары. Отношения Севера и Юга — это еще и люди. Так что приходилось много раз и по долгу терпеливо разговаривать с каждой из сторон. И уговаривать всех и каждого ради дела смирить гордыню. В какой-то момент

обе стороны стали сближаться. Не сразу, но ось Север — Юг заработала. И краю это идет на пользу. Помню, когда я только начал работу с территориями, то убеждал всех — и себя тоже! — что Бог был очень милостив к нашему краю, наградил его такой природой, такими ресурсами, и мы тоже должны относиться к своему краю по-божески, милостиво. Как ни странно, этот аргумент действовал».

С Лебедем работать было непросто. Но Вадим говорит о нем исключительно в уважительном тоне. И не потому, что о мертвых — или хорошо, или никак. — «При всей своей жесткости — мое ощущение — он был добрый. И переживал за край. И думал о проблемах России. Кавказ — это была его тема. Его боль. Он жил этой болью. Хасавюртское соглашение носил с собой всегда. Лебедь действительно хотел остановить войну. И мучился: все ли он сделал, что мог? Я глубоко переживал гибель Александра Ивановича. Мне пришлось организовывать его похороны в Москве. Потом долго не мог прийти в себя. Была пустота. Не хотелось ничего делать, ни о чем думать. Все-таки он был сильной личностью, и мы делали какое-то общее дело. И вот — обрыв... Где-то с лета до зимы я жил как-то автоматически. А потом — выборы, потом появился Хлопонин. Я не собирался примыкать ни к какой группе. Видел, как бегут люди и встраиваются в шеренги. Я не стал никуда встраиваться. Просто работал. Потому что спастись мог тогда только работой. А потом меня позвал в свою команду Хлопонин. Для меня это было странно. Я ведь сам не напрашивался, не высывался. Но работать с Александром Геннадиевичем Хлопониным мне нравится. Он действует осознанно, терпеливо, осторожно. Без скандалов. Как его зам, я отвечаю за имущество в крае. Это сложный участок. Здесь мало быть про-

фессионалом. Надо еще чтобы общество тебе доверяло. Поэтому я стараюсь прежде всего уважать права людей. И отстаивать интересы территорий. Порой мне приходится доказывать: излишняя собственность государству только мешает. Поэтому если мне удастся доказать справедливость своей точки зрения, мы открыто переводим собственность в частный сектор. Мне вообще кажется: если действовать продуманно, открыто и честно, можно научиться изменять жизнь к лучшему».

Итак, Вадим считает: работать надо осознанно. Если нас что-то и губит, то это именно бессознательность. Но и жить надо осознанно. По заповедям.

«У нас в Енисейском районе есть монастырь. Место паломничества. Однажды в тяжелую минуту, я приехал туда к отцу Савелию. Мы долго с ним говорили. И потом я решил и спросил его: почему люди приходят именно к нему? Почему выделяют из всех только его? Он сказал: «Я — простой человек. И ничем особым не отличаюсь. Но когда у меня была возможность сделать кому-то добро, я делал. И сейчас — делаю. Выделяет человека только доброта».

У тридцатитрехлетнего Вадима Медведева впереди целая жизнь. Но есть уже опыт. И не только в работе, но и в «осуществлении себя». Он знает: «любой возможностью делать добро надо обязательно воспользоваться».

Зоя Ерошок,
обозреватель «Новой газеты» —
специально для «Общей тетради»

Гражданское общество

Основные подходы к определению гражданского общества

Гражданское общество — важнейший элемент демократической политической системы, предполагающий активное вовлечение граждан в общественную жизнь, их искреннюю заинтересованность в общественных делах и проблемах. В последние годы и в западных демократиях, и в странах демократического транзита концепция гражданского общества — как «власти народа», как идеи политической инициативы, направленной снизу вверх, — пользуется крайней популярностью.

Существует два базовых подхода к осмыслению сущности гражданского общества. Прежде всего, в нем можно видеть определенную систему ценностей, разделяемых гражданами данного социума. Иными словами, гражданское общество есть определенное *качество его граждан*. Согласно этому взгляду, разделяемыми гражданами ценностями являются солидарность, доверие и толерантность: граждане помогают и доверяют друг другу, уважают мнение других, даже не соглашаясь с ним.

По Роберту Патнэму членство в гражданском обществе требует равных прав и обязанностей для всех. Это достигается «горизонтальными связями взаимности и кооперации, а не вертикальными связями авторитета и подчиненности». Граждане взаимодействуют как равные, а не как патрон с клиентом или правитель с подданными. Однако они не должны быть альтруистами, самозабвенно несущими «все свое» на алтарь общества. Граждане должны обладать «правильно понимаемым интересом» (определение Алексиса де Токвиля), то есть вписывать свои потребности в контекст общественных нужд.

Нормы и ценности гражданского общества воплощаются и реализуются через конкретные социальные структуры и формы практической деятельности. Поэтому гражданское общество можно понимать как *общественный сектор, который расположен между семьей и государством, занятый организациями, отделенными от государства, обладающими автономией по отношению к нему и формируемыми гражданами на добровольной основе для защиты и/или продвижения их интересов и ценностей*. Алексис де Токвиль, размышляя об условиях, питающих демократию в Америке, отмечал склонность американцев к созданию гражданских и политических организаций. «Американцы беспрестанно объединяются в разные союзы», — констатировал он.

Отметим, что национальные контексты устройства в роли гражданского общества различаются довольно существенно. Так, для американцев характерен «токвилевский» подход, подразумевающий очень высокую степень автономии гражданского общества от государства. В то же время континентальным демократиям (Франции, Германии) присуща булшая вовлеченность государства в дела гражданского общества, в частности финансирование его структур.

Гражданское общество и государство

Как правило, исследователи единодушны в том, что следует отличать гражданское общество от политического и экономического общества. Гражданское общество нередко определяют через противопоставление государству. В своем крайнем выражении этот подход причисляет к гражданскому обществу все структуры и институты, которые не являются составляющими государственного аппарата. Бинарная оппозиция «гражданское общество — государство» получила особое признание в последние десятилетия XX века в связи с кризисом и последующим падением диктаторских и авторитарных режимов в Латинской Америке и Восточной Европе.

В целом взаимоотношения государства и гражданского общества довольно разнообразны. *Во-первых*, гражданское общество связано с государством генетически. На определенном этапе общественной эволюции государственная власть отказывается от прямого регулирования целого ряда сфер общественной жизни, предоставив их самим гражданам. Иными словами, гражданское общество вышло из недр государства, и потому говорить об абсолютном противоречии между ними не приходится. *Во-вторых*, гражданское общество уравнивает государственную власть, не позволяя ей претендовать на монопольное управление. Оно сдерживает притязания целого (государства и его политики), ориентируясь на частное и отдельное (личность и ее интересы). Тем самым более или менее успешно сглаживается присущая государству приверженность коллективам и их совокупностям. *В-третьих*, гражданское общество способно дополнять государственную власть, возлагая на себя ее традиционные обязанности и функции. В условиях наметившегося в последнее время падения престижа национальных государств, стимулируемого глобализацией, данная тенденция проявляет себя все более отчетливо.

Взаимоотношения гражданского общества и государства отнюдь не статичны; гражданские институты и организации играют различную роль в условиях стабильного или кризисного развития государственности. По этой причине исследователи подчеркивают принципиальную качественную разницу между гражданским обществом в молодых и устоявшихся демократиях. В то время как на Западе все большее беспокойство вызывает нарастающая аполитичность гражданской жизни, на Востоке конфликты между гражданским обществом и государственной властью по-прежнему не являются редкостью.

Формы гражданского общества

Гражданское общество, если исходить из широкого его понимания, проявляет себя в самых разных формах: группы, ассоциации, структуры и сети гражданского общества бесконечно разнообразны. В его понятие входят и «группы интересов», такие как профессиональные союзы и ассоциации, и «традиционные» организации, основанные на этничности, культуре или территориальной идентичности. Это могут быть формальные структуры и неформальные социальные сети, основанные на отношениях клиентеллы; институты, играющие существенную политическую роль и выдвигающие политические цели, и те, чья деятельность лежит по преимуществу вне политики.

Альберто Виани. Фигура. 1958–1974

Обобщая, можно выделить следующие сегменты гражданского общества:

- наиболее крупные, укорененные, социальные или социально-экономические организации, прежде всего церкви и профессиональные союзы;
- группы, формирующиеся с целью решения каких-либо социальных или социально-политических проблем; к таковым можно отнести правозащитное движение, группы, осуждающие или поддерживающие практику аборт, «антиникотиновые» группы и др.;
- социальные и культурные группы, такие как спортивные, экологические клубы, общества любителей музыки, разнообразные «кружки по интересам»;
- неформальные общности, основой которых является культурная, территориальная и/или этническая идентичность, — этнические ассоциации, «землячества», племенные группы;
- большой круг некоммерческих организаций (они характерны в основном для стран демократического транзита), оказывающих услуги с целью ускорения социально-экономического развития страны; среди них крестьянские ассоциации, сельскохозяйственные кооперативы, агентства по территориальному развитию, общества защиты детства и многие другие.

Отметим, что в последние годы, с усложнением социально-политической повестки дня, для западных демократий (особенно для США) характерно формирование групп и ассоциаций для решения какой-либо определенной проблемы, которые распадаются после выполнения задачи. Такие группы возникают не только на общегосударственном, но и на региональном уровне.

Функции гражданского общества

Систематическая теория гражданского общества пока не создана, но все же имеющаяся практика позволяет говорить о ряде функций, явно выполняемых его организациями и структурами. Главное заключается в том, что самим фактом своего существования оно не допускает тотального огосударствления социальной жизни. В этой связи гражданское общество, бесспорно, играет и политическую роль, которая заключается не в приобретении или удержании власти, а во влиянии, проводником которого выступают гражданские ассоциации. Это влияние может осуществляться как напрямую, так и косвенно. В некоторых стабильных демократиях (в частности, в Швеции) общественные объединения уже давно представлены в исполнительных органах власти. Оправданием подобного представительства служит желание политиков заручиться поддержкой «третьего сектора» и приобщить его к выработке административных решений. Не все, однако, считают подобную систему безупречной; критики полагают, что система прямого общественного присутствия поощряет корпоративизм и препятствует подлинной открытости.

Косвенное вмешательство общественных организаций в политику реализуется в двух основных вариантах. Первый — это работа в политических партиях, второй — лоббирование с помощью всевозможных «групп давления». При этом дилемма плюралистической демократии, как отмечает Олоф Петерссон, состоит в том, что она одновременно и нуждается в организованных «группах интересов», и испытывает угрозу с их стороны. Как в традиционных, так и в молодых демократиях сегодня сильны позиции тех, кто усматривает в «группах влияния» один из дефектов демократической системы и потенциальную

угрозу общественным интересам. По всей видимости, таково одно из проявлений масштабного кризиса, переживаемого классическими моделями демократии в настоящее время.

Гражданское общество в России

В советской России гражданское общество допускалось на уровне кружков «кройки и шитья» или «авиамоделирования», работавших, как правило, при домах культуры. Проблемы социального, политического или экономического развития в сфере интересов таких групп, естественно, не попадали. Лишь ничтожная доля граждан с риском для собственного будущего собиралась для обсуждения литературных новинок журналов «Континент» или «Посев». В целом, в отличие от ряда других стран демократического транзита (прежде всего, латиноамериканских), где неправительственные организации активно действовали и до перехода к демократии, никакого представления о гражданском обществе коммунистическая Россия не имела.

Начало перестройки и проведение первых альтернативных выборов вызвали бум в развитии гражданского общества, прежде всего в области независимого мониторинга выборов, правозащитного движения, гражданского образования. Возникли сотни, тысячи структур, причем поле их работы постоянно расширялось. В начале и середине 1990-х годов многие российские некоммерческие организации (НКО) присоединились к международным сетям, привлекая в страну новые идеи и ресурсы. Это было время «романтизации» гражданского общества; тем не менее уже тогда в его развитии обозначились серьезные проблемы — прежде всего коррупция, а также появление нового слоя «гражданских активистов», для которых работа в структурах гражданского общества «на западные деньги» превратилась в удобный образ жизни. Помимо этого многие структуры гражданского общества не были знакомы населению и не пользовались его поддержкой, оставаясь элитными ассоциациями.

В конце 1990-х годов гражданское пространство упорядочилось, произошла естественная «селекция» организаций, их установки и устремления сделались прагматичными и конкретными. Новый этап в развитии российской государственности, и, соответственно, гражданской сферы, начинается с 2000–2001 годов. Свертывание публичного пространства естественным образом затронуло и гражданское общество. Сегодня многие его организации фактически слились с государством, утратив свою гражданскую природу. Это касается, в частности, профсоюзов и средств массовой информации. Влияние на государственную политику со стороны ассоциаций бизнеса решительно сократилось. Что же касается правозащитных организаций, то государственные органы нередко воспринимают их роль в обществе как неблагоприятную, дестабилизирующую внутреннюю ситуацию и оказывающую негативное влияние на имидж России за рубежом.

Следует указать на крайне неравномерное развитие структур гражданского общества по регионам России. Так, наряду с такими регионами, как Карелия, где эти структуры в силу ряда объективных причин развиты очень хорошо, существуют также регионы (прежде всего, республики), где гражданское общество практически неосуществимо. Между тем наличие жизнеспособной гражданской среды является необходимым предварительным условием действенного

самоуправления. Именно гражданское общество стимулирует развитие горизонтальных связей, крайне необходимых для страны.

Практика стран демократического транзита показывает, что характер и темпы развития гражданского общества еще более, нежели реформирование институтов государства, зависит от исторических, культурных, социально-экономических предпосылок и тенденций развития страны. В этом смысле перспективы России на ближайшее будущее трудно оценить оптимистически.

Гражданское общество в эпоху глобализации

Поскольку наиболее фундаментальные проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается человечество, затрагивают все государства, мы являемся свидетелями становления новой, межнациональной (или транснациональной) структуры гражданского общества. Сегодня деятельность многих общественных объединений выходит за рамки национальных государств; соответственно, объектами их воздействия и влияния оказываются не только правительства отдельных стран, но и международные институты, например ООН. Многие вопросы, в частности стремление запретить использование противопехотных мин, поднимаются в первую очередь неправительственными организациями. Разумеется, в данном контексте гражданское общество вовсе не стремится подменить собой государство, его задача состоит в том, чтобы побудить государственную власть всех стран обратить внимание на ту или иную проблему.

Упомянутый процесс, в свою очередь, имеет и оборотную сторону. В тех странах, где демократические устои и гражданские традиции слабы, местные негосударственные организации, поддерживаемые глобальными структурами гражданского общества, начинают испытывать нарастающее давление со стороны собственных правительств. Последние, выступая с позиций превратно трактуемого патриотизма, отстаивают идеал «доморощенного» гражданского общества, не вписанного в глобальные сети общественного участия и всецело зависящего от своего государства в плане как выдвигаемой повестки, так и используемых ресурсов. Как правило, подобные процессы характерны для стран с несостоявшимся средним классом.

Литература

- Д. Коэн, Э. Арато. *Гражданское общество и политическая теория*. – М.: Весь мир, 2003.
- Р. Патнэм. *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии*. – М.: Московская школа политических исследований, 1996.
- М. Скидмор, М. Трипп. *Американская система государственного управления*. – М.: Квадрат, 1993.
- А. де Токвиль. *Демократия в Америке*. – М.: Прогресс, 1992.

Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров

Александр Терентьев,
кандидат политических наук

О европейской конституции

ЕС находится сейчас в шаге от создания Европейской федерации и воплощения идеала первых европейцев — идеала Соединенных Штатов Европы. Создание Европейской федерации во внешней политике будет означать передачу большей части властных функций на наднациональный уровень и снижение роли межгосударственных институтов в процессе формирования европейской стратегии. Представленный Конвентом проект конституции о будущем Европы сохраняет за межгосударственными Советами (Европейским советом, Советом министров иностранных дел ЕС, Советом министров обороны ЕС) ведущее положение в области европейской внешней политики. Однако, с другой стороны, в проекте предполагается создание ряда институтов, призванных со временем взять на себя большую часть внешнеполитических функций Советов.

Идея европейской конституции уже практически не подвергается критике, однако существуют различные концептуальные модели ее реализации. Первая модель — это так называемая конституция гольф-клуба — правила, отражающие существующий порядок вещей, когда наднациональные структуры лишь координируют деятельность европейских государств, прежде всего в торговой и экономической политике. Вторая модель, напротив, предполагает создание федерации, в которой основными властными полномочиями обладают Европейская комиссия и Европарламент. И, наконец, третья компромиссная модель — это сложная схема согласования интересов, которая оставляет власть Советам, но принимает такие федералистские положения, как унификация внешней политики, налогового и иммиграционного законодательства, введение поста президента. Именно данную модель избрали участники Конвента во главе с В. Жискаром д'Эстеном. Во многом это было обусловлено той философской традицией, которая составляет теоретическую основу современного европейского мейнстрима и характеризуется стремлением избегать крайностей и согласовывать интересы. Не случайно проект конституции, разработанный Конвентом, представляет собой трехсотстраничный документ с многочисленными ссылками на предшествующие и последующие статьи, с дополнительными протоколами, громоздким бюрократическим стилем и обтекаемыми византийскими формулировками. В отличие от американской конституции, монументальной и лаконичной, европейский конституционный проект никак нельзя назвать сакральным текстом «гражданской религии».

В проекте провозглашается, что к компетенции Европейского союза относятся все вопросы общей внешней политики и политики безопасности, в том числе и процесс формирования общей оборонной политики, который «должен в ито-

ге завершиться созданием общей обороны в случае, если Европейский совет единогласно примет такое решение»*. Государства-члены ЕС обязаны «активно и безоговорочно поддерживать общую внешнюю политику и политику безопасности Союза (ОВПБ) в духе лояльности и взаимной солидарности»**, а также исполнять постановления, одобренные Союзом. Они «должны воздерживаться от действий, противоречащих интересам Союза или способных повредить эффективности общей внешней политики»***. Пойдя на масштабную передачу Союзу суверенных полномочий, европейские «отцы-основатели» вместе с тем сосредоточили всю полноту ответственности за осуществление общей внешней политики в институтах межправительственного сотрудничества. В системе институтов ОВПБ фактически царит Европейский совет. Он никому не подконтролен, вправе изменять по собственному усмотрению принятые ранее решения, определяет основные принципы и ориентиры внешней политики, устанавливает размер финансовых обязательств государств ЕС в отношении ОВПБ.

В документах рабочих групп Конвента по внешней политике и обороне, а также во франко-германском «проекте управления Европой» подчеркивалась необходимость увеличения полномочий верховного представителя ЕС. Рабочие группы предлагали создать пост независимого комиссара по внешней политике, ответственного перед Советом. В совместном заявлении французского президента и германского канцлера от 18 июля 2003 года говорилось о должности министра иностранных дел ЕС. Конвент принял именно это предложение и внес его в проект конституции. Функции, выполняемые комиссаром К. Паттеном и верховным представителем Х. Соланой, в проекте конституции вверяются министру иностранных дел ЕС. Противоречия, существующие сейчас между ведомствами Соланы и Паттена, безусловно, снижают эффективность единой внешней политики. Штат ОВПБ, возглавляемый верховным представителем в большей степени несет ответственность за формирование европейской стратегии (в нем всего лишь 26 человек,

тогда как дипломатический корпус национальных правительств и Еврокомиссии составляет 40 тысяч служащих). Комиссия занимается конкретным воплощением в жизнь проектов ЕС по поддержке тех стран, которые встали на путь демократизации: обучает судей, финансирует независимые СМИ. Существующие противоречия между ведомствами Паттена и Соланы во многом объясняются спором сторонников межгосударственного и наднационального подхода, а также оторванностью от внешнеполитических задач таких направлений деятельности ЕС, как торговая, иммиграционная политика и предоставление помощи. Проект соединения функций Соланы и Паттена в должности министра иностранных дел ЕС, который одновременно является вице-президентом Комиссии, представляется кардинальной реформой в институциональной структуре ЕС. Вопрос в том, готов ли Европейский союз к такой реформе? Учитывая, что попытка одновременно угодить сторонникам межгосударственного и наднационального подхода, когда министр по-прежнему назначается Европейским советом, то есть лидерами государств-членов ЕС, и является при этом вице-президентом института, отражающего интересы Брюсселя, создает фальшивое положение будущего министра, живущего на два дома.

Конвент постарался учесть выводы, сделанные на основе анализа иракского кризиса. В проекте конституции можно наблюдать расширение практики принятия решений квалифицированным большинством. Принцип квалифицированного двойного большинства предполагает, что решение может вступить в силу, если оно получило одобрение большинства государств-членов ЕС, представляющих три пятых населения Союза. Таким образом, даже для крупнейших европейских держав существенно ограничивается возможность препятствовать принятию общеевропейских решений, используя право вето. Развитие общей внешней политики и политики безопасности предполагает изменения в методах принятия решений. Вполне естественно, что секретность и единогласие со временем должны уступить место более демократическим принципам открытости и

* *Draft Treaty establishing a Constitution for Europe. Article 15 (1).*

** *Ibid. Article 15 (2).*

*** *Ibid.*

квалифицированного большинства при голосовании.

Дискуссия в Конвенте показала, что государства ЕС пока еще не готовы отказаться от национального суверенитета в области обороны. Именно поэтому в статье 1-40(2) проекта конституционного договора «общая европейская оборона» провозглашается лишь как весьма отдаленная цель Союза. В докладе рабочей группы Конвента по обороне, представленном в конце 2002 года, объясняется, что статья о коллективной обороне не может быть одобрена нейтральными странами ЕС и теми государствами, которые считают европейскую оборону прерогативой НАТО. Однако конституция не исключает возможности более тесного сотрудничества в этой области для группы европейских государств. Такая форма сближения, способствующая выделению европейского ядра, названа в проекте конституции «структурным сотрудничеством». «Структурное сотрудничество» предполагает, что государства, обладающие большими военными возможностями, могут взять на себя более суровые обязательства. Прочие страны исключаются из процесса голосования по вопросам «структурного сотрудничества». В принципе в этом нет ничего нового, ведь еще в договоре в Ницце провозглашалось, что ЕС не может препятствовать развитию более тесного сотрудничества в рамках западноевропейского союза. Интересно, однако, что по конституции государства-члены «обязаны увеличивать военные возможности для осуществления общей политики безопасности и обороны в соответствии с задачами, определенными Советом министров»*. Для некоторых пацифистских стран ЕС это конституционное требование представляется абсолютно неприемлемым.

Страны, не желающие участвовать в некоторых проектах Союза, могут использовать принцип «конструктивного неучастия в голосовании». Стоит отметить, что в концепции «конструктивного неучастия» проявляется достаточно взвешенный подход к проблеме баланса национальных интересов в области ОВПБ. Согласно проекту конституции предполагается, что страна, которая воздерживается при голосовании в Совете министров ЕС, должна признать его решение общеевропейским и отказаться от

любых проектов, которые препятствовали бы его осуществлению. Однако ЕС не может вынудить воздержавшееся государство исполнять решения Совета или участвовать в финансировании того или иного проекта. Кроме того, в случае если треть государств ЕС, представляющих по крайней мере треть европейского населения, воздержится при голосовании, то решение Совета не вступит в силу.

Конституция обязывает национальные государства координировать действия в международных институтах и на международных конференциях. Данная мера, безусловно, будет способствовать согласованию интересов в области внешней политики. Постоянное взаимодействие квалифицированных европейских чиновников, представляющих национальные государства в международных организациях, обеспечит основу для выработки скоординированной европейской позиции. Заслуживает внимания и тот факт, что конституция закрепляет за теми национальными государствами, которые являются членами Совета Безопасности ООН, обязанность «защищать позиции и интересы Союза». Европейские члены СБ, таким образом, должны согласовывать свои действия в ООН с министром иностранных дел ЕС. Безусловно, это приведет к повышению международного престижа Брюсселя и, возможно, будет способствовать скорейшему реформированию ООН. Если одна политическая сила будет обладать в Совете Безопасности по крайней мере двумя голосами, придется задуматься о системе голосования в данном институте. Другие члены СБ могут заявить, что такое представительство не отражает объективных международных реалий и потребовать более разумной системы распределения голосов. В этом случае появится возможность использовать опыт ЕС в согласовании интересов. Можно предположить, что для достижения баланса интересов произойдет расширение состава Совета Безопасности, появятся малые члены СБ, которые как и малые члены Европейского союза будут обладать одним голосом, тогда как основные мировые акторы получат количество голосов, пропорциональное их влиянию на международной арене. Разговоры о реформе ООН ведутся уже достаточно давно, однако появление единой внешнеполити-

ческой линии ЕС в Совете Безопасности скорее всего ускорит этот процесс.

В период общеевропейской дискуссии о проекте конституции наиболее серьезные противоречия возникли по вопросу о роли национальных парламентов в устройстве ЕС. В конституции для них сохраняется единственный способ оказывать влияние на общеевропейские процессы — наблюдать за тем, чтобы деятельность брюссельских институтов соответствовала принципам «дополнительности и пропорциональности», то есть не выходила за рамки их компетенции и не превышала установленные в конституции задачи Союза. Каждый национальный парламент (в том числе и однопалатный) обладает двумя голосами; для того чтобы вынудить Комиссию пересмотреть свое решение требуется треть от общего числа голосов. Конечно, данные установления сохраняют для национальных парламентов возможность контролировать внешнеполитическую деятельность ЕС, однако превращают их скорее в совещательный орган. Законодательная власть по конституции принадлежит Европарламенту и, как это ни странно, Совету ЕС, который одновременно является и основным институтом исполнительной власти.

Ассамблея Европейского союза внесла в Конвент резолюцию о разделении властей в ЕС, в которой предлагается оставить Совету лишь исполнительные функции и создать двухпалатную систему, в которой Европарламент станет первой палатой, а представители национальных парламентов сформируют вторую. Реакция Конвента на эти предложения была крайне негативной. Более того, любая дискуссия в его рабочих группах о представительстве национальных парламентов на европейском уровне пресекалась на корню под предлогом того, что новый институт ЕС может нарушить сложившийся институциональный баланс. Хотя в действительности именно решения, принятые Конвентом, приведут к отсутствию баланса властей и преобладанию исполнительной власти (Совет и Комиссия), которая к тому же наделяется некоторыми законодательными полномочиями. Конституционный проект предполагает, что в отличие от национальных парламентов Европарламент вовлечен в формирование общей внешней политики. Согласие Европейского парламента требуется, когда речь идет о соглашениях об ассоци-

ации, договорах, учреждающих особую институциональную структуру, а также тех соглашений, которые могут сильно отразиться на бюджете Союза. Однако невозможно установить ответственность Совета перед Европарламентом, который не имеет права подвергать сомнению решения правительств ЕС, ответственных лишь перед национальными парламентами. Именно национальные парламенты утверждают государственный бюджет, принимают решение о развертывании войск, совместной обороне, использовании территории и воздушного пространства иностранными войсками, определяют, у кого закупать оружие. Таким образом, сотрудничество с ними в области общей политики безопасности, их участие в принятии общеевропейских решений просто необходимо. В том случае, если их единственная связь с Брюсселем будет осуществляться через национальные правительства, они окажутся лишены возможности составить для себя объективную картину. Следовательно будет нарушен фундаментальный принцип ЕС — принцип согласования интересов. И если для представителей исполнительной власти национальных государств площадкой для согласования интересов является Совет, то для законодателей может быть создана межпарламентская ассамблея как один из институтов Европейского союза.

Разумеется, дискуссия о будущем континента вызывает повышенный интерес к брюссельским институтам. Политики все больше стремятся участвовать в общеевропейских, а не национальных структурах. Желание Тони Блэра, главного приверженца альянса с Америкой, стать в будущем европейским президентом замечено едва ли не всеми, кто следит за развитием общеевропейских процессов. Один из наиболее тонких европейских политиков Йошка Фишер интересуется должностью министра иностранных дел Европы гораздо больше, нежели постом германского канцлера. На данный момент интересы национальных правительств все еще преобладают в системе принятия европейских решений. Однако достаточно показательным является тот факт, что нынешние лидеры государств ЕС все больше напоминают персонажей комедии дель арте, представляя карикатурное, подчас гротескное отражение типичных национальных черт. Ширак — изворотливый француз, Берлускони — хвастливый и пронырливый

* *Draft Treaty establishing a Constitution for Europe. Article 15 (1).*

итальянец, Шредер — воплощение немецкого тугодумия. Скорее всего, это является закономерностью для Европы, которая движется в сторону наднационального существования. Вероятно, лидеры уровня Г. Коля и Ф. Миттерерана теперь могут появиться лишь на брюссельском уровне.

Вполне возможно, что подобной судьбы не избежать и национальным политическим партиям. В статье П-12(2) проекта конституции утверждается, что «волю граждан Союза выражают партии общеевропейского уровня»*. Такая формулировка вынуждает задуматься о будущем традиционных партийных систем. Возможная маргинализация партий национального уровня и возникновение европейской партийной системы будет способствовать созданию постсовременного государства, однако богатый политический и парламентский опыт многих национальных партий окажется невостребованным. Партийные функционеры, которые до сих пор оказывают влияние на формирование европейской политики, будут этого влияния лишены. В Европе государств серый кардинал британских тори — фигура ключевая, в Соединенных Штатах Европы он лишь функционер одной из местных партийных ячеек.

Существует и обратная сторона медали. Страны ЕС часто не могут прийти к согласию не только по поводу конкретных действий, но и по более глобальным проблемам, например по вопросу о том, кого считать союзником. Государства ЕС претендуют на то, чтобы проводить независимую внешнюю политику, руководствоваться собственными национальными интересами. В итоге получается ситуация лебедя, рака и щуки, когда каждая страна тянет воз в свою сторону. Великобритания в своей внешней политике во многом опирается на «особые отношения» с Соединенными Штатами (хотя пафос этой концепции понятен только в Лондоне). Франция часто руководствуется во внешней политике голлистскими принципами и продолжает оказывать поддержку 50 франкоговорящим странам, которые составляют круг франкофонов. И так каждое государство ЕС: для Испании приоритетными являются отношения с Латинской Америкой, для Нидерландов — постколониальные связи и приверженность международному

праву, для Финляндии — ее тесное, противоречивое сотрудничество с Россией.

Различия в подходах европейских государств к общей внешней политике особенно ярко проявляются в системе поочередного выполнения функций председателя ЕС, которая сохраняется в конституционном проекте. Американский дипломат Р. Холбрук обращает внимание на ущерб от того, что каждое государство, как только подходит его очередь председательствовать, меняет приоритеты. Так, если проследить за историей института председательства ЕС, начиная со второй половины 2001 года, станет очевидно, что приоритеты действительно постоянно меняются: для Бельгии это был африканский регион Великих озер, для Испании — евросредиземноморское партнерство, для Дании — экономическое сотрудничество и диалог ЕС с международными институтами как альтернатива европейской военной организации и «ремилитаризации Европы», для Греции это были Балканы, для Италии — вновь Средиземноморье и глобальные европейские проекты, такие как конституция. Председательствующая страна каждый раз заново устанавливает приоритеты ОВПБ, так что воз с каждым годом увязает все глубже в тине национальных интересов.

Пока Конвент разрабатывал проект конституции, в европейских странах проходила дискуссия между федералистами и антифедералистами, отстаивающими радикальные концептуальные модели конституционного устройства. По аналогии со знаменитыми статьями американских отцов-основателей, обращения сторонников Соединенных Штатов Европы к членам Конвента получили название «писем Федералиста». Как и в американских статьях, написанных Гамильтоном, Мэдисоном и Джеем два века тому назад, в современных европейских памфлетах одной из центральных тем становится единая внешняя политика. Как и тогда в обществе существует влиятельная антифедералистская оппозиция, которая стремится доказать неприемлемость сильной центральной власти. Данная аналогия всячески обыгрывается нынешними европейскими лидерами. Так, например, президент Конвента Жискарь д'Эстен сравнивает себя с Б. Франклином. Во «втором письме

Брюссель. Европейский парламент

Федералиста» вспоминаются слова Джорджа Вашингтона о том, что Конвент «даст жизнь новому влиятельному политическому образованию»*.

Федералисты отмечают, что наиболее успешные европейские проекты осуществлялись Комиссией, и развитие общей внешней политики не должно стать исключением. Конечно, как считают идеологи Соединенных Штатов Европы, на первом этапе была необходима должность верховного представителя, однако со временем его функции должны перейти к вице-президенту Комиссии. «Ведь не существует же верховного представителя по вопросам торговли или рыбной ловли»**. В «восьмом письме Федералиста», озаглавленном «Конвент ничему не научился на примере иракского кризиса»***, утверждается, что основные полномочия в проведении единой внешней политики должна получить Европейская комиссия, однако налагать экономические санкции, заключать договоры, предоставлять гуманитарную помощь следует лишь с согласия Европарламента. Влиятельные немецкие критики конституционного проекта,

члены партийного блока ХДС/ХСС В. Шаубле и Р. Боклет (баварский министр по федеральным и европейским делам) внесли в Конвент поправку к проекту конституции о том, что Европарламент должен ратифицировать все международные договоры ЕС****. Федералисты убеждены, что на смену громоздкой запутанной системе еврократии должна прийти более стройная и потому более эффективная система баланса властей. Кроме того, и это представлено как основной урок иракского кризиса, решения по всем внешнеполитическим вопросам должны приниматься квалифицированным большинством.

В 10 статье проекта конституции утверждается, что сама «конституция и любой другой закон, одобренный институтами Союза, обладает приоритетом по отношению к национальному законодательству»*. Для антифедералистов подобное положение представляется абсолютно неприемлемым, так как главенство европейского закона противоречит конституционным требованиям многих государств ЕС. Критику вызывает и концепция «взаимного признания»

* *Federalist Letter to the European Constitutional Convention. Issue number 2, 19 March 2002.*

** *Europe needs a powerful voice in the world. A Federal Union paper for the European constitutional convention.*

*** *Federalist Letter to the European Constitutional Convention. Issue number 8, 11 June 2003. The Convention is failing to learn the lessons of the crisis in Iraq.*

**** *Draft Treaty establishing a Constitution for Europe. Amendments.*

* *Draft Treaty establishing a Constitution for Europe. Article 2. 12(2).*

решений судов на европейском пространстве, а также согласованная политика по вопросу о предоставлении политического убежища. Антифедералисты отмечают, что впервые в истории европейского проекта новый договор призван заменить все существующие соглашения. Кроме того, по их мнению, конституция передает на наднациональный уровень основные властные полномочия в таких сферах, как юстиция, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, энергетика, социальная политика, защита потребителя; Комитет регионов ЕС с региональными ассамблеями подменяет собой национальные правительства, городские и окружные власти, Комитет по экономической и социальной политике ЕС — национальные тред-юнионы. Антифедералисты утверждают, что если лояльность решениям Союза во внешней политике провозглашается в конституции обязательством государства, это может означать лишь полную утрату суверенитета.

Одно из наиболее ярких антифедералистских выступлений — это воззвание британских консерваторов, озаглавленное «Вернем власть Британии, Вестминстеру и вам». В документе говорится, что проект конституции, представленный Конвентом, отражает интересы брюссельской элиты и подрывает законодательную власть национальных парламентов. «Это основа для законотворчества, а не конституция гольф-клуба, как обещал нам министр иностранных дел Джэк Стро»**. Другая претензия британских консерваторов к конституционному проекту — это слишком высокая степень влияния европейских судов на политическую жизнь национальных государств.

Безусловно, среди антифедералистов можно найти представителей различных национальных партий. Однако критика справа, пожалуй, особенно влиятельна. В статье III (3) проекта конституции провозглашается, что Союз будет способствовать развитию Европы на базе социально ориентированной рыночной экономики***. Таким образом, неоконсервативные принципы отвер-

гаются априори, что естественно вызывает раздражение у правых, предрекающих «социалистической Европе» низкий рост экономики и высокий уровень безработицы. Британские тори критикуют также социалистическую природу конституции, утверждая, что европейская хартия основных прав, способствует распространению таких принципов, как право на стачку. «Это право, — утверждают консерваторы, — никогда не составляло часть британского закона, даже при самых одиозных социалистических правительствах. Хартия противоречит нашему трудовому законодательству, которое делало нашу экономику конкурентоспособной»****.

Левые критики Европейской федерации опасаются, что возникновение единой внешнеполитической линии приведет к изменениям в представлениях ЕС о мироустройстве. Сильная в военном отношении Европа, утверждают они, может отказаться от неокантианской модели государства и концепции «мягкой мощи», вернувшись на позиции политического реализма. Разработанная Х. Соланой стратегия, которая недавно была утверждена Европейским советом, приводится левыми антифедералистами в качестве доказательства «неоколониальных» тенденций в осуществлении общей внешней политики. В «документе Соланы» акцент сделан на превентивное военное вмешательство и наращивание военной мощи Союза. Для сторонников демократического институционального мироустройства и «ремилитаризации Европы» данные концепции выглядят как красная тряпка для быка, вынуждая их становиться в оппозицию федералистским устремлениям брюссельской элиты.

Следует отметить, что, несмотря на критику конституционного проекта различными политическими силами Европы, институты ЕС уже подхватили некоторые из сформулированных Конвентом предложений и приступили к их реализации. В целом проект предусматривает коренную реформу правовых основ и институциональной системы ЕС.

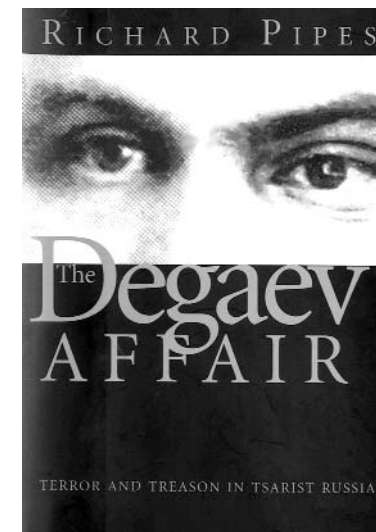
Предательство и революция

Richard Pipes. The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. — New Haven and London: Yale University Press, 2003. — 156 p.

Член исполнительного комитета «Народной воли» и по совместительству полицейский осведомитель Сергей Дегаев исчез из России после того, как в декабре 1883 года в Санкт-Петербурге во время конспиративной встречи убил жандармского подполковника Георгия Судейкина, руководившего работой по ликвидации русского революционного подполья. Преступление было столь громким, что царские власти, разыскивая его исполнителя, пошли на беспрецедентный для себя шаг: они впервые обратились за помощью к общественности, развесив по всей стране плакаты, которые устанавливали награду в десять тысяч рублей — огромные деньги по тем временам — тому, кто поможет арестовать злоумышленника. Между тем он пропал, не оставив никаких следов. Лишь через много лет стало известно, что скончавшийся в 1921 году отставной профессор математики университета штата Южная Дакота Александр Пелл был не кто иной, как беглый революционер-террорист Сергей Дегаев. (Кстати, университетский Фонд Пелла, учрежденный его вдовой, по сей день продолжает выплачивать скромные стипендии американским студентам.)

Новая книга профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса «Дело Дегаева: террор и государственная измена в царской России» представляет собой необычайно интригующий экскурс в нашу отечественную историю. С этим автором можно соглашаться или спорить, но трудно отрицать тот факт, что все его работы удивительно современны, пишет ли он о судьбе русского либерализма, заговорах русских бомбистов или становлении русского вотчинного хозяйства. Столь же актуальна в его изложении и история «Народной воли». Объясняется это тем, что в революционном терроре автор видит, прежде всего, моральную проблему: он не перестает удивляться той легкости, с какой русские интеллигенты XIX столетия оправдывали использование несправедливых средств ради благой цели. Впрочем, они едва ли были одиноки в этом, ибо такова природа революции и революционного террора, повсеместно и неизменно. Двусмысленность любой революционной идеи и двуличие делателей всех революций — вот, на мой взгляд, главная тема книги.

Именно поэтому автор скрупулезно исследует природу народовольческого террора, полагая, что мирозерцание террориста не сводимо к рациональным выкладкам и аргументам. Действительно, целенаправленное и добровольное обращение к человекоубийству лишь отчасти может быть оправдано ссылками на царящие вокруг нищету и угнетение. О соблазне спрятать собственную моральную ущербность за рассуждениями типа «среда заела» в свое время писал Достоевский. Как бы перекликаясь с русским классиком, Пайпс вполне справедливо обращает внимание на то, что в большинстве случаев такого рода «благородная цель — идеальное политическое и общественное устройство — служит всего лишь предлогом для применения насилия. ...Высокая цель сообщает легитимность поведению, которое в иных ситуациях было бы сочтено просто преступным» (с. 29).

* Ibid. Article 10.

** *European Constitution — a Political Timebomb. Returning Power to Britain, Westminster and You. L., 2003. P. 15.*

*** *Draft Treaty establishing a Constitution for Europe. Article 3 (3).*

**** *European Constitution — a Political Timebomb. P. 23.*

Когда в 1881 году президент Соединенных Штатов Джеймс Гарфилд был застрелен анархистом, исполнительный комитет «Народной воли» направил письмо соболезнования американскому народу, указывая на недопустимость террора в демократическом государстве, гарантирующем своим гражданам все права и свободы. По мнению заговорщиков, примерно в то же время спланировавших и осуществивших убийство русского царя, насилие допустимо лишь в ответ на насилие. В конечном счете именно такой «ситуативный» подход к фундаментальным вопросам этики обусловил последующее разложение русского революционного сознания и глубочайший распад личности наиболее убежденных русских террористов. После того как применение двойных стандартов сделалось в революционных кругах нормой жизни, революция лишилась принципов. Причем ее беспринципность стала особенно очевидной, когда нигилистам и их наследникам наконец-то удалось взять верх, и они на семь десятилетий получили Россию в свое полное распоряжение.

Революционная истина двоятся, она вовсе не такова, какой кажется на первый взгляд. Она — не выстрадана, а потому безжизненна. Оказавшись плодом голых рациональных калькуляций бывших обитателей «дворянских гнезд», терзаемых собственной никчемностью, но не знавших ни голода, ни политических репрессий, правда революции представляла рукотворной, искусственной правдой. Из-за этого с ней расставались столь же легко, как и обретали ее. А чем, скажите, еще объяснить баснословные перипетии жизненного пути Сергея Дегаева, неистового поклонника террора, вдруг сделавшегося полицейским осведомителем, оптом сдавшего бывших друзей, а потом, вновь усевшись, убившего своего жандармского куратора? И, что самое главное, подобное явление было далеко не единичным; в России дегаевское поветрие распространилось предельно широко, а симбиоз революции и охраны стал одним из отличительных признаков антимонархического движения.

«Полиция управляет революцией» — так Пайпс назвал одну из глав своей книги. Действительно, революционная идея, лишенная нравственного стержня, «выдуманная из головы», крайне податлива и гибка; с помощью полиции и жандармерии она легко ложится в predetermined для нее русло, превращаясь в предмет самых замысловатых политических манипуляций. При таком раскладе преобразование общества оказывается уделом силовых структур — спецслужбы парадоксальным образом становятся ведущей силой социального развития, с одной стороны, жестко контролируя действия подрывных элементов, а с другой стороны — столь же эффективно подталкивая режим к либерализации.

Интересно, однако, что такой, используя формулу Достоевского, «дьяволов водить» можно ставить далеко не везде и не всегда; его главным условием является отрешенность подавляющего большинства граждан страны от политики, то есть то, что сегодня называют отсутствием гражданского общества. Так называемые «силовики» процветают лишь там, где общественности в высоком смысле этого слова нет; это еще один вывод, который можно сделать из дегаевской авантюры. Увы, даже сегодня за аргументами в его пользу далеко ходить не надо.

Книга Р. Пайпса, посвященная событиям более чем вековой давности, представляет удивительно современной; в этом, кстати, одна из примечательных особенностей научного таланта ее автора. Он умеет делать историю живой — дар столь же благой, сколь и редкий. Стоит надеяться, что эта его работа появится в русском переводе гораздо быстрее, чем, скажем, знаменитая «Россия при старом режиме», опубликованная у нас с задержкой в десятилетия.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Громова Т.А. Городской голова Леонид Иванович Афанасьев. — Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. — 160 с.

Эта чрезвычайно любопытная книга, написанная научным сотрудником Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гюнчарова, рассказывает о работе Симбирской городской думы и ее управы с 1909 по 1917 год. Всесторонне описывая деятельность Л.И. Афанасьева, симбирского головы того времени, автор предлагает читателю широкую панораму общественной жизни Симбирска начала XX века — пика его экономического и культурного подъема.

Если исходить из нынешней (довольно печальной) социально-экономической ситуации в Ульяновске, то выбор темы кажется вполне закономерным, ибо проблемы становления самоуправления в регионах сегодня не менее, а подчас и более остры, чем сто лет назад. Сегодня как никогда очевидно, что малоэффективная управленческая система оборачивается отсталостью российской «глубинки», хронической бедностью, низким качеством жизни и в конечном счете социальными потрясениями. Поэтому необычайно отрадно, что в нашей литературе, посвященной местному самоуправлению, появляются основательные работы, где без каких-либо идеологических и политических пристрастий предпринимается объективная экспертиза плодотворной деятельности муниципальных властей предреволюционной России.

Значительная часть монографии посвящена относительно небольшому временному периоду (1909–1917 гг.) деятельности Афанасьева на посту симбирского головы. Прологом к повествованию служит помещенная на титульном листе выразительная характеристика главного героя: «За глаза в Симбирске его называли «американцем». И не только машина «Форд», в которой он разъезжал по городу, и американская пилотка, его неизменный летний головной убор, были тому причиной. В России тех

лет слова «американец», «по-американски» являлись синонимами невиданного размаха, предприимчивости в сочетании с энергичной деятельностью. Этим-то и отличался Леонид Иванович от прежних отцов города. Всего за несколько лет он сумел поднять на дыбы «сонный город», как издавна называли Симбирск, и отправить его в погоню за лучшими достижениями мировой цивилизации. При нем Симбирск проснулся от долгого сна и прозябания, разбуженный ярким светом первых лампочек городской электростанции, мерным постукиванием колес по уложенным мостовым, журчанием чистой воды в трубах городского водопровода. А проснувшись, поверил в свое будущее, сулившее ему благоденствие и процветание ...» (с. 3).

Л.И. Афанасьев родился в Симбирске в 1868 году. Поступив в 1889 году по окончании гимназии в Московский университет, будущий глава города в 1892 году оставил его по семейным обстоятельствам. С 1894 по 1909 год он прошел путь от рядового писца до председателя земской управы, а в 1909 году был избран председателем городской думы и одновременно утвержден городским головой, которым оставался вплоть до 1917 года. «В Афанасьеве, — отмечает автор, — странным образом переплелись аристократическое благородство дворянина и железная хватка купца-предпринимателя. Возможно, этим и объясняется феномен его личности, достойной того, чтобы о нем не забыли потомки» (с. 9).

С поразительным размахом и энергией новый голова занялся приведением в порядок бюджета города. Поскольку хронической болезнью отсталого городского хозяйства было неудовлетворительное финансирование, Афанасьев, привлекая высококвалифицированных специалистов, в 1909 году реформирует процедуру взимания налогов, внедряя взамен устаревшей новую систему бухгалтерского учета. При этом проводится работа по оценке и налогообложению недвижимости на базе вновь разработанных и более обоснованных нормативов,

что позволило упорядочить налоговые сборы. Успешная реализация этих первоочередных важнейших мер стала, как отмечает автор, «отправной точкой переустройства всего городского хозяйства» (с. 48).

Уже первые результаты реформ были поистине впечатляющими, о чем свидетельствуют приведенные в книге отчетные данные. Так, сборы с недвижимого имущества росли в следующей динамике: 1909 год — 205 тыс. рублей, 1910-й — 343 тыс., 1913-й — 428 тыс. рублей. Кроме того, созидательные амбиции побуждали главу города изыскивать внебюджетные средства за счет разного рода кредитов и пожертвований. Это, в свою очередь, позволило обеспечить все более высокие вложения средств в переустройство города: в 1909 году на эти цели тратилось 435 тыс. рублей, в 1910-м — 1049 тыс., в 1911-м — 1542 тыс. рублей (с. 86). Тенденция едва ли нуждается в комментариях.

В итоге осуществленной городской властями масштабной программы преобразований Симбирск к 1913 году по бюджетной обеспеченности вошел в первую тридцатку 600 российских городов. В приводимых в монографии цифрах четко просматривается социальная ориентация бюджетной политики города. Достаточно сказать, что с 1909 по 1913 год городские расходы на народное образование выросли с 60 до 117 тыс. рублей, а на медицину и санитарию — с 40 до 70 тыс. рублей (с. 86).

Городской голова был твердо убежден в необходимости систематического приумножения муниципальной собственности. В земельном вопросе Афанасьев отстаивал ту точку зрения, что ни один клочок земли, принадлежащей городу, не должен пустовать, а земельные участки должны сдаваться в аренду либо быть предметом купли-продажи. Эта принципиальная позиция реформатора вызывала ожесточенное сопротивление, преодолевать которое стоило немалых трудов. Автор книги отслеживает, как за недолгие годы правления Афанасьева и его команды весьма крупные по тем временам денежные ресурсы превращались в городские дороги, парки, телефонные линии, корпуса городской электростанции, водопровод, железнодорожный мост через Волгу, который построили всего за четыре года, новые школы. Планы же были еще более грандиозными: трамвай, канализация, речная гавань, городской холодильник,

но, к несчастью для Симбирска, всего через восемь лет после избрания нереализованные проекты Афанасьева, как и его самого, смела разрушительная волна революции. Имя одной из самых ярких личностей за всю историю города было похоронено на долгие годы. Удивляться этому не приходится, ибо симбирский городской голова принципиально не мог приспособиться к большевистским порядкам. Заметив, что Симбирская дума практически осуществляла «экономический социализм» в смысле «равнения на лучших», стараясь обездоленных людей по возможности уравнивать с благосостоятельными, он закончил свое последнее публичное выступление, состоявшееся 25 августа 1918 года, словами: «Хочу, чтобы принцип неприкосновенности личной собственности, свободы, торговли и труда, существующий в самых промышленных, свободных и богатых странах, оставался непоколебимым в нашей стране» (с. 115).

Книгу отличает высокая историческая достоверность; это своего рода летопись, основанная на глубоком изучении большого количества архивных документов, печатных изданий, свидетельств современников. К тому же она прекрасно иллюстрирована архивными фотодокументами. Примечательно также, что двухтысячный тираж книги появился благодаря усилиям Ульяновской городской думы, депутаты которой в предисловии весьма справедливо отмечают: «Реформирование современной России ставит перед обществом задачи, от решения которых зависит наше будущее. А любое созидание невозможно без переосмысления своего прошлого» (с. 5).

Александр Клинский

Тихомиров В.Р. Кубань: через тернии — к гражданскому обществу. — Краснодар, 2003. — 127 с.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, фельетонов и памфлетов известного на Кубани публициста Всеволода Тихомирова. Доцент Кубанского университета, физик-теоретик, специалист по общей теории относительности Эйнштейна, автор является одновременно членом Союза писателей России. Сторонник рыноч-

ной экономики и либеральной демократии, В.Р. Тихомиров предлагает читателю, прежде всего, личную гражданскую позицию, свой взгляд на происходящие в регионе общественно-политические события.

Статьи, представленные в сборнике, были опубликованы в кубанской прессе в период с 1988 по 2004 год. Это четырнадцатилетний опыт противостояния автора мракобесию и нетерпимости, царящей в регионе. Так, едко высмеивая сомнительную «научную теорию» бывшего преподавателя научного коммунизма Трутнова о том, что славяне — прямые потомки арьевенедов, а Волга еще 200 лет назад называлась Ра в честь солнечного бога арийцев, Тихомиров отсылает читателя к оде Ломоносова «На день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года», где в тексте есть слова: «Воззри в поля свои широки, где Волга, Днепр, где Обь течет!» (с.27). И безобидным показалось бы заблуждение «историка» Трутнова, если бы он не основывал на сомнительной теории свой очередной призыв «выбрать ту дорогу, которую укажет нам наша вековая тайна, не доступная ни одному народу на земле» (с.29).

На первый взгляд, заметки В.Г. Тихомирова весьма субъективны, а темы его рассказов продиктованы региональной спецификой. Однако казавшиеся еще несколько лет назад «экзотическими» методы ведения полемики на Кубани сегодня — общероссийская действительность. Именно этим и может быть интересна его книга не только кубанскому читателю, поскольку перипетии взаимоотношений автора с земляками под другим углом зрения едва ли могут показаться интересными. Например, в статье «Как я угодил на ФИК» он рассказывает о том, как оказался на форуме интеллигенции Кубани. Автор пишет, что когда с трибуны «огласили» обвинения в его адрес, «раздался оглушительный гром аплодисментов, а все сидящие в соседних креслах разом отшатнулись и с презрением посмотрели на меня» (с. 120). Не так ли выглядят сегодня собрания даже на самом «высоком» российском уровне, когда под подозрение в неоязыльности попадает очередная жертва?

Фантастическая пьеса Тихомирова «Буканский клуб спасателей Пошехонии», опубликованная в 1994 году, демонстрирует единый для российских регионов с авторитарной властью эзопов язык — то, что нельзя

сказать напрямую (в местных газетах, полностью подконтрольных властям, сказать сейчас нельзя практически ничего), обернуто в немудреную форму басни-рассказа с весьма узнаваемыми персонажами. Кондрат Игнатенко, сенатор, прославившийся антисемитскими выступлениями, в пьесе призывает «скоординировать усилия» для защиты родной земли от «христопродавцев и инородцев» (с. 55). Еще одна узнаваемая местная героиня сообщает, что «кое-кто непрестанно вопит о коммуно-фашистах, о «красно-коричневой опасности»! Сегодня нет никаких фашистов, есть только патриоты, а это очень серьезно!» (с. 57). То, что это очень серьезно, за пределами Кубани поняли 10 лет спустя. Теперь, когда эти лозунги звучат в эфире общероссийских каналов, заглушая робкие голоса демократов-интернационалистов, книжка Тихомирова становится учебником для тех, кто готов оппонировать «очень серьезным» людям.

В.Г.Тихомиров виртуозно владеет полемическим талантом. Пока демократы-либералы общероссийского уровня стеснялись вступать в открытый спор с апологетами национал-патриотической идеи, автор с упорством графа Монте-Кристо подкапывал стену уродливого сооружения под названием «Россия для русских». У него, серьезного ученого, а еще альпиниста и тренера по фехтованию, судя по отзывам, опубликованным в книге (с. 3, 126), множество полезных и даже благородных увлечений, а он «продолжает метать бисер перед свиньями в национальных рубашках». Нападает, наносит точечные и точные удары, остроумен, вооружен аргументами.

Все это время на Кубани национал-социалисты, национал-коммунисты, в общем, нацисты всех подвидов, обкатывали свою теорию и практику, а «российская общественность» и прежде всего действительно тогда еще независимые СМИ смущенно молчали, не находя аргументов в споре с дикарями от политики. В результате — сегодня можно констатировать, что национализмом от Кубани заразились и другие регионы, и федеральная российская власть. Ожидания, что этой болезнью переболеет один, особняком стоящий регион, не оправдались. Корь (а именно так называется заметка В.Г.Тихомирова, опубликованная в марте 1990 года) — болезнь, распространяющаяся и в пространстве и во времени. В статье с подзаго-

ловком «Истинное происшествие в моем семействе» автор рассказывает, как он ужаснулся, услышав за стеной звонкий голос дочери, декламирующей: «Мы продаем нашу святую, великую, обожаемую родину всякой иностранной шусере... Русский народ покамест только чешется спросонья, но завтра...» (с. 7) На вопрос: «Что, пришел новый альманах «Кубань»? — дочь ответила: «Что ты, папа! Это рассказ Куприна «Корь», написанный в 1904 году. А «Кубань» мы еще пока не раскрывали!»

Ирина Сербина

Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни. Очерки по мифолингвистике. — Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2003. — 267 с.

Рассуждения по поводу «мифов», «мифотворчества» и «мифоборчества» ныне вошли в моду у представителей политического и околополитического сообщества. При таком повышенном внимании к предмету дискуссии стоило бы сначала определиться в терминах: что мы имеем в виду, когда оперируем понятием «миф», описывая современное состояние социальной практики? Для того, кто хотя бы однажды задавался подобным вопросом, небезынтересным окажется знакомство с монографией самарских ученых — исследователя роли мифологических структур в культуре Софьи Агранович и специалиста по сравнительному языкознанию Евгения Стефанского. Филологические изыскания авторов придают новый поворот теме, волнующей современных социальных мыслителей. На какие струны коллективной души воздействует харизматический и (чаще всего!) авторитарный политик, и почему построенная на иррациональном меседже политическая коммуникация оказывается более эффективной, по крайней мере в сегодняшней России? Есть ли это свидетельство кризиса рационалистической традиции? Или же это проявление нашего родимого «идейно-идентификационного кризиса»? Конечно, авторы книги совсем не так формулируют свою исследовательскую задачу. Их научные штудии, что называется, «из другого файла». Но, может быть, именно поэтому

размышления, на которые провоцируют выводы филологов, способны продвинуть нас и в социальном познании?

Во введении к монографии авторы цитируют вопрос, заданный однажды православному священнику во время прямого эфира на питерском телевидении. Вопрос на первый взгляд наивный: «Почему присутствие кошки в церкви допустимо, а собаки — нет?» Исходя из современного социального опыта, в том числе опыта церковной общины, дать ответ на него невозможно. Между тем он фиксирует реальное табу и реальную сегодняшнюю практику богослужения: присутствие собаки в церкви действительно недопустимо. Без объяснений! Вот таким коротким и емким примером авторы вводят читателей на территорию мифа. То го самого архаичного первобытного магического императива, который сегодня хотя и не осознается, но сохраняется в коллективном подсознательном как одна из форм социальной саморегуляции, как «социальная матрица, способная к самовозрождению при возникновении благоприятных социальных условий».

Один из наглядных примеров такой «социальной матрицы» — этимология русского слова «князь» и его польского аналога «ксендз». Обе эти лексемы, в современных языках семантически не совпадающие, ведут свою родословную от заимствованного из готского языка праславянским словом «kunings», означавшего «вождь, воевода». Это вождь не первобытного племени, а племенного охотничье-воинского объединения, живущего войной и грабежом: так называемого «волчьего» («песьего») сообщества молодых мужчин, проводивших постигационный период своей жизни вне культурной общины — в «диком поле». Более того, «культурная территория», где проживали взрослые мужчины, женщины и дети, находилась в смысловой и бытовой (что по законам мифологического сознания неразделимо) оппозиции к «волчьей стае». Основными чертами, характеризующими охотничье-воинские сообщества, по мнению исследователей, были:

- изолированность;
- ограниченность в правах;
- жестокость, носящая демонстративный (ритуальный) характер.

Изолированность «волчьей стаи» от человеческого культурного поселения была тер-

риториальной: мужчины-«волки» жили вне деревни. Кроме того, изолированность «отроков» (не считавшихся мужами) от общины закреплялась ограничением в правах: «от-рок» — тот, кому отказано в праве говорить (речи) на племенном собрании; тот, кто не может жениться и иметь потомство (в некоторых племенах дети, рожденные от «волков», умерщвлялись при рождении). Обособленность от общины подтверждалась и принятой в «волчьем» сообществе установкой на звериную, вредительскую по отношению к культурному пространству, жестокость.

Эта ритуальная жестокость находится за пределами человеческого мира (узнаете современное понятие «беспредел» и его производные?); это самоидентификация, «направленная на мифологизированный образ жестокого хищника». Песьи головы на седлах опричников, волчьи морды на флагах чеченских боевиков, волчьи законы современных военных и криминальных сообществ — далеко не единственные примеры реинкарнации первобытного мифа в культурно-исторической практике.

Интересно, что первобытное сообщество одновременно противостояло «волчьей стае» и зависело от нее. «Князь» — это и лютый зверь, и защитник. Он нелегитимен в годы мира, но призываем в годы войны. Вождь «волчьего» сообщества соединял в себе военные и жреческие функции, являясь живым воплощением тотема. Так было во времена общеславянского язычества. Христианизация славянских народов, а точнее, те формы, в которых она происходила, обусловила смысловой вектор развития этого, возможно, определяющего последующие представления о верховной власти, слова (мифа) и семантические различия современного русского «князь» и польского «ксендз».

В Польше христианство в его католической версии было сильнейшим политическим фактором объединения страны в рамках феодального государства. И это нашло отражение в миграции понятия «ксендз» (вождь, жрец) целиком в сферу религиозную. Именно там языческая составляющая данного понятия была ассимилирована, укрощена христианским мифом и ритуалом. (Миф, по-видимому, может быть укрощен только другим, более сильным, «категорическим императивом»...) Христианская ми-

фология ценностно возвысила «культурный локус» над «диким полем» — обиталищем Зверя и таким образом преодолела языческое двоемирие, прочертив границу между архаическим и христианским мирами. Но, главное, впоследствии — в процессе эмансипации светской государственной власти от власти церковной — мифологема «ксендз» была выведена за пределы политической практики.

Христианство, воспринятое Русью в его православной модификации, напротив, было подчинено светской власти и не играло не то что определяющей, но даже значительной политической роли. Подчиненное не могло подчинять — и в русском языке слово «князь» со всей его языческой «начинкой» закрепилось в светской политической практике. А вместе с ним утвердилась крайне затруднительная для модернизации социальная модель «двоемирия» — бинарная оппозиция *равноценных* социальных полюсов: культурного локуса и «дикого поля». Закрепилась и практика «двоемыслия» — как способа социально-психологического преодоления этого мучительного ценностного противоречия. И до сих пор, отмечают авторы, пути выхода из этого ментального кризиса туманны.

А посему верховный правитель в представлении жителей России (до сего дня!) — это беспредельно одинокая сакрально-двусмысленная фигура, это харизматичный «вождь» — жестокосердный защитник, окруженный маргинальной, нелегитимной, отчужденной от культурного сообщества, военизированной элитой. Таков был привязанный к двум деревьям и разорванный на куски князь Игорь, таков был жестоко ритуально убиенный вместе со всей семьей Николай Романов, которого не спасло от «волчьей» участи даже отречение от престола. И таков урок мифа тем «современным» политикам, которые готовы «инструментально» использовать для оптимизации управления темные силы архаики.

Собаке (волку) вход в церковь заказан, потому что Зверю в храме не место, но православный священник в эфире питерского телевидения объяснить этого не сумел...

Ирина Лукьянова

Александр Архангельский

Контрапункт

ДОВОДЫ ОТ ПРОТИВНОГО

Поляков Л. В. Основы политического консультирования. (Допущено Министерством образования РФ в качестве учебного пособия по дисциплине «Политология» для студентов высших учебных заведений.) — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 240 с.

Леонид Поляков, доктор философии, профессор факультета прикладной политологии Высшей школы экономики, известный политконсультант, занял по отношению к своему интеллектуальному ремеслу ту же позицию, какую Белинский занял по отношению к некоему стихотворцу-современнику. Тот написал: «Мой предок был Суворов, а я стихи плету». Белинский откликнулся в том духе, что автор в одной строке замечательно сумел сказать и о том, чем следует ему гордиться, и о том, чего следует ему стыдиться. Самокритичные слова, завершающие новую книгу Л. Полякова, служат смысловым и этическим ключом к ней.

«Панацея от вреда, приносимого избирательными технологиями, состоит лишь в одном — в бесконечной повторяемости выборов и ограничении сроков пребывания во властной позиции. А последняя надежда — на новое поколение политических консультантов, способных принести в политику принципы

законопослушания, чести и морали. И при этом — найти работодателя...».

Трезвость и самокритичность редкостная; неразрешимые противоречия необходимой и опасной, общественно значимой и прагматичной до цинизма профессии сформулированы четко; идеал, к которому автор стремится в своей деятельности, обозначен, но глухая тоска слышится в финальной реплике, многоточие изображает вздох. Да, *когда-нибудь* в политической России можно будет работать так, как мечтается, но действовать приходится *здесь и сейчас*... А здесь и сейчас различные воззрения и человеческие принципы политконсультанта (как, впрочем, и его заказчика — самого политика) находятся в неразрешимом противоречии с патерналистской установкой масс, административным усердием элит и неправовым сознанием бизнеса.

Типовой российский политконсультант, как Милицанер из стихотворения Д. А. Пригова, в меру своих скромных сил упорядочивает хаос партийного движения, но при этом вполне нескромно сознает себя центром политического мироздания: «Когда здесь на посту стоит Милицанер / Ему на Внуково простор весь открывается / На Запад и Восток глядит Милицанер — / Взгляд на него отовсюду открывается / Отовсюду виден Милиционер

/ С Востока виден Милиционер / И с моря виден Милиционер / И с неба виден Милиционер / И с-под земли... / Да он и не скрывается». Лично у меня эти строки — написанные в 70-е, когда и слова такого, политконсультант, не было, — ассоциируются с выдающимся политрегламентовщиком Г. О. Павловским. Если в советские времена партия настаивала на том, что она — «наш рулевой», то теперь политтехнолог имеет все основания сказать о себе: «партии, я — ваш рулевой!».

Леонид Поляков объясняет эту мутацию профессионального сознания обстоятельствами исторического времени, условиями, приближенными к боевым, когда политический консультант постоянно вовлекается в сферу деятельности спецслужб, впадает в соблазн «власти посредством информации» (вместо нормальной «информации о власти»), ощущает себя не просто регламентовщиком политического поля, а его демиургом. Но поскольку без политконсультантов, при всех их нынешних бедах, сегодняшний по-

литический процесс был бы еще более рыхлым, внеинституциональным, антиобщественным, постольку книга Л. Полякова из учебного пособия постепенно превращается в «исповедь на заданную тему». А именно: как исполнять профессиональный долг в ситуации, не располагающей к этому? Как сочетать личные политические принципы (в данном случае умеренно правые, близкие к идеологии СПС) с системой политического заказа, от которой любой политконсультант напрямую зависит? И главное: как участвовать — на своем месте и в меру своих возможностей — в модернизационном проекте, если страна так и осталась на перепутье между традиционалистским укладом и включенностью в общеевропейские процессы?

Любые аналитические разработки и рассуждения, включенные в книгу, любые практические советы и рекомендации, любые экскурсы в историю тут подчинены единой сверхзадаче: описать свой опыт личностной и гражданской реализации в странной профессии, которая ныне от гражданственности предельно далека, но без которой нет и не может быть завтрашнего гражданского общества.

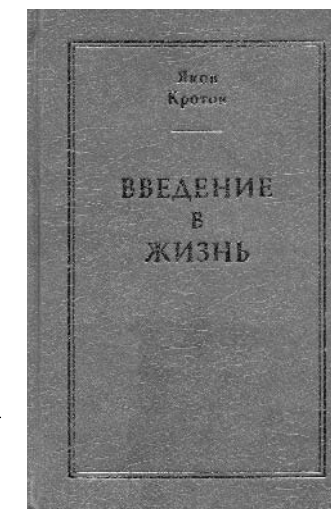
ДОВОДЫ ОТ ПРИЯТНОГО

Кротов Я. Г. Введение в жизнь. — М.: Альварес Паблшинг, 2003. — 480 с.

Для политконсультанта — и это единственно разумная позиция — политическое по-

ле подобно полю футбольному; оно должно быть правильно расчерчено: есть штрафная площадка, центр, а боковые линии и линии ворот строго ограничивают пространство игры, игроки обязаны соблюдать правила, а четкий арбитр — устанавливать, кто прав, кто виноват в конфликтных ситуациях. Только так может быть установлена и реализована демократия, которая в той же мере дело человеческое, в какой институциональное; от грамотно функционирующих институтов зависит столько же, если не больше, чем от позиций и поведения отдельных людей и социальных групп.

Для идеологически ангажированного публициста — и это тоже единственно возможная позиция — все обстоит иначе. Общественная жизнь — не столько поле политической игры (хотя общие правила, безусловно, важны), сколько бесконечная череда ответов на один и тот же вопрос: чего ради мы живем? Вопрос не меняется от эпохи к эпохе, существо ответа тоже, но формы

он принимает разные, поскольку у всякого времени — свой язык.

Яков Кротов построил свою публицистическую деятельность на двух краеугольных принципах. Точнее, на одном краеугольном камне и одном незыблемом принципе. Он мыслит о происходящем изнутри вечного православного мирозерцания и пересказывает свои мысли подчеркнуто, до нарочитой демонстративности современно. Только одна цитата.

«Идею... всякой аскетики о том, что плохо не движение само по себе, а движение умеренное — слишком быстрое или слишком вялое, — жаргон передает россыпью слов, обозначающих желательный темп жизни. Счастье, говоря языком физики, это состояние, при котором собственное движение объекта соответствует динамике окружающей среды. Тогда я «не наезжаю» и «не торможу». Я «двигаюсь» размеренно. Я «тащусь». В сущности, «тащусь» означает «просто двигаюсь» и близко не к «потаскухе», как можно было бы подумать (та «таскается», а не «тащится», то есть движется быстро, резко, часто, а вовсе не размеренно). «Тащиться» ближе к «подвижничеству» — спокойному продвижению к намеченной цели». Есть еще один принцип, дополнительный: предельная субъективность. До прихотливости. Она может проявляться в чем угодно, например в религиозном обосновании нелюбви автора-пешехода к автомобилистам. Которые гордецы и не любят тормозить перед «зеб-

рой». Но в том и дело, что субъективность, равно как и форсированная современность языка православного публициста Кротова не случайны; они — прямое следствие его ясной жизненной, она же политическая, она же гражданская, позиции. Демократизма, основанного на уважении к чужой личности. «Возрождение России начнется не с религии, не с культур-мультур, а именно с отказа давить других людей — как посредством автомобилей, так и без оных, только при помощи законов».

Между тем к слову «православный» само собой просится в сочетание слово «монархист», а вовсе не «демократ»; так исторически сложилось — точнее, мы сами так исторически все сложили. Монархизм, патернализм, традиционализм были, остались и еще долго будут оставаться ближе, понятней и родней большинству православных россиян, нежели демократия, самостояние и модернизация. Не только потому что выдающийся петровский безобразник Феофан Прокопович аккуратно подтолкнул в свое время русскую церковь в объятия российского государства, но и потому что в XX веке «рядовой» православный, тоскуя в реальных земных обстоятельствах, обращался в смутных мечтаниях назад, в монархическое прошлое, а потом старательно выискивал признаки этого прошлого в социалистическом настоящем. «Благодатные», миропомазанные черты в образе вождя. Имперские, государственнические черты в образе наконец-то разрешенного патриарха. И так далее...

Кротов движется наперерез этой традиции последовательно, неуклонно, не останавливаясь перед «зеброй», так что волей-неволей снимаешь перед этой последовательностью шляпу, даже когда не согласен с конкретными суждениями. При этом он прекрасно понимает неизбежную противоречивость, одинокость, «беловоронность» своей позиции. И посреди недемократического православного народа. И посреди безрелигиозных демократов. Он так же остро и так же честно переживает эту свою «невысываемость» в рамки реальности, внутри которой нам суждено жить и действовать, как Леонид Поляков переживает неосуществимость своего профессионального идеала в тесных пределах политтехнологической современности.

Возможно именно поэтому Яков Кротов в своей книге (как Л. Поляков — в своей) пронизывает, пропитывает все автобиографическими мотивами. Он рассказывает, как пришел к православию, как складывался его биографический путь, как поставил перед собой неосуществимые жизненные задачи, без которых — при всей их неосуществимости — невозможно личностно осуществиться. Он фактически исповедует перед читателем.

А что до невозможности перешибить плетью обухом, православный монархизм православным демократизмом, а безыдеальный демократизм — ясной верой, так ведь быть честным политконсультантом сейчас тоже невозможно. Однако у некоторых получается.

PRO и CONTRA: ясности накануне выборов в США не прибавляется

Предстоящие президентские выборы в США не просто будоражат политическую жизнь в стране, но способствуют пристальному интересу американцев к себе как к сплоченной и единой гражданской нации. Опросы общественного мнения в Америке — фабрика поддержания демократией самой себя. Все это — известные вещи. Но в разные времена значимость фактора общественного мнения может варьироваться от чуткого реагирования до полного пренебрежения. США хоть и импортировали из Европы методики и технологии практической социологии, тем не менее именно эта страна по праву считается «прародиной» массовых, регулярных и фундаментальных исследований динамики общественных настроений и мнений. В июне 2004 года силами известного американского агентства «Greenberg-Quinlan-Rosner» была проведена серия замеров, разумеется, приуроченных к предстоящим выборам первого лица республики. (Данные по опросу, который проводился 14–17 июня содержатся в полном объеме на сайте социологической службы: www.greenbergresearch.com)

Полученные в ходе этого опроса результаты весьма примечательны, особенно с точки зрения понимания «нерва» времени и дают нам вполне представительную картинку о подлинных метаморфозах, которые происходят в стране с общественными настроениями, в том числе и за последние месяцы (по мнению исследователей, их данные предполагают статистическую ошибку не более 3,1 процента).

Известно, что суждения, которые высказывают респонденты во время опросов, не всегда затем подтверждаются их электоральным поведением. Поэтому скептические, а порой и резко критические оценивания, которые высказывали американцы по отношению к политике страны, могут напрямую и не оказать воздействие на их электоральные предпочтения во время голосования. Но для администрации США в полученных социологических данных есть много тревожного и симптоматического.

Начать хотя бы с того, что 55 процентов опрошенных считали, что страна движется «в неправильном направлении». Среди них каждый четвертый главной причиной называл Ирак и экономические проблемы. А каждый пятый указывал на имя личное всех этих проблем — на Джорджа Буша. Но «повесить всех собак» на своего президента были готовы лишь чуть более 10 процентов.

Александр Согомонов,
академический
директор Центра
социологического
образования Института
социологии РАН

А вот среди поддерживающих политику президента 44 процента считали, что экономика страны при нем безусловно улучшилась, и 27 процентов видели в Буше хорошего лидера, поступающего во «благо» страны.

Так, в целом, выглядит распределение общественных настроений по отношению к действующему президенту (в процентах от числа опрошенных):

Совершенно поддерживаю	35
Скорее поддерживаю	13
Скорее не поддерживаю	12
Совершенно не поддерживаю	36
Воздержались от ответа	4

Результаты опроса, как видим, свидетельствуют о строгом эмоциональном балансе в обществе, так что «почувствовать разницу» вряд ли под силу даже самому опытному социологу.

И то же самое мы видим в случае прожективного голосования. Так намерены *сегодня* проголосовать американцы в ноябре:

За Джона Керри	49
За Джорджа Буша	48
За других кандидатов	2
Не определились	1

Американцы — люди, испокон веку привыкшие голосовать, и по крайней мере на уровне намерений (свыше 90 процентов) и в данном случае демонстрируют свою активную готовность к участию в будущих выборах. Разница между главными фигурантами так незначительна, а удельный вес не определившихся с выбором настолько мизерный, что очень велика вероятность того, что и в ноябре этого года вполне может повториться сценарий прошлых выборов, когда конкуренты наберут настолько одинаковое число голосов, что даже малейший сбой в системе подсчета может предопределить судьбу страны. А возможно, и мира.

Американские социологи не случайно столь щепетильны в «малых» числах, поэтому их и интересует, какая перспективная динамика может сложиться в оставшиеся до выборов месяцы, то есть могут ли люди изменить свою позицию и поддержать конкурента. Но и здесь пока не обнаруживается ничего примечательного с точки зрения социологии.

Варианты ответов	В пользу Керри	В пользу Буша
Шанс есть	4	4
Шанс очень невелик	4	4
Совершенно незначительный шанс	8	7
Никаких шансов	34	38

Электоральные качели, казалось бы, качнулись в пользу демократов, но ведь вновь не очень убедительно.

Любопытно, что личные симпатии американцев не всегда буквально коррелируют с их представлениями о том, как должна выстраиваться внешняя и внут-

ренняя политика страны. К примеру, 54 процента всех опрошенных считают, что курс Джорджа Буша должен быть изменен.

Причем в меньшей степени это касается его «войны с терроризмом» и больше внешней политики в целом, а также разных аспектов внутреннего экономического и социального курса. При этом американцы полагают, что Буш в равной мере проявляет (как и одновременно не проявляет) заботу о людях, скорее честен и правдив, сильный лидер, дающий людям обнадеживающий образ будущего. И гораздо слабее по части экономики и ведения иракской войны. Впрочем, справедливости ради надо вновь заметить, что положительные и отрицательные оценки личности и деятельности Буша постоянно варьируются, но более или менее строго вокруг пропорции 1:1. Утверждение же о том, что «американская экономика становится крепче», в том или ином виде поддерживали более трех четвертей опрошенных.

Вместе с тем, когда американцам, принявшим участие в опросе, были предложены разные высказывания по широкому спектру вопросов международной и внутренней политики США, то небольшую «риторическую» победу одержал Джон Керри. Его суждения показали большей части американцев куда более убедительными и симпатичными. И это касается в равной мере буквально всех высказываний кандидатов, как по экономическим вопросам, так и по иракской войне.

«Стенка на стенку», сказали бы люди, привыкшие в своей национальной истории к гражданским войнам и полярному гражданскому противостоянию. Такое жесткое и устойчивое противостояние, подумают они, способно разрушить гражданскую солидарность и привести к фатальным последствиям для развития страны. Вряд ли стоит волноваться по этому поводу. Наверное, устойчивость политических мнений и предпочтений и есть признак устойчивого демократического развития, при котором информированность и политическая компетентность граждан становятся главными ориентирами публичной политики.

Конечно же, даже в самой недавней истории Америки один лидер мог быть существенно популярнее другого и одержать сокрушительную победу. Но как норма демократии такая ситуация, как кажется, остается в прошлом западных демократий. Сегодня судьбы демократического голосования решают считанные проценты, если не просто единицы голосующих. Влияет ли такое голосование на легитимность результатов, зависит исключительно от непосредственного участия людей в политике и технической объективности системы подсчета.

Более того, чем ближе «нос к носу» основные кандидаты, тем больше приходится им работать в открытом состязательном процессе, поскольку даже один голос может в такой ситуации решить все. А это обстоятельство лишь укрепляет свободу и приверженность обществ демократическому вектору развития. И вряд ли мы усомнимся в этом в ноябре 2004 года.

Александр Согомонов

*Устойчивость политических мнений
и предпочтений и есть признак
устойчивого демократического развития*

CONTENTS

SEMINAR

Civil Society in today's Russia	5
<i>Elena Nemirovskaya</i>	
<i>Yuri Senokosov</i>	
<i>Larisa Mishustina</i>	
<i>Ludmila Alekseeva</i>	
<i>Aleksander Auzan</i>	
<i>Aleksander Sungurov</i>	

THEME OF THE ISSUE

The Reform of the Federative System and Local Self-government	21
<i>Vladimir Pligin</i>	
Business and Politics	25
<i>Igor' Yurgens</i>	
Military Enterprises in Russia and the Problem of their Transformation	29
<i>Aleksander Sharavin</i>	
How the British Government Works	35
<i>Richard Wilson</i>	

XXI CENTURY: CHALLENGES AND THREATS

Russia in the Modern World	45
<i>Vladimir Lukin</i>	
Terrorism and Democracy	51
<i>Douglas Hard</i>	
The Imperial Idea and the Pragmatism of the State	57
<i>Aleksey Makarkin</i>	

CONCEPT

The Crisis of Russian Liberalism?	63
<i>Boris Kapustin</i>	

DISCUSSION

The Fourth Duma and the Democratic Process	73
<i>Vladimir Ryzhkov</i>	

ANNOUNCEMENT

Strategy of a Metropolis	82
<i>Blair Ruble</i>	
Perm as the Homeland of Russian Liberalism	84
<i>Andrei Nikitin</i>	

FREEDOM AND CULTURE

Remarks on the Psychological Appeal of Totalitarianism	87
<i>Bruno Bettelheim</i>	

NEW PRACTICES AND INSTITUTIONS

The Perm Centre for Civil Education and Human Rights	93
<i>Andrei Suslov</i>	

AN INDIVIDUAL EXPERIENCE

Vadim Medvedev: «One Should Never Miss the Opportunity to Do Good»	97
<i>Zoya Yeroshok</i>	

IDEAS AND NOTIONS

Civil Society	100
<i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	

HORIZONS OF UNDERSTANDING

On the European Constitution	106
<i>Aleksander Terentyev</i>	

BOOKS

Treachery and Revolution	113
<i>Andrei Zakharov</i>	
Overview of Regional Book Publications	115
<i>Aleksander Klinskiy, Irina Serbina, Irina Lukyanova</i>	
Counter-Point	120
<i>Aleksander Arkhangelski</i>	

NOTA BENE

Pro and Contra: Little is Clear on the Eve of the US Elections	123
<i>Aleksander Sogomonov</i>	

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В РОССИИ

СЕМИНАР

(Голицыно, июль 2004)

Наши авторы:

Ширли Вильямс

Лорд Гатри

Михаил Задорнов

Владислав Иноземцев

Ольга Малинова

Михаэль Мертес

Ричард Пайнс

Яцек Ростовский

Владимир Рыжков

Алексей Салмин

Дмитрий Тренин

Джеффри Хоскинг

Подписано в печать 06.09.2004.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1500 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований

121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: msps@co.ru

[http: //www.msps.ru](http://www.msps.ru)

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Московской типографии № 6 Минпечати РФ

109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

